БИБЛИОТЕКА ИЗД-А „СВОБОДНАЯ РОССИЯ“

IV.

П. Н. МИЛЮКОВ.

Национальный вопрос

(Происхождение национальности и национальные вопросы в России)

*

1925

307
26

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ..... 9—10

Отдел первый: Происхождение национальности.

I. Три постановки национального вопроса .... 11—27

1. Космополитическая точка зрения. Взгляды П. Л. Лаврова и П. Ткачева 11—12. Протест австрийских социалистов против «примитивной позиции пролетарского космополитизма» 12—13.

2 Националистическая точка зрения. — Национальность — знамя «национализма» 13. Теория гр. Гобино и Гюстава Лебона 14. Теория «расистов» 14—17.

3. «Интернационализм», как попытка компромисса. — Германский космополитизм Маркса 18—19. Поправки органа Интернационала (Der Vorbote) 19—20. Более конкретное понимание Бакунина 20—21. «Интернационализм» у русских социалистов 21—22. Недостаточность «интернационализма» 22—23.

4. Научная точка зрения. — Ее эволюционно-социологический характер. 24. Ее связь с демократическим движением: взгляды А. Д. Градовского, как иллюстрация 25—26. Национальное и интернациональное 26—27.

II. Раса и национальность ..... 27—37

Смешение «расы» и «национальности» 27—28. Научные открытия, положившие конец смешению 28. Древность «рас» 29. Европейские расы 30—33. Отношение их к национальностям Европы 33—34. Значение родства языков 35—36. Распространение «арийских» языков 36—37.

III. Изменяемость и наследственность ..... 37—46

Учение Вейсмана 37—38. Ламарк и «неоламаркисты» 38—40. Вейсмановская теория наследствен-

ности и поправки к ней после критики «неоламаркистов» 40—42. «Память», как механизм приспособления организма (учение Р. Семона) 42—44. Унаследование приспособлений 45. Пластичность организма 46.

IV. Изменчивость признаков расы .....47—55

Условия изменения расы 47—49. Изменения роста 49—50. Изменения цвета кожи, волос и глаз 50—53. Изменения формы черепа 54—55.

V. Изменяемость признаков национальности .....56—64

Признаки национальности не об'ясняются влиянием среды и не передаются по наследству 56—57. Язык — не необходимый признак национальности 57—59. Религия—символ, но не существо национальности 59—61. Влияние территории 61—62. Нравы, обычаи, привычки—относятся к символике национальности 62—63. Общая черта признаков национальности: они суть условия или результат взаимодействия 63. Национальность — понятие социальное 64.

VI. Создание национальности ....64—76

Два периода создания и сознания национальности 64—65. Взгляды «об'ективных» социологов (П. Сорокин) на национальность 65—67. Влияние физической среды 67—68. Естественные географические зоны 68—69. Влияние среды шире границ национальностей 69—70. Влияние социального общения и подражания (Тард и Гиддинг) 70—72. Сила фактора социального подражания в примитивном обществе 72—73. Факторы изменения 73—75. Развитие языка, как признак расширения обобщения 75. Социальное расслоение 75—76.

VII. Сознание национальности — нация .....76—86

Древнейшие формы коллективного сознания национальности 76—77. Социальная память — предпосылка непрерывного национального сознания 77—78. Определения национальности — прежние и современные 78—79. Волюнтаризм — отличительная черта последних 79. Органы национального сознания 80. Расширение сознания сверху вниз 80—81. Пример Германии 81—82. Появле-

ние городской интеллигенции 82. Новое понятие религии — проводник национального сознани 82—83. Национальный язык 83. Национальная идея во второй половине XVIII в. становится революционной 83—84. Идея национального самоопределения во французской революции 84—85. Появление романтического понимания принципа национальности 85—86.

VIII. Национальный вопрос в Европе XIX в. .....86—89

Революционно-национальные движения первых двух десятилетий XIX в. 87—88. Вовлечение масс национально-политические движения (Мадзини) 88—89. Об'единение Германии и Италии 89.

IX. Национальный вопрос у славян ....90—104

Разрушение национального сознания с разрушением органов этого сознания турками 90. Механизм национального возрождения с конца XVIII в 90—91 Создание литературного языка 91. Вариант того же процесса в Австро-Венгрии 91—92. Пример Чехии: сопротивление германизации 92—93. Роль демократической религиозности 93. Уничтожение органов национального сознания после поражения при Белой горе 93—94. Национальное возрождение Чехии 94—96 Три поколения интеллигенции Добровского, Шафарина и Колара, Палацкого и Гавличка 96—98. Общие черты национального процесса 98—99. Влияние революций 1848 г. 99—101. Идея «национальной автономии» у австрийских социалистов 101—102. Национальные вопросы в войне 1914—1918 г.г. 102—103. Устарение старых решений 104.

Отдел второй: Национальные вопросы в России.

I. Особенности создания и сознания национальностей в России .....105—117

Условия распространения и изоляции национальных типов 105—106. Два типа процессов: в лесу и в степи 106—107. Древность и распространение с востока степного типа 107—108. Запоздание и распространение с запада лесного типа 108—109. Изоляция лесных культур 109—110. Смешанная расовая группа, об'единенная германско-литовско-славянскими языками 110—111. Первоначальное выделение русской группы (VII—XI столетие по

Р. Х.) 112. Первоначальная колонизация, ассимиляция и выяснение территории 112—113. Потоки иноземного подражания: арабского, скандинавского и византийского 113. Появление национального самосознания на социальных верхах (монастырь и дружина) 113—114. Сомнительность распространения вниз 114—115. Примитивная форма социальной памяти (легенда) 115. Общерусский характер первоначального сознания 116—117.

II. Русская национальная традиция..... 117—124

Новая национальная традиция великорусского центра 117. Прекращение потоков заимствования и изоляции культуры (XII—XV столетия) 117—118. Откуда начинать национальную московскую традицию? 118—119. Византийско-турецко-югославянский источник новой идеологии 119—120. Первые русские интеллигенты 120. Победа официальной идеологии над свободомыслящей в середине XVI века 121. Перерыв в источниках заимствования в XVII в. 121—122. Конфликт новой верховой идеологии XVII в. с распространившейся на городские круги идеологией XVI в. 122. Элементы своеобразной русской культуры XVI—XVII в.в. 123. Непрочность ее и опасения Крижанича 123—124.. Неосновательность этих опасений 124. «Разрыв» с народом и начало волюнтаристической традиции 124.

III. Русская культурная традиция ..... 125—150

Предпосылки непрерывной волюнтаристической традиции: школа и культурная среда 125. Появление их после Петра и характер позднейших перерывов 125—126. Недостаточность националистического построения истории национального сознания 126—127. Распространение национального сознания сверху вниз после Петра 127—129. Хронологическая классификация стадий углубления содержания национального сознания 129—130. Бытовой и этнографический национализм 130—131. Основная черта второго периода — борьба политических идей 132. Национализм этого периода 132—134. Европеизм этого периода 134—135. Третий период — преобладание религиозно-философских идей 135. Славянофильское постро-

ние национализма 136—137. Соприкосновение тогдашнего «западничества» с этой идеологией 137. Четвертый период—преобладание социальных идей («народничество») 137—138. Пятый период—требование научного критерия 138—139. Попытки научного обоснования националистической идеологии (Н. Данилевский и К. Леонтьев) 140—141. Попытки научного обоснования социалистической идеологии («марксизм») 142—143. Неоромантизм fin-de-siecle и попытка реставрации славянофильства 143—144. Русский либерализм снимает противоречия национализма и европеизма, самостоятельности и заимствования 144. Идея эволюционного органического процесса 145. Научные об'яснения С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и А. Щапова 145—146. Петр не делает перерыва в историческом процессе 146. Идея закономерности стадий процесса (М. М. Ковалевский) 146—147. Современная антропология и социология 147—148. Послепетровский литературный язык — барометр эволюции национального сознания 148—150.

IV. Национальные движения на территории бывшей российской империи ..... 150—163

Двойное отношение к волюнтаристическому процессу национального самосознания 150—151. Признаки гипертрофии национального чувства 151—152. Три категории народностей на территории русского государства: народности слившиеся с русской 152—153. Народности, вовлеченные в русский процесс (в «анклавах») 153—154. Народности, недавно присоединенные на окраинах 154. Конкурренция польского культурного центра 154. Правительственная поддержка молодых национальных культур против более сильных соседних в Финляндии, Прибалтике и Западном крае 155—156. В Закавказьи 156—158. Союз русской прогрессивной интеллигенции с национальными 158. Союз националистической интеллигенции с правительственной властью 159. Правительственные преследования времени Александра III и порча отношений народностей к России 159—160. Признания Драгоманова и воинствующий украинский национализм 160—162.

V. Поиски мирного сожительства .. .. 163—171
Парижский с'езд партий и народностей, (ноябрь 1904 г.) 163. Русско-польские переговоры 164. Смягчение польских партийных требований 164—165. Смягчение украинских требований 165—166. Умеренность белорусских требований 166—167. Национальное возрождение литовцев 167. Смягчение их требований 168—169. Умеренные требования латышей и эстонцев 169—170. Культурно-национальные требования мусульман 170—171. Отсутствие сепаратизма у азиатских инородцев 171—172. Грузинские требования самоуправления 172. Турецкий сепаратизм армян 172—173. Общий характер национального движения 173—174.

VI. От автономии к подавлению, от подавления к отделению .... 174—183
Причины перемены настроения 174. Национализм третьей Г. Думы 174—175. Вмешательство иностранцев 176. Пропаганда национальных интеллигенций за границей 176—177. Агитация парижского «союза национальностей» 177—181. Требования российских национальностей в Лозанне (1916) 181—182. Осторожность конференции 182—183.

VII. Национальный вопрос в советской России . . 183—192
«Дезаннексия Ленина» 183—184. Большевицкая декларция прав национальностей» и раздел России 184. Централистская тенденция большевиков 185—186. Новое национальное деление России 186. Деятельность «комитета национальностей» 187. «Национальный шовинизм» советских чиновников и недовольство национальностей 187—188. Создание «Союза С. С. Р.» 188—189. Централистский характер конституции 6 июля 1923 г. 189—190. Неправильные пути решения национальных вопросов в советской России 191. Непрочность решений и перспективы будущего 191—192.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги — не специалист по целому ряду отраслей науки, данные которых необходимы для построения научного учения о национальности и здесь использованы. Некоторым ученым, быть может (см. стр. 65—66), самая задача научного об'яснения такого случайного аггрегата явлений, каким они считают национальность, покажется неправильно поставленной. Факт — тот, что современная социология, — область науки, которой ближе всего касается учение о национальности, не занимается специально ее изучением. За отсутствием такого изучения, национальность и национальный вопрос сделались достоянием группы исследователей и публицистов, преследующих отнюдь не цели научного об'яснения.

Я всегда считал такое положение дела — глубоконеправильным. И с точки зрения общего мировоззрения, и с точки зрения общественно-политической, установление научного взгляда на происхождение национальности и на национальные вопросы мне казалось совершенно необходимым. В течение не одного десятка лет я следил за данными научного исследования и за развитием научной мысли, могущими бросить свет на эти вопросы. За последние полтора десятка лет мне не раз приходилось выступать и с публичными докладами по отдельным частям настоящей работы. Придать ей окончательную форму мне удается в обстановке, не вполне благоприятной для спокойной научной работы. Я должен здесь принести особую благодарность Н. А. Рубакину, богатая библиотека которого (в Лозанне) дала мне возможность

пополнить многие пробелы моего изложения, — в особенности в области малодоступных за границей русских источников. Я старался, по возможности, цитировать и иностранные издания в русских переводах, имеющихся в этой библиотеке.

Из отдельных замечаний, выслушаных мною до напечатания книги, отмечу одно. Мое внимание обращали на то, что я недостаточно остановился на психологической стороне процесса национальной «апперцепции» (термин Отто Бауэра). Будучи заинтересован преимущественно социологической стороной процесса, я, действительно, взял эту сторону, как данное, в ожидании пока специалисты философы и психологи разработают ее более глубоко. Мне возражали также, что в вопросах антропологических я слишком решительно склонялся на сторону новаторов, а в вопросах биологических пошел за неоламаркистами. Признаю и то, и другое — и возвращаю упрек обратно. На примере Топинара (стр. 50—51) читатель увидит, в какой степени излишняя преданность научной старине мешает видеть самые очевыдные факты.

10 октября 1925 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Происхождение национальности.

I. Три постановки национального вопроса.

1. Космополитическая точка зрения.

В статье «Наша Программа», напечатанной в заграничном журнале П. Л. Лаврова*), мы находим следующую постановку национального вопроса, сделанную русским социал.-революционером. «Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный... Вопрос национальный, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы... Для этой работы границ языков, преданий — не существует. Есть только люди и общие им всем цели. Эти принципы неизбежно требуют самой решительной борьбы против национальной раздельности... Каждая нация должна делать свое дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям».

Суждение соперника Лаврова, П. Ткачева, о роли национального элемента еще определеннее и резче. Отвечая в своем «Набате» **) украинскому социалисту, Ткачев говорит: «Между образованными людьми, между

*) «Вперед», т. I, 1873 г.

**) «Набат», Женева, 1878, статья: «Революция и принцип национальности». По поводу «Записок южно-русского социалиста».

людьми психически развитыми, нет и не может быть ни «эллинов, ни иудеев», — есть только л ю д и... Интеллектуальный прогресс стремится уничтожить... национальные особенности, которые именно и слагаются из бессознательных чувств, привычек, традиционных идей и унаследованных предрасположений... Государство, наука, торговля, промышленность... все они стремятся... смешать людей в одну общую и однoформенную массу... вылить их в один общенациональный, общечеловеческий тип... Социалист... глубоко убежден, что с повсеместным торжеством принципов социальной революции... всякие племенные и национальные различия между людьми должны исчезнуть... Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции, и он должен быть принесен в жертву последнему. Это одно из элементарных требований социальной программы, и им определяется отношение социалиста к существующим национальностям».

Эта к о с м о п о л и т и ч е с к а я точка зрения об'ясняет, почему русская — да и европейская — социалистическая интеллигенция последних поколений была не только равнодушна к национальным вопросам, но даже относилась к ним враждебно. Однако, жизнь поневоле сталкивала социалистов с этими вопросами — в особенности там, где, как в Австро-Венгрии, национальные движения шли параллельно с социальными. И из рядов самих социалистов (в Австрии) раздались возражения против «примитивной позиции пролетарского космополитизма». «Не грозит ли культурный космополитизм, препятствуя сохранению национального своеобразия, гибелью самостоятельному существованию нации», спрашивает Отто Бауер. «Не стремится ли он к смешению человечества в одну кучу, в которой исчезло бы всякое национальное своеобразие?» Нет, отвечает он, ссылаясь на «великий факт национальной апперцепции»: «об исчезновени инационального своеобразия не может быть и

речи, даже и в социалистическом обществе. Ни одна мысль, заимствуемая одной нацией у другой, не будет воспринята, прежде чем она не будет переработана, приспособлена к национальному бытию... Уравнение материального содержания различных национальных культур отнюдь не означает уничтожения национальной индивидуальности. Никогда еще сознание существующего между нациями различия не было так отчетливо, как в наше время, хотя именно теперь каждая нация учится у других наций и перенимает от них гораздо больше, чем когда-либо раньше» *).

2. Националистическая точка зрения.

Сторонники общечеловеческих идеалов отрицали национальность и предсказывали ее исчезновение в будущем потому, что в их глазах национальность была скопищем всевозможных пережитков прошлого, началом ограниченности и узости, стоящим на пути к осуществлению задач высшей человечности. Но раз они поняли идею национальности таким образом, то тем самым они отдавали ее в полное и бесконтрольное распоряжение тех, кто именно и ценил национальность, как продукт прошлого. Оставалось только поставить на истории точку, принять сложившуюся национальность за продукт окончательный, законченный, неподвижный и неизменный, — и национальность становилась прекрасным политическим лозунгом для защитников старины. Реакционеры всех оттенков спешили поставить себя под защиту национального мировоззрения. Национальность становилась знаменем «национализма» **).

---

*) Отто Бауэр. Национальный вопрос и социал-демократия. Перев. М. С. Панина, с предисл. Х. Житловского. СПБ. Изд. «Серп», 1909, стр. 111, 131, 163 и др.

**) Слово «национализм» употребляется в этом специальном смысле (национального шовинизма) уже почти втечении целого века. Попытка придать ему более общий и нейтраль-

В разных местах этой книги читатель ознакомится с попытками научного и философского обоснования «национализма», начиная с германской романтической и исторической школы начала XIX века и продолжая русскими славянофилами и их последователями в середине и во второй половине прошлого века (стр. 86, 135—136, 140—141, 145). В соверменной его форме учение национализма опирается на теорию графа Гобино о «неравенстве рас», находит себе сильную поддержку в господствовавшем до последнего времени учении о наследственности А. Вейсмана (см. стр. 37, 40—42) и свое талантливое выражение в произведениях Гюстава Лебона. Из тех же корней исходит распространенное учение германских «расистов»: учение о превосходстве белокурой и высокорослой «германской» расы над всеми остальными. У нас в России отражением этих учений является теория Н. Данилевского о неизменных «культурно-исторических» типах, заимствованная у германского историка Рюккерта *), но отдающая «превосходство» славянской «расе». Наконец, особым ответвлением этих теорий является метафизическое учение о «непостижимости» и неразложимости национальности, на которую переносятся такие же учения об индивидуальности (П. Струве: национальность —это «существо мистическое», «сверхразумное и неразумное». Н. Бердяев: «Нация—организм мистический. . ., рационально неопределима». Франк: «всякое национальное бытие. . . в своих последних пределах должно мыслиться одним из многочисленных проявлений абсолютного»). Гюстав Лебон, старающийся остаться в мире познаваемого и считаться с требованиями науки, таким образом формулирует это учение о неизменности национального

ный смысл «национального» вообще — едва ли удастся. В этой книге слова «национализм», «националистический» употребляются в узком специфическом и традиционном смысле.

*) См. об этом заимствовании у Влад. Соловьева, собр. сочинений, т. V, статья «Немецкий подлинник и русский список» (1890).

типа*): «Виды неизменны... и вероятно, различного происхождения. Основания для классификации (рас)... даются психологией... Каждый народ обладает душевным строем, столь же устойчивым, как его анатомические особенности, — и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования... Психологические особенности воспроизводятся последовательно с правильностью и постоянством: этот аггрегат составляет национальный характер... Эта тожественность психологической организации... имеет... физиологические основания. Каждый индивидуум есть... продукт... своей расы... Запас идей и чувств, который приносят с рождением на свет все индивидуумы одной и той же расы, образуют душу расы... Неизменные, самые общие и самые основные законы, управляющие общим ходом каждой цивилизации, вытекают из душевного строя рас... Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие»... «Чтобы какой-нибудь народ преобразовал свои учреждения, свои верования, свое искусство, он должен сначала переделать свою душу. Чтобы он мог передать другому свою цивилизацию, нужно, чтобы он был в состоянии передать ему также свою душу (что Лебон считает невозможным)»... «Потеря «характера» (состоящего преимущественно из эмоциональных, не из интеллектуальных черт) ведет к упадку и разложению нации, потере ее цивилизации». Мы увидим позднее, что есть правильного в этом учении. Но прежде всего в нем бросается в глаза огромная доля тенденциозного преувеличения. Лебон прекрасно знает, что его «расы» не «естественные», а «искусственные», сам описывает процесс смены «обветшавших идей» и создания «новых дог-

*) Г. Лебон. Психология народов и масс, пер. А. Фридмана и Э Пименовой, СПБ. Изд. Павленкова, 1896. (Здесь соединены две работы Лебона, стр. 5, 8—12).

матов» в народной душе, сам указывает на влияние «подражания, воспитания, среды на душу народа», сам страшно боится «порчи характера» нации, — и тем не менее настаивает на его «физиологической» неизменности, на его «устойчивости, подобной устойчивости анатомических особенностей»...

Более последовательной в этом направлении является уже та теория, согласно которой основой всех национальных особенностей является прямо анатомия и физиология, — естественно-историческая «раса». Такую теорию развивали защитники превосходства «белой» расы, отожествленной с «германской». Уже граф Гобино, «придя к заключению, что существуют сильные и слабые расы, занялся расследованием генеалогии сильных рас» и «в конце концов убедился, что все, что имеется великого, благородного и плодотворного на земле в области человеческого творчества, науки, искусства, цивилизации, — все это произошло от одного и того же зерна, — от единственной семьи, отрасли которой царили во всех культурных странах вселенной». Это и есть — длинноголовая, белокурая, высокорослая раса. Конечно, сторонники преобладания германской культуры усвоили себе этот взгляд и довели его до крайних последствий. «Северная раса», говорит Людвиг Вольтман, наиболее яркий выразитель этого течения, — «это природная носительница мировой цивилизации. Смешением с другими расами она *их физиологически подняла* на более высокий уровень,— как средиземные народы, так и монголов и негров... Доказано, что повсюду в руководящих государствах и сословиях преобладает германская кровь в чистом и несмешанном виде... Отсюда можно вывести антропологическое доказательство, что вся европейская цивилизация, также в славянских и романских странах есть продукт германской расы... Индусы, персы, греки, римляне были первоначально настоящими сынами белокурой, светлой расы... Папство, эпоха возрождения, французская

революция и мировое господство Наполеона — были великими деяниями германского духа... В древнейшие периоды толпы белокурых северян проникали до Китая, Вавилонии и Египта и могли принести этим расам, как культурные элементы, так и культурные способности*).

В обоих охарактеризованных разветвлениях — учение о неизменности «народной души» и о неравенстве «рас» являлось прекрасным оправданием практического национализма. Этими аргументами можно было доказывать преимущество всякой старины, отживших учреждений и идей, как специфически-национальных, и вред каких-бы то ни было нововведений для самого существования нации. Превосходством «высшей расы» оправдывалось всякое угнетение «низших» рас, порабощение национальностей, господство аристократических классов, — как принадлежащих к другой, высшей расе завоевателей, — и насильственная ассимиляция порабощенных национальностей «господствующими». Естественно, что националистические теории должны были вызвать противодействие со стороны прогрессивных течений. Но противодействие это было бы бессильно, если бы оказалось, что прогрессивные взгляды беспочвенны, а воинствующий национализм опирается на точные и твердые данные науки. Наиболее убедительным доказательством против национализма является именно то, что он отстал не только от жизни, но и от науки.

*) Эту «антропологическую историю цивилизации» Вольтман развил уже в своей «Политической Антропологии». См. изд. Поповой. 1905, стр. 296, 302, 298 и др. Еще решительнее эта теория развита им в позднейшем сочинении: Die Germanen und die Renaissance in Italien. 1905. То же мнение о «высшей расе» долихоцефалов-завоевателей, вытесненной из Франции «туранским» простонародьем во время французской революции, разделяет Лапуж: Les séléctions sociales, Paris, 1896, p. 75. Возражения см. у Фулье: Психология французского народа, пер. Н. Кончевской. СПБ. 1899, стр. 69—75, 94—96, 108. Специально против этой теории направлена книга Ignaz Zollschan, Das Rassenproblem, 2 Aufl. Wien und Leipz. Braumuller, 1911.

3) «Интернационализм», как попытка компромисса.

Но, быть может, следует, не углубляясь особенно в научные расследования, примириться на мысли, что и к о с м о п о л и т и ч е с к а я, и н а ц и о н а л и с т и ч е с к а я постановка национального вопроса — каждая заключает в себе свою долю истины, а полнота истины должна состоять в их разумном согласовании или «синтезе»? В практической жизни крайности обыкновенно мирятся при помощи внешнего компромисса. Но по отношению к научным истинам это едва-ли правильный путь. Если две теории противоречат друг другу и оказываются противоречащими науке, то правильнее не искать между ними середины, а создавать новую, третью научную теорию путем полного пересмотра вопроса.

Путь компромисса, конечно, гораздо легче, — и этот путь в национальном вопросе испробовали социалисты. По существу социалистического учения оно космополитично. Существование отличных друг от друга национальностей является для социализма — особенно для марксизма — досадным препятствием, подлежащим устранению в идеальном обществе будущего. Масарик прав в своем утверждении, что «Маркс отстаивал направление космополитическое» и что «в действительности, ни Маркс, ни Энгельс не понимали современного национального развития». «В самых первых литературных заявлениях», поясняет Масарик, «Маркс отожествлял национальность с государством... Национальные противоречия понимаются, как экономические... Очевидно... Маркс понимает нацию только в политическом смысле... Основатели марксизма до конца оставались чужды вопросу о национальности». Масарик об'ясняет это как существом «экономического материализма», неспособного об'яснить национальное развитие, так и обстановкой деятельности Маркса и Энгельса, «сделавшихся практически космополитами помимо их воли» после переселения в Англию и Францию «В Париже, Брюсселе, в Швейцарии сходились

и об'единялись рабочие различных национальностей. Таково происхождение Коммунистического Манифеста». Масарик, однако, прав и в том, что Маркс и Энгельс, «тем не менее, сознавали себя немцами», и что их «космополитизм фактически... был национализмом, стремившимся к единству Германии*), И единственным вкладом Маркса в первый Интернационал по национальному вопросу было чисто-немецкое предложение, внесенное им на первый конгресс этого Интернационала в Женеве (1866 г.), о «необходимости сломить русское влияние в Европе путем установления права народов на самоопределение и путем восстановления Польши на основании демократических и социальных реформ». В этом смысле Беккер, проводивший предложение Маркса (проваленное французской делегацией), назвал польский вопрос «немецким вопросом»**).

Однако, уже самый факт образования Интернационала («Международного общества рабочих») из рабочих секций разных национальностей вносил известную поправку в космополитически-германскую позицию Маркса. Г. Житловский мог собрать целый ряд цитат из официального органа Интернационала, Der Vorbote (изд. в Женеве под ред. Беккера), доказывающих, что этот журнал, уже стоял на точке зрения не космополитизма, а интернационализма, — и даже что он обвинял в космополитизме — «либеральную буржуазию». Из этих цитат видно, действительно, что в интернационале национальность уже не отрицалась, что «даже за малейшей национальностью» признавалось право на «свободное и самостоятельное существование». Но

*) Масарик. Философские и социологические основания марксизма, пер. Н. Николаева. М. 1910, изд. Солдатенкова, глава «национализм и интернационализация», стр. 390—415, в частности стр. 392, 396, 400.

**) Письмо Маркса к Юнгу от 20 ноября 1865 года с этим предложением см. у Иекка· Интернационал, пер. в книгоизд. «Молот» СПБ. 1906, стр. 27.

из тех же цитат видно, что национальность интересовала, главным образом, как «долженствующая внести свою соответствующую долю в общую культуру», «доставить свою отличную от других лепту в общее культурное достояние». «Мы будем помогать лишь тем национальным стремлениям», писал тот же Vorbote, «которые имеют своей целью полную свободу, самостоятельность и равноправие всех, дабы можно было каждый народ включить, как равноправный органический член человечества, в общую свободную федерацию» *): «Интернационализм», противоположенный «космополитизму», как видим, разрешал национальный вопрос в гегелианском духе — в духе чередования (или со-существования) национальностей, вносящих каждая свою «общекультурную» идею в общую сокровищницу человечества.

В лице Бакунина, присоединившегося в Интернационалу в 1868 году, мы встречаемся, правда, с более конкретным пониманием национальности. Личный друг революционеров всевозможных национальностей, агитатор на пражском с'езде 1848 г., участник подготовки польского восстания 1863 г., организатор тайного «международного братства» (1864—69) где участвовали итальянцы, французы, скандинавы, и славяне, и особой «славянской секции» при Интернационале, противник германской «государственности», убежденный в неизбежности ее столкновения с славянской «анархией», теоретик «федерирования» снизу, Бакунин был способен понять отдельные национальные движения изнутри. Но, как известно, именно все эти личные особенности вызвали непреодолимую ненависть Маркса к Бакунину, которого он неоднократно пытался об'явить агентом русского правительства, и привели к конфликту в самом Интернационале и к его крушению (1872). При этом все национальные федерации кроме германской и

*) Х. Житловский: Социализм и национальный вопрос. Изниг. «Серп», Киев-Петербург 1906 г.

части швейцарской (итальянская, испанская, голландская, бельгийская, английская, части французской и американской) вышли из Интернационала и образовали особую группировку, пережившую Бакунина (1878). Германский тип социализма, в конце концов, всетаки восторжествовал, и это отразилось неполнотой социалистического компромисса между «космополитизмом» и «национализмом»*).

Таким образом, «интернационализм» оказался несовершенной формой компромисса в национальном вопросе. Между тем, поныне эта форма усвоена русским социализмом. В парижской лекции П. Л. Лаврова в 1886 году компромисс этот отнесен даже назад, к году Коммунистического Манифеста 1847 г. «Это было, прежде всего», говорит Лавров, «провозглашение великой непримиримой борьбы классов в капиталистическом обществе, но в то же время это было провозглашение *нового интернационализма взамен прежнего космополитизма*». К чему обязывает интернационализм в национальном вопросе? Ни к чему. «Различие национальностей», продолжает Лавров, «никаких определенных обязанностей на социалиста не налагает. Смотря по *удобству* для общечеловеческих, интернациональных целей борьбы социализма против капитализма сторонникам первого приходится действовать или в кругу своего национального союза, или в среде совсем иных наций, или в группе, заключающей представителей самых различных национальностей... Национальность — не враг социализма, как современное государство; это не более, как *случайное пособие или случай-*

*) История конфликта Маркса с Бакуниным, не только как конфликта личного, но и как столкновения двух непримиримых мировоззрений, беспристрастно изложена в книге Fritz Brupbacher, Marx und Bakunin. Ein Beitrag zur Geschichte der Internationalen Arbeiterassoziation, München, bei Birk. pp. 199. Собственный взгляд Бакунина см. в его статье «Государственность и анархия». (Соч. изд. Балашова, т. II).

ная помеха деятельности социализма... Лишь тогда, когда национальная связь хочет подавить борьбу классов... это доисторическое начало является противодействием социализму и должно быть побеждено... Национальная раздельность есть лишь внешняя особенность, играющая совершенно второстепенную роль в социалистической борьбе... Украинец, пробудившийся к жизни убежденного социалиста среди рабочих групп с.-д. Германии, есть немецкий социал-демократ... Социальная революция настолько, повидимому, надвигается ближе и ближе, что образование новых политических целых, (т. е. об'единение новых национальностей) — вопрос, несомненно, важный в прошлом, — едва-ли может сделаться столь же существенной предварительной задачей для социалиста, как вопрос об изменении политического и юридического строя нынешних государств». Лекция кончалась выражением уверенности, что после социалистической победы «это различие между людьми (т. е. национальное), позабудется вместе со всеми прочими»*).

Недостаточность замены «космополитизма» «интернационализмом» обрисовывается здесь с совершенной очевидностью. Очевидна и причина этой недостаточности: национальность продолжает трактоваться не изнутри, а извне, не как цель сама по себе, а как средство для некоторой посторонней ей цели. Совершенно ясно, что такое трактование национальности не может устранить и

*) «Национальность и социализм», лекция, читанная Лавровым в русском рабочем обществе в Париже 16 октября 1886 года. Женева, Вольная р. тип. 1887, стр. 16. Подробнее взгляд Лаврова на национальность выражен в одиннадцатом письме его «Исторических Писем». Ближе к цитированной лекции стоят замечания Лаврова в его книге, изданной под именем А. Доленги «Важнейшие моменты в истории мысли», М. 1903. См. стр. 344—5, где «классовой универсализм» противопоставляется «доисторической традиции обособленности наций и их враждебности»: «лишь новое преобладание универсалистских интересов и идеалов может изменить эту болезнь нашего времени».

заменить трактования ее националистами. Вопрос ведь обсуждается здесь совершенно в другой плоскости: не по отношению к самой национальности, а только по отношению к будущему идеалу «братской семьи народов». С точки зрения этого «общечеловеческого» идеала собственная жизнь национальностей продолжает представляться не только чем-то чужим, но даже и чем-то отрицательным.

Не спасает дела и попытка углубить точку зрения «интернационализма», механически прибавив к ней учение о формах проявления национальной свободы и о высших национально-культурных ценностях, — как это делает г. Житловский *). Ибо реальна и конкретна именно сама эта национальная самодеятельность и ее продукты, вне того или другого отношения к гипотетическим мировым задачам всего человечества.

*) Интересно отметить, что из брошюрки г Житловского попытка заменить «космополитизм» «интернационализмом» перешла в среду русского социализма главным образом, благодаря социалистам д р у г и х национальностей. Так, по книжке Житловского составлен доклад Гайдарова о «социализме и национальном вопросе», прочтенный на конференции росс. национально-социалистических партий 16-го апреля 1907 года (см. «Протоколы» этой конференции, изд. «Сейм» СПБ., 1908). «Космополитизм» здесь приписывается либералам, «шовинистический национализм» — консерваторам, а социализм «одинаково враждебен как шовинизму, так и космополитизму». Он есть «интернационализм, соглашающийся с космополитизмом, где некоторые отрасли культуры подлежат всецело общечеловеческому критерию, но за то признающий, что сами типы национального творчества, как и многие продукты этого творчества, в высших областях культуры, являются с точки зрения общечеловеческой совершенно равноценными». «Будущее исчезновение национальностей, е с л и о н о в о о б щ е м ы с л и м о, мы должны представлять себе, не как процесс поглощения одной национальностью всех других, а как процесс развития и укрепления общечеловеческих начал внутри каждой национальности». Эта примирительная позиция, однако, встретила решительные возражения со стороны присутствовавших с.-р. «Интернационализм стоит на точке зрения космополитической, а вовсе не на точке зрения Гайда-

4. Научная точка зрения.

Необходим, следовательно не компромисс национализма с началами не-национальными, а коренной пересмотр национальной проблемы самой по себе, взятой во всей ее полноте и сущности. Такой пересмотр может быть только пересмотром научным, т. е. опирающимся на современное состояние науки. Его тенденция может быть только эволюционно-социологическая, а не консервативная или либеральная. Монополизация национальной проблемы националистическими течениями и пренебрежение к ней течений прогрессивных сказалось, к сожалению, в том, что и в науке соответствующие отделы недостаточно разработаны, а поскольку разработаны, часто разработаны тенденциозно. Однако же и из того, что имеется на-лицо, можно сделать достаточно об'ективные выводы, разрушающие националистическую тенденцию и намечающие путь к верному решению.

Случайно ли происходит то, что выводы науки совпадают не с националистическим, а с демократическим решением национального вопроса? Нет, не случайно, ибо национальность по существу демократична: она есть процесс, совершающийся в массах. Понятая, как начало живое, а не мертвое, национальность есть также начало творческое. Она не только хранит старые ценности, а и непрерывно создает новые. Как все живое, национальность подчиняется закону эволюции и совершенствования.

Такое понятие о национальности не есть понятие «интернационалистическое». Оно не ново, — и мы встречаем

рова», утверждал Бобров. «Поскольку вы говорите о какой-то общей национальной культуре, вы связываете разные классы с противоположными интересами». Другой с.-р., Сидоров, заявлял «Национальность есть переходящая форма общественной жизни». Третий, Вагнер, выставлял практическое соображение: «стоять за укрепление национальной культуры мы не можем, ибо тогда нужно ее укреплять и среди господствующей национальности»

его как раз не в лагере интернационализма. Его истории посвящена большая часть этой книги. Но для иллюстрации я приведу здесь мнение русского либерала — и не «космополита», который ближе других подошел к правильному пониманию национального вопроса. Я разумею А. Градовского. Национальность для этого выдающегося ученого и мыслителя есть «идея новая, принадлежащая нашему столетию». «Было время, когда и на западе Европы принимали народный дух за нечто законченное и всегда себе равное. Но потом действительные исторические изыскания раскрыли, что народы перерождаются под влиянием развития собственных творческих сил и воздействия других культур». «Начало личной свободы и независимости свойственно и национальному движению, и политическому и общественному прогрессу». Национальный принцип «провозглашен во имя цивилизации и для цивилизации. Провозгласить национальный принцип — не значит сказать народам успокойтесь, засните в своем самодовольстве, вам нечего заимствовать у других... Напротив... все будет направлено к тому, чтобы поддержать в народе живые начала самодеятельности и самосознания».

Соответственно этому, Градовский считал и развитие русского национального самосознания продуктом демократизации русской общественной жизни. «Могло-ли чувство сознания народности развиться в России до 1861-го года (т. е. до освобождения крестьян)», спрашивает он — и отвечает отрицательно. Только «совершенное за последние 25 лет (т. е. великие реформы Александра II), создало прочную почву для развития России именно в национальном направлении. И Градовский решительно осуждал национальное самовозвеличение Достоевского — в его знаменитой речи на Пушкинском празднике (1880). «Требуя смирения перед народной правдой», писал Градовский, «он принимает эту «правду», как нечто готовое, незыблемое и вековечное... Нет. Обще-

ственные идеалы нашего народа находятся еще в процессе образования, развития... Не сделавшись, как следует, народностью, вдруг мечтать о всечеловеческой роли — не рано-ли?» *).

Отвергая термин «интернационализм» для определения правильного взгляда на существо национальности, мы, однако, этим вовсе не думаем отрицать значение интернационального элемента при образовании и эволюции национальности. На важность этого элемента указывает и Градовский в приведенных цитатах. Мы познакомимся далее с ролью интернациональных элементов на самых ранних ступенях существования национальности. Тем менее можно отрицать значение интернационализма в этом смысле в наше время, когда всевозможные формы интернационального общения связали в одно целое самые отдаленные уголки мира. Достаточно вспомнить об усовершенствованных формах прямого общения не только человеческой мысли, но даже и человеческого голоса между Старым и Новым Светом, о чрезвычайном сокращении расстояний путем экспрессов и аэропланов, о возрастающем взаимодействии путем печати и личных сношений в области права, верований, искусства, науки, не говоря уже о технике и о материальной обстановке жизни, чтобы дать почувствовать, какой плотной тканью международных воздействий окружен теперь каждый из нас. Прибавим к этому выступление на мировую арену цветных рас, фактически опровергшее националистическое учение о неравенстве рас, постепенное отступление Европы перед этим пробуждением немых до сих пор континентов, — и мы получим понятие о мировом торжестве идеи национальности именно в век интернационализма, — но интернационализма реального, а не утопического. Градовский прав: национальность, как живое, творческое, демократическое начало есть, по преимуществу, явление нашего времени. Но новы тут только формы и размах про-

*) Градовский, Сочинения, т. VI.

явления национальности. По существу же, те же самые силы, которые действуют теперь, действовали, образуя и обновляя национальности, и в прошлом. Нам остается понять их тожество и об'яснить прошлое тем, что мы поняли в настоящем, вместо того, чтобы об'яснять национальность настоящего времени, как окаменелый продукт прошлого. Мы тогда найдем жизнь, непрерывное движение и изменение, усложнение и усовершенствование и там, где прежде видели одни только мертвые формы, пережитки и предрассудки веков темноты и невежества. В мнимо-застывших формах мы найдем и поймем творческое начало, единое и вечное в мире живых существ.

II. Раса и национальность.

Наш первый шаг в этом анализе будет заключаться в том, чтобы отделить понятие национальности от понятия «расы». Националистические учения, как мы видели, доказывают неподвижность национального типа и неизменяемость «народной души» тем, что прикрепляют этот тип и эту душу к физическому облику человека. А физический облик, «раса», анатомические и морфологические особенности передаются, как показывает ежедневное наблюдение, неизменными из поколения в поколение. Не будем проверять пока, верно-ли это наблюдение. Во всяком случае, современная наука бесповоротно доказала, что между «расой» (физическим типом) и «национальностью» нужно проводить самое резкое различие. Прикреплять «национальность» к «расе» никоим образом нельзя.

Правда, и до сих пор слово «раса» еще употребляется даже выдающимися писателями в ином смысле: в смысле исторических или культурных групп человечества, а не в смысле антропологических делений. Начало этому злоупотреблению положил еще в первой половине XIX

века французский историк Огюстен Тьерри, понимавший под «расами» не основные физические типы, а те древние народности, из которых сложились теперешние национальности Англии и Франции *). Но во время Тьерри науки антропологии, доисторической археологии и лингвистики были еще в младенчестве. Тогда можно было считать, что человек создан всего за 4004 года до Рождества Христова, что первый язык, на котором говорили люди, был еврейский и что европейские народы происходят из племени Яфетова, покинувшего долины Палестины в 2247 г. до Р. Х. Открытие связи между всеми индоевропейскими (или «арийскими») языками на первый взгляд как-будто даже подтверждало этот старинный взгляд. С легкой руки Макса Мюллера ученые стали спокойно говорить об «арийской расе» индусов, персов, греков, римлян, славян, кельтов и германцев, выселившихся из Азии, где они жили когда-то под одной кровлей, в виде маленького общеарийского племени.

1859-й год положил конец этим заблуждениям. К этому году приурочиваются три факта, коренным образом изменившие наши понятия об истории человечества: появление книги Дарвина «О происхождении видов», окончательное признание Ляйеллем существования ископаемого человека и открытие в Париже «Антропологического общества». В 1863 г. появилась книга Ляйелля: «Геоло-

*) Историю употребления слова «раса» см. у Топинара. Elements d' anthropologie générale, Paris, 1885. Charles Lyell The geological evidences of the antiquity of man, Lond. 1863 Д .Н. Анучин, «Происхождение человека и его ископаемые предки» в XIX кн. «Жизнь» сборника «Итоги науки». Также небольшие брошюры: Д-р Р. ф. Буттель-Реенен: Из истории происхождения человечества. М. 1913 W. L. H. Duckworth, Prehistoric man, Cambridge, 1912 Новейшая работа Boule. Les races fossiles. Maz Muller, прежний взгляд в Lectures on the Science of Language, 1861 (напр. стр. 199). Новые оговорки — в Собрании сочинений, т VII, Chips from a German Workshop, vol. III. p. 187, однако, со ссылкой на письмо к Бунзену 1854 года.

гические доказательства древности человека», в которой были сведены в одно целое результаты доисторических раскопок, накопившиеся к тому времени, и доказано, что человек жил в Европе уже в после-плиоценовую эпоху, т. е. в такие отдаленные времена, сравнительно с которыми самые древнейшие памятники Египта кажутся произведениями нашего времени. Ляйелль устанавливает в этой книге важное для нас положение: «расы меняются гораздо медленнее, чем языки». И на самом деле, ни один из существующих теперь языков не существовал тысячу лет тому назад: говорящие этими языками национальности образовались уже при свете истории. А деление человечества на расы восходит к временам, отдаленным от нас сотнями тысяч лет. Эпоха плейстоцена, в которой найдены были древнейшие ископаемые человеческие черепа (и которая соответствует в археологии эпохе неполированных каменных орудий) продолжалась по расчету ученого Рюто (1904) 139.000 лет; а по расчету Стерджжа (1909) только одна часть этой эпохи продолжалась целых 700 000 лет. Черепа эти, притом, уже принадлежат по крайней мере двум разным расам. Из них одна (т. наз. «неандертальская») еще стоит на более низком уровне, чем теперешнее человечество, а другая («ориньякская» или «кроманьонская» — названия заимствованы от мест находок) уже представляет современный тип (обе расы — длинноголовые). Если человеческий род произошел от одного корня (что снова оспаривал в последнее время проф. Клятч, производящий человека от двух разных типов приматов), то единых по типу предков этих разных ископаемых рас придется искать в еще более раннюю эпоху «плиоцена» или даже «миоцена». А это уже дает миллионы лет существования человека на земле.

Естественно, что при таких огромных периодах времени уже не приходится отожествлять расы с национальностями известной нам исторической эпохи, охватываю-

щей всего шесть тысяч лет. И сам Макс Мюллер стал уже предостерегать от смешения выводов антропологии с выводами лингвистики. «Существуют арийские и семитские языки», говорил он своей страсбургской лекции 1872 года, «но было бы против всяких правил логики говорить об арийской расе, об арийской крови, об арийских черепах и создавать по признакам языка этнологическую классификацию... Я повторю то, что говорил много раз раньше: говорить об арийской крови — так же ошибочно, как говорить о длинноголовой грамматике».

Недостаточно, однако же, отделить существующие национальности от ископаемых рас доисторической эпохи чтобы провести окончательную границу между национальностью и расой. Национальность не совпадает с расой, но каждый из нас принадлежит одновременно и к какой нибудь национальности, и к одной из существующих рас Правда, антропологи утверждают, что чистых рас уже не существует и что теперь мы имеем дело только со смешанными расами. Топинар даже выражался, что говорить о человеческих расах также невозможно, как говорить о расах уличных собак. А другой германский антрополог вызывался найти черепа всех рас мира на любом германском кладбище Однако же, это нисколько не исключает утверждения тех же антропологов, что в смеси всегда можно выделить ее составные части. По преобладанию в населении тех или других физических признаков (шерстистые или гладкие волосы, длинная или округлая форма черепа, светлый или темный цвет кожи, глаз и волос, высокий или низкий рост, продолговатое или круглое лицо, узкий или широкий нос, прямая или выдающаяся вперед челюсть и т. д.) можно составить себе понятие о расах вошедших в состав данной смеси. Эти основные расы, не существующие в чистом виде, но выявляющиеся в статистике повторяющихся признаков, антропологи даже склонны считать неизменившимися на памяти истории. Проследить их можно только путем изучения существую-

щих человеческих группировок, т. е. опять-таки национальностей. Раса есть абстракция, говорит Топинар. Только народности существуют реально.

Если так, то как же эти, затертые в смеси «расы» относятся к существующим национальностям (или национальности — к расам)? Совпадают они или перекрещиваются друг с другом? Отвечая на этот вопрос, мы не будем останавливаться на современном подразделении человечества на расы. Это дало бы чересчур сложную картину, не нужную для нашей цели. Деникер, напр., насчитывает целых шесть рас и четыре подрасы, между которыми делится человечество: другие — еще гораздо больше. Исходя из вероятного исторического происхождения современных рас, мы можем остановиться на двух из них: негровидной—черной, чрезвычайно длинноголовой, и монголовидной—желтой, весьма короткоголовой. Повидимому, именно эти две расы сыграли наибольшую роль в постепенном развитии человечества. Они оставили в тупиках и в изоляционных центрах южного полушария, — таких, как Австралия, южная Африка и южная Америка, — наиболее примитивные, давно застывшие отпрыски основного стержня, а сами пошли дальше и, как сейчас увидим, вложились в историю европейской части человечества*).

*) История человеческих рас пока еще в высшей степени темна и гадательна. Я основываю свое представление, изложенное в тексте, на сводной работе Ripley, The Races in Europe. К сожалению, по-русски имеется только короткий пересказ книги Риплея — Д. И. Коропчевского в приложении к его переводу «Народоведения» Фр. Ратцеля ,т. II, СПБ. 1901. Представление о раннем ответвлении более первобытных типов на южных континентах, прежде всего в Австралии, основано на наблюдениях за распространением растений: см. чрезвычайно поучительное сопоставление (по Веттштейну) фактов приспособления растений к переменам климата, начиная с третичной эпохи и предположения об эмиграции кристаллизовавшихся форм на юг, в периоды, когда континенты южного полушария временно соединялись с континентами северного, постоянно соединенными друг с другом, у Lotsy, Vorlesun-

Две указанные расы делили между собой северную и южную половину континента Азии, разделенные друг от друга Гималаями, — этой непроходимой «крышей света». Там, где горы снижаются, на запад и на восток, обе расы соприкасались и при соприкосновении теряли свою чистоту, давая происхождение смешанным группам. Так на восток от Гималаев образовалась смешанная область — в Индокитае, области распространения малайцев, на островах Океании. На запад от Гималаев находим такую же смешанную область в Малой Азии, в Восточной Европе и северо-восточной Африке (южная Африка в третичную эпоху была отделена морем Сахары).

Оставляя в стороне и эти, менее нас интересующие области, остановимся на Европе. Сюда в наиболее древнее доступное нашим наблюдениям время устремился, повидимому, людской поток из северной Африки, связанной тогда сушей с южной Европой. Эта длинноголовая раса не-

---

gen uber Descendenztheorien, Iena, Fischer, 1908, II Teil. В сжатом виде приведенную в тексте формулировку можно найти в брошюре Вольтмана, Учение о расах, пер. В Ульриха, СПБ. 1906: «современная антропология признает три большие коренные расы: негры, монголы, кавказцы... От негров произошли «средиземные» племена, а затем и обитатели северной Европы. Вот почему и костяки доисторического человека носят следы негрского типа... Под «кавказской» расой мы разумеем средиземную и северно-европейскую или «германсидную расу», тогда как в альпийской расе средней Европы и именно в ее чистых беспримесных типах мы видим западное ответвление монголов». Ср. также А. Фулье, Психология французского народа, пер. Н. Кончевской, СПБ. 1899, стр. 71 о «скандинавской расе», как об «изменении древней неандертальской — под влиянием влажного и холодного климата четвертичной эпохи». Очень поучительна также схема Штратца (Naturgeschichte des Menschen, 1904), построенная на постепенном ответвлении от «протоморфной» человеческой расы сперва «трехморфных» рас (австралийцы, папуасы, койкоин) обладавших всеми вариациями позднейших трех главных рас, потом двухморфных (американцев и индонезийцев лишенных негрских вариантов) и наконец «одноморфных», от которых идут белокожие и желтокожие на юг и на север от Гималаев.

когда заполняла всю Европу, поскольку территория Европы не находилась под ледником или под водой. По мере отступления ледника и осушения северной части Европы это население должно было продвигаться на север, тогда более теплый. Гораздо позднее, может быть уже в эпоху «новокаменного» века (век полированных орудий) с востока пришла в Европу вторая главная короткоголовая раса, занявшая преимущественно горный центр Европы и вклинившаяся между двумя частями длинноголовой расы африканского происхождения*). При этом отброшенная на север часть длинноголовых существенно изменила свой внешний вид. Вместо низкорослой, темноволосой и темноглазой расы она превратилась в высокорослую, белокурую и голубоглазую. Так образовались три главные элемента теперешнего населения Европы. Остатки ю ж н о й расы т. наз. «средиземной» и до сих пор живут по южному побережью и на южных оконечностях полуостровов Европы. С е в е р н а я часть или т. наз. «скандинавская» сделалась, как мы знаем, предметом культа германцев, как наиболее совершенная раса благородных дворянских завоевателей. С р е д н я я, короткоголовая и рыжеволосая раса с широким лицом и средним ростом, с мясистым носом и серыми глазами, получила название «альпийской».

Теперь мы можем отчетливо представить себе отношение между главными европейскими расами (второстепенные мы опустили) и населяющими Европу национальностями. Легко заметить, что карта распространения указанных рас совершенно не совпадает с картой распространения национальностей. В пределах Франции мы найдем все три названные типа: скандинавский, альпий-

*) Длинноголовыми называются черепа, которые, если смотреть сверху, имеют продолговатую форму, (ширина — м е н ь ш е трех четвертей длины (0,75) или даже меньше семи десятых (0,70—0,67). Короткоголовыми называются черепа, имеющие сверху круглую форму (ширина — б о л ь ш е трех четвертей длины (0,80 и выше).

ский и средиземный. Северозапад Франции оказывается более «скандинавским», чем южная Германия. Альпийский тип встречается во Франции в Савойе, Оверни, Бретани. В Германии северный тип преобладает в Ганновере, Шлезвиге, Вестфалии, но исчезает на юге в Бадене, Вюртемберге и в Баварии, уступая здесь место альпийскому, короткоголовому типу. Последний через Данию пробирается даже в Скандинавию, сообщая населению юга Скандинавии более темную окраску. Север Италии населен короткоголовой альпийской расой, но в Лигурии видим переход к длинноголовой черной средиземной расе, которая уже совершенно преобладает за Тибром. В Швейцарии и Тироле — центр господства круглоголовой альпийской расы, но и здесь мы видим влияние северной расы, вытесняющей короткоголовых в уединенные горные области. В Англии длинноголовая раса совершенно поглотила древнее короткоголовое население, черепа которого можно найти в древних могилах и следы которого видны в темной окраске населения Уэльса и Ирландии. Современные славянские народы приближаются к альпийскому типу. В России древняя длинноголовая раса замещена короткоголовой, которую ряд исследователей принимает за славянскую (Анучин, Талько-Гринцевич, Таранецкий, Олехнович, Коперницкий, Иков, Янчук), хотя другие (Богданов, Зограф, Нидерле) считают, что славяне были длинноголовыми *).

Этот краткий перечень показывает, что решительно все национальности Европы состоят из смешанных антропологических элементов. Единства «крови» нет ни у французов, ни у германцев, ни у итальянцев. Национальности менялись, сливались, вытесняли одна другую. А древний расовой состав населения Европы почти не потерпел

*) Новейшее (после Риплея) изображение распределения рас в Европе и др. частях света, в связи с доисторическими расами, см. в работе Eugène Pittard, Les Races et l'histoire, (в серии Evolution de l'humanité, т. V). Paris, 1924.

изменений с доисторических времен. Отваливалась и менялась только новая штукатурка: основная гранитная кладка европейского этнического здания оставалась в общих чертах одной и той же.

Понятно теперь, как мы должны относиться к попыткам искать родство между народами на основании родства языков. Теперь уже никто не составляет родословного дерева народов на основании родословного дерева языков. Никаких арийских прародителей у европейских народов не было. По всей вероятности, не было и общего арийского праязыка, как представлял его себе Макс Мюллер. Иоганн Шмидт (1872) выдвинул на смену прежней теории — постепенного разветвления языков по мере выхода народов из общей прародины, Азии, — новую теорию «волнообразного» или кольцеобразного распространения арийских языков из одного центра, которым оказалась не Азия, а Европа. Действительно, каждый из арийских языков Европы особенно тесно связан именно с своими теперешними соседями: славянский с литовским, литовский с германским, германский с кельтским, кельтский с итальянским, итальянский с греческим, греческий с фракийским. Иранцы же и индусы — единственная отрасль «арийского» языка, распространившаяся в Азии. Отсюда ясен вывод; все эти языки расположены теперь кольцом в том самом соседстве, в котором они образовались. Значит, они образовались уже сравнительно недавно, в Европе. Разошлись между собой эти языки — не потому, что разошлись народы, а потому, что тот народ, который принес этот язык, передвигался не в пустом пространстве, а в пространстве, уже прочно заселенном упомянутыми древними расами. На арийских языках стали говорить прежние туземные элементы, повсюду различные; оттого и язык разрознился тут же, на месте, прямо из наречий, без всякого промежуточного периода образования новых языков. Здесь происходило то же самое, что проис-

ходило гораздо позднее при распространении латинского языка в завоеванных римлянами провинциях и при образовании новых романских языков (португальского, кастильского, каталанского, лангдокского, румынского).

Можно сомневаться только в одном: в вопросе, с какого конца распространились арийские языки; из среды ли длинноголовых или из среды короткоголовых Европы. Мы видели, что германцы оставляют это предполагаемое преимущество за длинноголовой расой севера; к ним присоединяются чешский ученый Нидерле и наш русский Шахматов. Другие, как Исаак Тейлор, сопоставляя показания раскопок о новокаменной культуре с свидетельствами сравнительного языкознания о той же высоте культуры, собранными Шрадером, склоняются к тому мнению, что арийские языки распространились из южного центра. Это мнение кажется мне более вероятным *). Действи-

---

*) О. Шрадер. Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индогерманской древности. СПБ. 1886. В новейшем своем произведении («Индоевропейцы» пер. Павлова, СПБ. 1913, в «Библиотеке знания», издательство Сойкина) Шрадер высказывается крайне осторожно о прародине индоевропейцев. «Индоевропейский пранарод... не был расой... С ним должно быть связываемо понятие об этническом конгломерате». Далее, «они внешностью были скорее северяне, чем южане, скорее высокорослы, чем малорослы; светловолосы, нежели чернявые». Но, с другой стороны, «провозгласить длинноголовый скандинавский тип... единым истинным пра-европейским типом и построить теорию скандинавского происхождения индо-европейцев есть то, что называется научным произволом» Д-р Любор Нидерле. Человечество в доисторические времена, доисторическая археология Европы и в частности славянских земель, пер. Ф. К. Волкова, под ред. Д. Н. Анучина, СПБ. 1898, стр. 655. В своей новейшей работе (Puvod a počátky Slovanu Východnich, последняя часть его Slov. Stározitnosti, Praha, 1925) Нидерле также становится весьма осторожен в заключениях о физическом типе славян. Isaak Taylor. L'origine des Aryens et l'homme préhistorique в «Bibl. evolutioniste». Paris, 1895 г.

тельно на юге мы находим более древнюю культуру и больше места для широкого общения больших народных масс. Степные равнины юго-восточной Европы более благоприятствовали этому общению, чем захолустья, леса и болота тогдашнего охотничьего и рыболовного севера Европы.

Как бы то ни было, мы теперь знаем, что нельзя говорить ни о единстве происхождения народов, говорящих на арийских языках, ни о расовом единстве каждого из них, — ни о германской «крови», ни о британской «расе», ни о славянской «душе». Если, в самом деле, язык зажигает светильник народной души и является ее резервуаром — мы потом увидим, в каком смысле это может быть верно, — то, по истине, это не неизменная и не вечная, а довольно непостоянная и бродячая душа. Ибо сколько раз язык менял уже в Европе своих хозяев...

«Раса меняется гораздо медленнее, чем язык». Но все-таки и раса — тоже меняется. Наглядным доказательством этого является уже самое существование *нескольких* рас, происшедших от одного корня. Но как происходит эта перемена? Тут мы встречаемся с одним научным затруднением, которое надо разрешить, прежде чем мы пойдем дальше.

III. Изменяемость и наследственность.

Дело в том, что с восьмидесятых годов прошлого века в науке утвердилось учение, в котором сторонники неизменяемости рас и национальностей могли найти сильную поддержку. Я говорю об учении Августа Вейсмана о наследственности. Будучи учеником Дарвина, Вейсман, конечно, не только не отрицал изменяемости видов, но, напротив, полагал это учение в основу биологической науки. Но, следуя Дарвину, он об'яснял всякое изменение вида исключительно дарвинистской теорией «естественного подбора» полезных признаков в борьбе за существова-

ние, в которой выживают только обладающие этими признаками. Откуда же берется, однако, самая разница между особями, обладающими и не обладающими признаками, которые окажутся полезными в борьбе? По Дарвину — и по Вейсману — разница происходит от сравнительно небольших изменений или случайных вариаций между детьми одних и тех же родителей. Накопляясь при помощи выживания и размножения одних только наиболее полезных вариаций, эти *случайные, в своем происхождении* признаки постепенно и дают начало особым видам.

Как ни могущественно, однако же, влияние борьбы за существование в природе, одной этой борьбой трудно все об'яснить. Как об'яснить, например, появление таких изменений в организме, которые, очевидно, вызваны прямым приспособлением самого организма к среде, в которой он живет, особым образом жизни его, занятиями, упражнением или неупражнением органов? Изменения эти настолько наглядны, что еще в 1809 году, за полвека до книги Дарвина, первый основатель трансформизма, Ламарк, положил именно *их*, а не «естественный подбор», в основу *своего* учения об изменении видов.

Для большей наглядности, вот небольшой отрывок из знаменитой «Философии зоологии» Ламарка, иллюстрирующей происхождение разновидностей у птиц, под влиянием образа жизни и упражнения того или другого органа, вызванного приспособлением к среде. «Птица, которую потребность влечет к воде, чтобы здесь найти себе жизненное пропитание, растопыривает пальцы на ногах, готовясь грести... и образуются широкие перепонки. Наоборот, птица, которую обычный образ жизни приучил располагаться на деревьях... имеет пальцы более длинные... Ее когти удлинились, заострились и загнулись крючком. Береговая птица прилагает все усилия, чтобы вытянуть и удлинить свои ноги, чтобы не погрузиться

в ил... Особи данной породы стоят, как бы на ходулях, на своих длинных и тонких ногах... Та же птица, желая ловить рыбу, не замачивая тела, должна делать постоянные усилия удлинить свою шею... При усилии вытянуть язык получается длинный язык (у зеленого дятла)... Всякое изменение органа, обусловленное достаточно привычным употреблением данного органа, наследуется юным поколением»*).

По чистой теории «естественного подбора» в борьбе за существование пришлось бы об'яснить перепончатые ноги, длинную или короткую шею птиц не тем, что данный вид птиц упражнял преимущественно те или другие органы и тем их развил, а тем, что полезные черты случайно появились именно у особей, занятых данным образом жизни, случайно оказались им полезными именно для данной цели, — и потому обладающие этими свойствами особи переживали не обладающих ими — и размножились за их счет. Такое толкование, очевидно, чересчур искусственно. Дарвин и сам признал впоследствии его недостаточность. В письме к Морицу Вагнеру (1876) он говорит: «Самая большая ошибка, мною допущенная, — это то, что я недостаточно считался с прямым действием среды, т. е. питания, климата и т. д...., независимо от естественного подбора... Когда я писал «Происхождение видов», то я мог собрать лишь очень мало доказательств прямого влияния среды. А теперь их очень много».

Действительно, мысль Ламарка не пропала, хотя толкования его и сильно отстали от науки. Создалась целая школа так назыв. «новоламаркистов», которые обратили все внимание на изучение влияния среды на появление разновидностей и, что главное, на унаследование приобретенных при жизни особенно-

*) Ламарк: Философия зоологии, перев. С. И Сапожникова, ред. и вступит. статья Вл Карпова Москва. Изд. «Наука», 1915 г., стр. 200, 208.

стей. Опыты Каммерера над саламандрами, живущими в сухих и во влажных местах, которых он перемещал из одной обстановки в другую, получая при этом изменение одного типа по направлению к другому, опыты Шоблера над скорейшим вызреванием среднеевропейской пшеницы на севере, причем зерна пшеницы наследовали приобретенное ускорение вызревания при перемещении обратно в центр, — эти и подобные опыты поразительны по своей наглядности. Они безусловно доказывают у н а с л е д о в а н и е т о л ь к о ч т о п р и о б р е т е н н ы х п р и з н а к о в ближайшими же поколениями *).

Почему же Вейсман и его школа никак не хотели допустить возможности того, чтобы приобретенные при жизни особенности — переходили по наследству? Это об'ясняется вейсмановской теорией наследственности. По этой теории — в ее первоначальном виде — семя, в котором передаются особенности рода из поколения в поколение (т. е. из семени человека воспроизводится человек, из семени дуба воспроизводится именно дуб и т. д.), это семя содержится не во всех, а только в о с о б ы х клетках организма. Все остальные клетки уже при первоначальном делении яйца предназначаются не для сохранения семени, а для воспроизведения тела («сома» по-гречески, отсюда и название всех не семенных клеток — «соматическими»). Вместе с телом эти клетки растут и умирают. Но «семенная плазма» — б е с с м е р т н а. Частицы семенной плазмы в неизмененном виде поступают прямо из организма родителей в организмы детей, там забронирo-

*) Теории неодарвинистов и неоламаркистов и их полемика, борьба Спенсера с Вейсманом, новейшие опыты и теории, благоприятные неоламаркизму, очень отчетливо изложены в книге Yves Delageet A. M. Goldschmidt, Les Théories de l'Evolution, новое издание, Paris, 1920 г. (в Bibliothèque de la philosophie scientifique). По-русски переведены сочинения ламаркиста Ле-Дантека: Индивидуальная эволюция, наследственность и неодарвинисты. М. 1899 г. и Ламаркизм и Дарвинизм, СПБ. 1900 г.

ваются от внешних влияний и от них передаются в таком же неизмененном виде следующим поколениям через особые семенные клетки, выделенные при самом начале развития молодого организма. Во всей последующей жизни тела «семенная плазма» не участвует; поэтому, и приобретаемые при жизни навыки, не попадая в семенную плазму, унаследованию не подлежат. Такое учение, как нельзя лучше соответствовало учению о неизменяемой и передаваемой по наследству — с семенем — «душе предков» *).

Однако же, опыты неоламаркистов были настолько доказательны, что Вейсману пришлось ввести в свою теорию целый ряд самых существенных поправок — и тем очень приблизить ее к неоламаркизму. Так как нельзя было отрицать основного ламарковского положения, что упражнение органа развивает его — и что продукты развития передаются потомству, тогда как неупражнение органа атрофируют его (зрение у пещерных видов животных), — то Вейсману пришлось для об'яснения придумать новую теорию (точнее, приложить теорию Roux). Борьба за существование, стал утверждать он, происходит не только между целыми организмами, но уже между самими клеточками **внутри** одного организма. Далее, неоламаркисты доказали, что некоторые растения и низшие животные могут воспроизводить из любого кусочка **весь** организм со всеми его органами. Стало быть семенная (или зародышевая) плаз-

*) Первоначальное учение Вейсмана изложено в брошюрах: Über die Vererbung, Jena, 1883 г. и Die Kontinuität des Keimplasma, als Grundlage einer Theorie der Vererbung, Jena, 1885 г. (повторены в Aufsätze über die Vererbung, Jena, 1892 г.). В окончательном виде теория изложена в Vorträge über Descendenztheorie, Jena, 1902 г., 2 B-de. Русский перевод: А. Вейсман, Лекции по эволюционной теории, ч. I, пер. В. Елпатьевского и Г. Риттера, под ред. В. Н. Львова, М. 1905, изд. М. и С. Сабашниковых. Возражения неодарвинистов на опыты неоламаркистов, см. в цитиров. сочинении Lotsy, II часть.

ма находится не только в особых половых клеточках, которые помещаются в органах, специально предназначенных для размножения, а и во всем теле, — в так наз. «соматических» клетках, и между тем и другим нет непереходимой пропасти. Возможна, следовательно, в несравненно большей степени и наследственная передача навыков, приобретенных при жизни соматическими клеточками. Так рушится теория о вечной «зародышевой плазме», неизменно переходящей, как священный огонь, из поколения в поколение. Она уступает место более сложной теории — о тех условиях, при которых опыт жизни может быть передан последующим поколениям. Вместе с этим открывается возможность постепенного приспособления организма к среде уже не в порядке случайности, как это мыслилось при «естественном подборе», неумолимо устранявшем из жизни неприспособленных, чтобы дать место случайно приспособленным,—а в порядке активного реагирования самого организма на требования, пред'являемые средой. При таком толковании, очевидно, надо искать в самом организме какого-то движущего, активного начала его собственного развития, — начала, которое постепенно освобождает организм, поднимая его над слепой игрой слепых сил природы, и давая ему значение самостоятельного фактора.

В чем же состоит это начало? Как можно себе его представить?

В последние годы начало это очень явственно намечено в науке. Не только после долгих лет и многих поколений организм приспособляется к среде. После каждого испытанного воздействия извне, он уже не остается неизменным. Даже на камне остается след от удара. Тем более остается след в живом веществе от внешнего воздействия. А в высших организмах, обладающих специальным органом чувствительности, нервной системой, этот след получает законченную форму, — форму, позво-

ляющую организму реагировать активно уже на следующее испытанное ощущение одинакового рода с первым. В живых существах, обладающих доступной нашему наблюдению психикой, это явление называется п а м я т ь ю. Но это понятие «памяти» новейшие исследователи распространили не только на мир живых существ, а и на весь мир сущего. Они следовали при этом общему стремлению современной науки заменить суб'ективный внутренний человеческий анализ об'ективным наблюдением внешних признаков *).

Начало интересующему нас толкованию положено Херингом, который еще в 1870 году прочел в Венской академии лекцию «О памяти, как об особой функции органической материи». Это положение было развито затем в законченную теорию замечательным ученым Рихардом Семоном (к несчастию человечества, покончившим с собой самоубийством в начале последней войны, после потери жены) **). «Наследственность есть специфическая п а м я т ь р о д а, » — так начинает Семон свой главный труд. «Это нередкое в XIX веке выражение не есть простая аналогия: это есть тожественность различных способностей воспроизведения». Живой организм с у б ' е к т и в н о испытывает раздражение; о б ' е к т и в н о — он реагирует на него физико-химическим изменением. Возбуждение есть энергетический процесс в раздражаемом веществе. Последствие раздражения есть изменение в органическом веществе. Это изменение есть своего рода

*) H e n r i P i é r o n, L'èvolution de la mèmoire (Bibl. de phil. scientifique), Paris, 1910 проводит это начало через все царства природы, различая «неорганическую память», «биологическую», «психологическую» и, наконец, «социальную». — о которой речь будет ниже.

**) R i c h a r d S e m o n. Die Mneme als erhaltendes Princip im Wechsel des
umgearbeitete Ausgabe, Lpz., Engelmann, 1911. Его же: Die mnemischen Empfindungen. Erste Fortsetzung der Mneme, Lpz, 1909 Его-же: Das Problem der Vererbung erworbener Eigenschaften, 1912.

«запись» — Семон называет ее греческим словом «энграмма». Способность «записей» не есть монополия нервной системы; но у высших органических существ эта способность становится специальностью. Повторение хотя бы части первоначального возбуждения и раздражения «вызывает» автоматически запись остальных частей. Процесс «вызывания» записей у Семона носит другое греческое название: «экфория». Например, вид человека нагибающегося, чтобы поднять камень, производит у собаки «экфорию энграммы» (вызывание записи) боли, причиненной ей когда-то брошенным камнем. Субъективно о сохранении записей свидетельствует вся наша психология ассоциаций. Объективно, существование «энграмм» в нашем организме доказывается тем, что при повторении раздражения, однородного с прежним, ответ организма ускоряется и усиливается На этом основаны известные опыты нашего ученого, проф. Павлова, который уже двадцать лет занимается изучением «прирожденных рефлексов» или инстинктов*). На усилении энграмм основано всякое упражнение органов чувств, дрессировка животных, — наконец, и передача энграмм по наследству. Семон, исходя из учения Вейсмана о наследственности, находит в своей теории полную возможность связать это учение, в его исправленном виде, с учением о наследовании организмами приобретенных при жизни навыков. Так, мы видим проявление унаследованной энграммы питания, когда цыпленок, толь-

*) Акад. И. П. Павлов, конечно, пришел, самостоятельно уже 20 лет тому назад к своему «об'ективному» методу изучения «условных рефлексов» и лишь через 2—3 года узнал, что приоритет принадлежит Торндайку. Претензии Бехтерева (с его сумбурной «Рефлексологией») и Калишера на приоритет он считает «эфемерными». См. его введение к сборнику его статей: «Двадцатилетний опыт об'ективного изучения высшей нервной деятельности животных», 1923, Госиздат. Москва-Петроград.

ко что вылупившийся из яйца, начинает клевать своим носиком по пустому месту, как только рядом с ним стукнуть несколько раз пальцем, произведя тем экфорию остальной части энграммы. С такой же экфорией унаследованной энграммы мы имеем дело, когда детеныш водяной птицы при всплеске воды начинает на сухом месте проделывать жесты купанья, встряхивания и т. д. Особенно интересно, что той же экфорией последовательных ступеней опыта, проделанного в прошлом, об'ясняется ряд любопытнейших процессов. Так, например, этим об'ясняется, — в индивидуальном опыте — способность произнести подряд заученные стихи или сыграть длинную заученную пьесу, причем при случайном перерыве приходится начинать сначала. Точно так же — в опыте унаследованном — возвращается к началу плетения кокона гусеница, прерванная на одной из непройденных ею стадий плетения. Сюда же относится и унаследованный факт — смены деревьями листьев и распускания почек в разные времена года и, наконец, капитальнейший, основной факт всего трансформизма, — сокращенное повторение в развитии каждого отдельного зародыша всех тех степеней, которые пройдены на неизмеримом протяжении времени вековым развитием целого рода. Это — известное повторение «онтогенезисом» — «филогенезиса».:

Мнемическое начало проникает всю живую природу. Выяснение этого дало возможность перейти от старых теорий «преформации», т. е. существования в семени уже в совершенно готовом виде будущих форм, — маленьких человечков, миниатюрных носорогов или дубов, — к новейшим теориям «эпигенезиса» — т. е. развивающегося после рождения процесса, смены унаследованного ряда стадий. Уже сделана была даже попытка —итальянцем Риньяно — примирить явления преформации, несомненно существующие, с явлениями эпигенезиса, тоже несомненно существующими, в общем синтезе — «мнемо-

нической» теории, «центро-эпигенезиса», на которой я, к сожалению, не могу здесь останавливаться *).

Я извиняюсь за утомительность изложения, неизбежно вызванную его сжатостью. Но вывод из всех изложенных учений для интересующих нас вопросов чрезвычайно важен. Эти новые приобретения науки дают, наконец, возможность выйти из непримиримого противоречия между теориями неизменяемости рас и «национальных душ» и теориями эволюции. Между противоположными идеями неизменяемости и полного отрыва от прошлого они вводят среднее понятие о пластичности организма. С физического организма, как увидим, это понятие можно распространить и на организм социальный. В социальной памяти, как и в индивидуальной, «энграммы» крепнут и усиливаются по мере повторения. Это одинаково об'ясняет как устойчивость расового и национального типа, — и даже возможные случаи его окостенения, — так и непрерывно продолжающееся действие новых энграмм, в свою очередь видоизменяющих тип и создающих новые разновидности. Наследственность при этом не только не мешает изменчивости, как прежде полагали, но, напротив, является необходимым и могущественным проводником изменений. Приспособления к среде совершаются, по принципам неоламаркизма, гораздо более гибко и непосредственно, чем это достигается «естественным подбором» Дарвина и Вейсмана (подбор, конечно, этим результатом (для которого нам и необходимо было все же остается при этом могущественным фактором). С сделать это отступление), мы возвращаемся к нашей основной теме.

---

*) Eugenio Rignano, Sur la transmissibillité des caractères acquis. Hypothèse d'une centro-épigénèse. Paris, Alcan, 1906 и его же: La mémoire biologique, в Bibl. de Phil. Scient. Paris, 1923.

IV. Изменчивость признаков расы.

Борьба новоламаркизма с новодарвинизмом не кончилась еще в биологии. Немудрено, что и в антропологии учение о подвижности расовых типов и о создании новых разновидностей путем унаследования вновь приобретенных свойств, обусловленных влиянием среды, встречает еще большее сопротивление. Старое поколение антропологов привыкло считать, что расовые типы сохранились в неизменном виде со времени первого своего появления. Оно допускает изменения только или в доисторическом прошлом, или как результат полового подбора (примененного к об'яснению происхождения человеческих рас уже Дарвином) и скрещения рас. Правда, что и сторонники влияния среды чересчур поспешными и поверхностными обобщениями подорвали доверие к своей точке зрения*). Но злоупотребление принципом еще не подрывает самого принципа. Конечно, образовавшиеся втечении сотен тысячелетий виды успешно сопротивляются изменениям под влиянием среды втечении того короткого промежутка времени, который доступен нашему наблюдению. И конечно, высший из видов, человек, владеет могучими средствами искусственно парализовать прямое влияние среды. Но постоянство типа поддерживается, главным образом, еще и тем обстоятельством, что обыкновенно данный тип продолжает существовать в той же самой среде, в которой сложился его облик. Немудрено, что в одной и той же среде он сохраняет раз установившееся равновесие с окружающей обстановкой. Стоит, однако же, перенести этот тип в иную среду — и постоянство это сразу оказывается призрачным. Именно переселение видов из одной обстановки в другую должно бы-

*) В таком духе, крайне скептическом по отношению к учению о влиянии среды, написаны два новейшие труда в серии «L'évolution
La terre et l'évolution humaine и Eugene Pittard, Les Races et l'Histoire.

ло служить в прошлом главным фактором изменения видов. На растениях и животных можно проследить этот закон с полнейшей наглядностью. На этом основании можно установить определенные географические районы распространения того или другого типа. Переход типа из одного района в другой неизменно сопровождается его изменением. Если переход резок и районы далеки друг от друга, и если типы изолируются друг от друга, — то легче всего образуются новые виды. Это происходит нередко почти на наших глазах *). Так, домашние свиньи, перевезенные на высокие и холодные плато Кордильеров, покрылись шерстью, а быки, переселенные в жаркие долины Марчикиты, потеряли шерсть и стали голыми. Так беловежский зубр, живущий в болотистых низинах, представляет резкие отличия в сложении, сыром и тяжелом, от кавказского зубра сухих горных местностей, с его сухим и легким сложением. Напротив, когда площадь распространения — непрерывна, т. е. среда меняется постепенно, то образуются переходные подвиды. Так, например, медведь и лисица имеют девять подвидов в зависимости от местности, заяц-беляк имеет семь подвидов, ворон — тринадцать. Это показывает чувствительность живых организмов даже к сравнительно малым изменениям среды. Еще Агассис пробовал доказать, что и человеческие расы распределены на земле по географическим областям, соответствующим тем же зоологическим районам, по которым расселились неоспоримо самостоятельные виды и роды млекопитающих. И Дарвин признавал основательность наблюдения Агассиса для некоторых областей **). Но, как сказано, приспособляемость человека — или сила его сопротивления влияниям среды — гораздо значительнее приспособляемости низших су-

*) См. проф. Г. А. Кожевникова: «Изменяемость организмов» в XVII книге «Итоги Науки» и A. de Quatrefages, L'Espèce humaine, особенно livre IV и VI.

**) Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой подбор, перев. И. Сеченова, изд. Поповой стр. 120.

ществ. Человек мог, поэтому, несомненно, распространиться по всей земле из одного центра. Тем не менее, есть предел способности акклиматизироваться и у человека. Прежде чем получить возможность жить и размножаться в климате резко различном от привычного, он должен сперва физиологически приспособить к новым условиям весь свой организм. Но такое приспособление и дает начало происхождению рас. На наших глазах оно происходит с переселенцами в Америке (см. ниже).

После этих замечаний мы можем перебрать основные признаки расы, чтобы показать их способность изменяться. Начнем с роста. Мы выше воспользовались гипотезой, по которой две длинноголовые расы Европы, средиземная и северная, — одного происхождения, хотя южная раса низкорослa и черноволоса, а северная высокорослa и белокура. Разница при этом об'яснялась действием северного климата на длинноголовое население доисторической Европы, распространявшееся с юга. Для классической французской школы антропологов такое заключение — величайшая ересь. Глава этой школы, Брока, утверждал, что «рост не зависит ни от высоты, ни от широты, ни от бедности, ни от богатства, ни от питания... Единственная общая причина—это племенная наследственность». Но уже Топинар принужден был признать, что «изменение этого признака расы с течением времени возможно». Он не мог отвергнуть по крайней мере одного доказательства влияния среды уже во втором поколении: того факта, что рост переселившихся в Америку европейцев — даже англичан — увеличивается. Нельзя также отрицать доказательности наблюдений над ростом в зажиточных и бедных кварталах Варшавы, Праги и Лондона: везде в городах благосостояние и хорошее питание содействует увеличению роста*).

*) Topinard, Elements d'Anthropologie générale, стр. 457. О евреях см. Zollschan, Rassenproblem. Pittard также вынужден признать приведенные факты, хотя пытается дать им иное об'яснение.

Конечно, несмотря на это, рост остается одним из характерных признаков древних расовых делений. Но нельзя отрицать, что те же самые причины, которые в течение веков вызвали различия между расами в росте, продолжают оказывать свое действие и в новых условиях расселения рас — и могут в конце концов, при достаточной продолжительности, затереть старые различия. Так, Риплей отметил новые влияния гор, путающие географию рас. Отчего не допустить, что различия европейского климата давно уже нивеллируют старые разницы роста? Нельзя игнорировать того факта, что существует какая-то *своя* закономерность в постепенном повышении роста с юга к северу Европы. Выкидывая отступления, мы получим тут ряд следующих цифр: юг Италии — 1,60 метра, север Италии — 1,62—1,63 метра, Франция — 1,65, южная Германия — 1,65—1,66, Голландия — 1,67—1,68, центр Англии — 1,68, северная Германия — 1,69, Швеция и Дания — 1,71, Шотландия и северная Норвегия — 1,72. Не случайно, очевидно, рост населения разных частей Европы расположился так точно, соответственно даже мелким переходам климата. Первоначальные расовые различия этим не уничтожены вполне, но несомненно, несколько затерты.

Переходя к другому расовому признаку, цвету кожи, волос и глаз (эти три признака физиологически связаны), мы опять встречаемся здесь с тем же старым спором между полигенистами и моногенистами (т. е. сторонниками происхождение человека в *нескольких* центрах или *водном*), перешедшим теперь в спор старой антропологической школы с трансформистами. Топинар скажет вам, что со времени Геродота, Гиппократа и Аристотеля ученые об'ясняли цвет кожи действием атмосферических условий. Он укажет на соответствие в общих чертах распределения цвета кожи белой, желтой и черной расы — географическому расселению этих рас. Он признает даже, что отдельные противоречия между географической

широтой и цветом кожи не нарушают общего правила, ибо они об'ясняются переворотами материков и переселениями народов. Топинар, наконец, сам сделал вывод, что географическое распределение цвета кожи «соответствует данным физиологии, показывающим, что тепло, свет, движение и обновление воздуха суть естественные внешние возбудители функций кожи... Анализ и рассуждение, таким образом безусловно благоприятны трансформистскому тезису. Различные формы окраски рас могут и должны почти исключительно зависеть от внешней среды». Но... затем, совершенно неожиданно, Топинар прибавит: «Eh bien, non! Научно мы не можем сделать этого вывода, представляющегося столь очевидным!». Все ведет к нему, как видим; известен даже механизм изменения. Так, в чем же дело? Вот причина сомнений Топинара: ведь загорение кожи приобретается отдельными индивидуумами; а приобретенные индивидуумом признаки не переходят по наследству! Вот почему «до нового распоряжения, в противоположность Гиппократу, Бюффону, Блюменбаху и Катрфажу, в противоположность моногенистским и трансформистским доктринам, мы вынуждены считать окраску, т. е то, что легче и логичнее всего поддается действию среды, постоянным признаком расы в пределах, доступных нашему наблюдению»*)!

Читатель видел, что «новое распоряжение» в науке уже вышло. Это — учение неоламаркистов о наследственной передаче приобретенных признаков, учение Семона о наследственной передаче «мнемы» путем накопившихся «экфорий» и т. д. Можно поэтому отказаться теперь от «вынужденного» ученого воздержания и уступить «логике» (в данном случае — методу «сопутствующих изменений»). Хороший пример такого применения логики можно видеть в небольшом докладе о «контроле климата

*) Topinard. Elements d'Anthr. gén. 329—331.

над цветом кожи», прочтенном на всемирном конгрессе рас в Лондоне (июль 1911) проф. Ляйдом*). Черный цвет кожи предохраняет от актинических лучей. Он наиболее густ в саваннах Африки, где солнце жжет вертикальными лучами, где сухой воздух пропускает лучи и нет ни влаги, ни леса, ни тени, чтобы смягчить их действие. Предохранительную окраску кожи не труднее об'яснить, чем предохранительные приспособления растений в том же климате. Нормальная граница черной кожи — 25 градусов широты на север и на юг от экватора (с из'ятиями для мест, более защищенных от солнца). Далее следует полоса коричневой кожи между 25 и 35 градусами широты по обе стороны тропиков, — именно там, где пассатные ветры не встречают смягчения в местных условиях. За ними идет зона желтой кожи между 35 и 45 с. и ю. широты — в травяных степях, лишенных влаги и с резкими контрастами летней и зимней температуры. В Азии эта зона тянется и дальше на север, навстречу полярным ветрам, до пределов сибирского леса. И только за 45 градусом до 55° (широта Копенгагена) нужно искать родину белой расы. Лес, влага, прохлада, сырые ветры — вот условия побеления. Организм тут противопоставляет среде новое предохранительное средство, противоположное черной коже; белую кожу, которая сохраняет теплоту, препятствуя излучению. Конечно, действительная картина распределения цветных и белой расы несравненно пестрее этой общей схемы. Но тут, помимо разнообразия сочетаний перечисленных географических и климатических условий, вызывающих постоянные исключения из правила, нужно принять во внимание и то, что раз установившись, цвет кожи, волос и глаз упорно сопротивляется новым влияниям. Именно поэтому цвет и продолжает служить прочным признаком расы

*) Inter-Racial problems, edited by G. Spiller, London, 1911, King, стр. 104—108: Climatic control of Skin-Colour, by prof. Lionel W. Lyde.

при всех ее перемещениях, — пока речь идет о сравнительно коротких промежутках времени. Но рядом с влиянием р а с ы и здесь идет позднейшее влияние с р е д ы — в местах нового поселения. Так же, как с ростом, происходит под влиянием климата постепенная нивеллировка. Везде в Европе брюнеты и блондины смешаны: это свидетельствует о наличности разных рас в Европе и о различных степенях их смешения. Но рядом с этим белокурый тип, как и высокий рост, постепенно и закономерно усиливается численно по направлению от юга к северу. Решительно в каждой стране на юге вы находите больше брюнетов, чем на севере. Так, по цвету глаз, на юге Италии (Сицилия и Неаполь) около 26 процентов светлоглазых, а на севере 31 (Генуя). На юге Франции их 30,6 процентов (Ардеш), а на севере 46 (Бретань), не принимая в расчет Нормандии (52), где сказалось расовое влияние голубоглазых английских завоевателей. В Германии светлоглазый тип дает на юге (Вюртемберг) 24,3%, т. е. меньше, чем на юге Италии, но в рейнских провинциях и в Вестфалии встречаем 38—39%, а на севере — 41—42%. В Англии светлоглазых на юге 52% (Бристоль), а в Эдинбурге — 58%. На Шотландских и Оркнейских островах их — 71,4%. Сводя вместе цвет волос, глаз и кожи, Топинар получил следующую таблицу (в процентах):

	Белокурые:	Брюнеты:
Испания и Португалия	20,5	60,7
Франция, Бельгия и Швейцария . .	39,2	49,9
Скандинавия	77,3	13,8

Очевидно, не случайно белокурые и высокорослые преобладают в холодных частях, а черноволосые и низкорослые — в жарких частях Европы*).

*) Цифры взяты у Топинара, цит. соч. 336—342. См. также сводные картограммы у Риплея.

Форма черепа является наиболее устойчивым признаком, и поэтому с полным основанием она служит основным признаком при определении расы. Мы видели, что гипотеза о единстве длинноголовой расы севера и юга Европы именно основана на единстве строения черепа, как на более прочном признаке, хотя рост и окраска переменились*). Но, с другой стороны, столь же несомненно, что с течением времени и форма черепа не остается неизменной Общеизвестен тот факт, что черепа древних могил более длинноголовы, чем черепа теперешнего населения тех же местностей, становящиеся постепенно короткоголовыми. Конечно, короткоголовая раса присутствует в Европе уже со времен полированного камня (неолитической эпохи) Но факт постепенно растущего короткоголовия никак нельзя об'яснить одной сменой расы. Вот, например, таблица, из которой видно, как изменялась форма черепа на центральной возвышенности Франции**):

Периоды	головной указатель
неолитические черепа (длинноголовые) ...	73,00
галло-римская эпоха	78,00
меровингская (VI—VIII век по Р Х)	77,00
черепа IX—XII веков	80,26
средние века и новое время (короткоголовые)	83,74
настоящее время	85,00

Очевидно, переход от длинноголовия к короткоголовию на переломе от средних веков к настоящему времени никак нельзя об'яснить сменой рас в центральной Франции. Поэтому еще Вирхов придумал другое об'яснение. По его мнению, с увеличением веса мозга по мере развития культуры череп раздается вширь, в области височной кости. Чтобы избегнуть этого заключения, антропологи старой школы или заподозревают факты или пытаются поставить развитие культуры в связь с (предполагаемым) увеличением численности короткоголовой р а с ы сравнительно с «беспокойной» длинноголовой (Шиттар). Но,

*) См выше, стр 33.

**) Цифры сопоставлены у B o u c h e r a u, L Anthropologie, XI, 1900, стр. 691.

очевидно, это значило бы возвращаться к Гобино и к его последователям, учение которых они сами справедливо отрицают. Питтар принужден также решительно отказать в доверии поразительным результатам наблюдений американского антрополога Франца Боаса, которые подтверждают немедленное изменение формы черепа у детей переселенцев в Америку. Боас нашел, именно, что крайние типы черепа у детей переселенцев разных национальностей, рожденных в Америке, изменяются, приближаясь к среднему американскому типу. Так, дети близких к короткоголовию евреев (83), рожденные немедленно после приезда их в Америку, уже имеют череп удлиненный до 82, а у их детей головной указатель спускается до 79. Наоборот, у чрезвычайно длинноголовых сицилийцев и неаполитанцев череп становится шире Все другие об'яснения этого факта, кроме влияния среды, Боас считает исключенными*).

Таким образом, изменчивость расовых типов под влиянием дальнейшего действия тех же условий, которые создали эти типы, нужно считать доказанной. Вопрос сводится лишь к пределам пластичности расы и к темпу влияния на нее новой среды. Мы говорим, конечно, о новой среде, потому, что, оставаясь в той же среде, которая ее произвела, раса, очевидно, остается в состоянии достигнутого равновесия. Переменой среды об'ясняется, очевидно, сравнительная подвижность европейских рас, и пестрота их смешений сравнительно с более однородными и менее подвижными типами в предполагаемых центрах происхождения этих рас, в Азии и в Африке.

---

*) Основной доклад Боаса: Changes in bodily form of descendants of Immigrants..., an antropological investigation for the U. S. Immigration Commission, напечатан в 1910 г. в Вашингтоне (Senate document № 208, 61-st Congress, 2d session). Популяризация в его книге: Franz Boas, The mind of primitive man. N. Y. 1913 и на конгрессе рас, см. Interracial Problems (L. 1911).

V. Изменяемость признаков национальности.

Мы переходим теперь от вопроса об изменяемости рас к вопросу об изменяемости признаков, определяющих национальность. Здесь мы сразу попадаем в совершенно другую область явлений. Выше мы отделили национальность от расы. Мы знаем, что особенности рас складывались втечении десятков и сотен тысяч лет. Современные национальности, напротив, сложились втечении одного только последнего тысячелетия. Мы видели, что свойства, приобретенные организмами при жизни, могут передаваться по наследству. Но для этого необходимо, чтобы «энграммы» вновь приобретаемых признаков настолько прочно отпечатлелись не только в «соматических», но и в «зародышевых» клетках, чтобы перейти через последние в новый организм. Принципиально нельзя отрицать возможности этого. Но, очевидно, промежуток времени, втечении которого складываются, (и разрушаются) национальности, для таких перемен недостаточен. Мы, правда, видели возможность передачи признаков, созданных влиянием среды, даже в ближайших поколениях. Но, как раз, это не те признаки, которые отличают одну национальность от другой. Специфические же признаки национальности, как сейчас увидим, создаются не влиянием среды на человека, а влиянием людей друг на друга. И эти признаки по наследству не передаются. Это составляет их существенное отличие от расовых и вообще физических признаков. Именно поэтому признаки национальности в особенности изменяемы и отделимы друг от друга. В этом смысле можно сказать, что признаки национальности все условны, и ни один из них, взятый отдельно, не необходим, чтобы охарактеризовать определенную национальность.

Как трудно говорить о наследственной передаче национальных признаков, можно судить уже по тем из них, которые касаются искусственных изменений форм тела,

— изменений, свойственных некоторым национальностям. Китайские женщины втечении многих поколений уродуют свои ноги, евреи совершают обрезание, некоторые дикари (и древние народы) деформируют черепа, протыкают уши и губы для ношения украшений, современные модницы уродуют грудную клетку корсетом. И однако же дети их рождаются с неповрежденными членами*). Точно также не передаются по наследству и национальные психические навыки. Та или другая национальность может втечение столетий говорить одним языком, но ребенок этой национальности, воспитывавшийся в другой национальной среде, говорит на языке новой национальности, как на родном, и должен учиться языку родителей, как чужому. А между тем, именно с языком связывали «душу» национальности.

С этим наблюдением совпадает и тот факт, что все признаки национальности чрезвычайно хрупки и ни один из них не восходит слишком далеко в историческое прошлое, не говоря уже о «доисторическом» периоде. Все, чем привыкли определять национальность, язык, религия, территория, нравы и обычаи, все это сравнительно недавнего происхождения, все это подвижно и может отделяться друг от друга.

О языке мы уже говорили. Мы видели, что родство народов никак нельзя определить тем, что они говорят родственными языками, напр., «арийскими». Национальная гордость народов старается и на короткой памяти истории отыскать себе возможно отдаленных предков — и при этом пытается опираться на язык. Шовинисты всех народов строили на догадках этого рода начало своей истории. Так, наши русские националисты непременно хотели видеть русских в сарматах и скифах, населявших в древности юг России, и искали русских (или славянских) географических названий чуть не по всему свету. Румыны и до сих пор считают себя прямыми по-

*) За исключением, быть может, обрезания.

томками римлян, а греки — потомками Перикла и Алкивиада. Между тем, как раз тут, кроме некоторой преемственности языка, сильно измененного, заведомо нет никакой племенной связи Кто такие, в самом деле, эти «потомки римских колонистов» времен римского императора Траяна, якобы и теперь живущие в Румынии? В войсках Траяна служили солдаты из всех провинций, исключая Италии. В Дакии (древней Румынии) это были, конечно, дакийцы, кое-как научившиеся латинскому языку, — как и остальные народы западных римских провинций (напр., галлы во Франции). Но затем началась целая серия вторжений. В Дакии побывали готы, гунны, славяне, авары, лангобарды, венгры. Будущие румыны были отброшены с Дуная в Балканские горы и потом — по некоторым теориям — опять оттуда вернулись. Какая же тут возможна чистота типа, не только расового, но и вторичного, этнографического? Некоторое единство нации и непрерывность традиции дал тут только язык. Очевидно румынскую «душу» можно искать только в языке, но отнюдь не в крови. То же повторилось и с греками. Этнографический состав Пелопоннеса был изменен совершенно вторжениями албанцев и славян. Этнографическая непрерывность населения могла тут сохраниться разве на берегах. Но сохранился «народный диалект», — и современные греческие патриоты всячески стараются приблизить его к древне-греческому, жертвуя даже связью культурных верхов с низами и живостью народных впечатлений.

В приведенных случаях сохранился о д и н язык, как признак национальности. Можно привести обратные случаи, когда именно язык исчез, а национальность сохранилась. Имеется национальность ярко выраженная, которая до последнего времени была лишена живого общего языка: это евреи. Так, балканские евреи «сефардим» говорят на испанском языке XV столетия; «ашкеназим» (восточно-европейские евреи) — на франкфуртском

немецком наречии XVII века («иддиш»). Только теперь небольшая часть евреев ввела в житейский обиход свой старый язык — древне-еврейский: но это уже — пример сознательного творчества национальности, к чему мы еще вернемся. Правда, евреи-националисты долго стремились доказать, что евреи составляют исключение из всех народов, ибо они сохранили чистоту расы. Однако, теперь даже самые горячие защитники чистоты еврейской крови принуждены признать, что евреи — смешанная раса. Они лишь хотят доказать, что смешение это произошло более тысячи лет тому назад и что с тех пор расовый состав евреев уже не меняется. Другие исследователи отрицают и это*). Можно привести и другие примеры национальностей, переменивших язык, но не ставших от этого другими национальностями. Один пример мы только что упоминали: покоренные народы римских провинций не стали римлянами, заговорив на испорченном латинском языке и потеряв собственный. Не стали «арийцами», в нашем более древнем примере, и те народы, которые заговорили по-арийски. В новейшее время случаи диссоциации языка и национальности особенно часты. Так, в латинской Америке несколько национальностей говорит языком испанских и португальских завоевателей и колонистов. Население Северной Америки на наших глазах дифференцирует свой язык от английского и не считает себя англичанами. Наоборот, швейцарец считает себя швейцарцем, а не французом, немцем и итальянцем: тут разница языков не препятствует созданию единой национальности (хотя тут лучше употреблять слово «пация»).

Если уже язык, этот основной носитель национального духа, не создает сам по себе национальности, то что же говорить о других признаках? Может быть, р е л и г и я

*) Так Zollschan, Зомбарт утверждают это (там же и указание на специальную литературу). Pittard и Лапуж отрицают.

— вот признак национальности, который не обманет? Ведь утверждали же еще недавно — А. В. Карташев повторяет тут А. С. Хомякова, — что русская национальность исчерпывается православием. Несомненно, сам народ иногда отличает себя от других — религией. На нашей западной границе католик означает «поляк», а «православный»—русский, белорусс, малорусс. Даже одна и та же национальность употребляет религиозный признак, чтобы разделить себя на две искусственно враждебные части. Так хорваты-католики до последнего времени настаивали на том, что они особый народ от сербов-православных, хотя язык тех и других почти тожествен. Но этот пример как раз показывает, что религия в данном случае является не сущностью различия, а только символом его, внешним признаком, таким же, каким в других случаях является напр. костюм. По существу, именно современные монотеистические религии менее всего годятся для различения национальностей, ибо они прямо противополагают себя национальности. Монотеистическая религия, в противоположность древним религиям города, есть начало сверхнациональное, мировое, космополитическое, а не начало местное, замкнутое пространством и временем. Таковы определенные претензии католичества и ислама. Наши славянофилы, правда, утверждали, что католичество есть специфическая национальная черта всего Запада, в противоположность национальной же черте, православию — Востока и славянства. Но, очевидно, сами католические народы, французы, итальянцы, испанцы, португальцы, немцы — никак не согласятся признать себя одной национальностью. В частности, и сами славянофилы никак не могли сладить с тем фактом, что славянская «душа», только отчасти православная, а отчасти она — католическая (поляки, чехи, хорваты). С другой стороны, ведь православны и не-славяне: румыны, греки; принимают православие и японцы. Очевидно, о «право-

славной» национальности так же невозможно говорить, как о «мусульманской» (где есть и арабы, и персы, и турки) или о «протестантской».

Не национальность определяется религией, а, напротив, религия формируется по национальности. Но для этого она должна сойти с своей отвлеченной высоты, должна национализироваться. Такая национализированная религия, действительно, иногда становится тожественной с данной национальностью. Но такая религия не делает вечной народную душу. Она только делает временной себя. Религия меняется, развиваясь, как и все на этом свете. Мы знаем, как первоначальное христианство национализировалось, сперва преломившись в эллинистическо-языческой среде, потом еще раз преломившись в варварской, первобытной шаманской и ритуалистической среде германских завоевателей. Следуя дальнейшему развитию новых народов, христианство еще раз переменилось. Реформация, протестантизм, духовное христианство, сектантство — вот стадии религиозной эволюции, принимавшей различные формы соответственно новым национальным духовным потребностям и пониманию. Для национальности переменить религию еще легче, чем переменить язык. Не изменяя себе, одна и та же национальность меняет религию или принадлежит к разным религиям: немцы становятся протестантами, англичане— пуританами, американцы — сторонниками «христианской науки» и т. д., не только не переставая быть, чем были раньше, но даже иногда выявляя при этом лучше свои национальные особенности. Если религия и может тут характеризовать национальность, то она, во всяком случае, не создает ее.

Территория, как и язык, необходима, конечно, для создания национальности. Территория необходима, как среда общения — и она должна быть настолько протяженна, чтобы общение могло установиться в среде довольно численной группы. С другой стороны, влияние

территории — это есть как раз то влияние географической среды, которое является важным фактором изменений и приспособлений. Климат, пища, даже географический пейзаж, несомненно, влияют на физику и психику человека, как ни трудно проследить результаты этого влияния в отдельных случаях. Сочетания гор и долин, течение рек устанавливает географическую связь местностей, за которой следует связь народов, населяющих данный географический комплекс. Швейцария, дунайская монархия, российское государство представляют достаточно яркие примеры этого об'единяющего влияния географической среды. Однако же, после того, как влияние территории сказалось и национальность уже сложилась под ее влиянием, она, несомненно, может не изменяясь, освободиться от связи с первоначальным местом жительства. Известна громадная роль кочевого быта и вынужденных поисками пищи переселений на распределение национальностей по занимаемым ими территориям*). При этих передвижениях связь национальностей с первоначальной территорией должна была совершенно разрушиться. Вот почему также теперь мы видим совершенно различные национальности на территории одинакового характера (или на той же самой) и, наоборот, на разнородных территориях обитают одинаковые национальности. Человек есть «животное всеядное» и обладает наибольшей способностью к акклиматизации. Не говорю уже о народах Европы. Но, напр., папуасы и малайцы живут веками рядом, в тех же тропических странах, будучи совершенно различны. Есть и национальности без территории, как (до последнего времени) евреи и цыгане.

Не буду останавливаться на нравах, обычаях и привычках, как на признаках национальности. Этот признак наиболее подвижен и особенно доступен влиянию заимствований и моды. Притом, как раз, когда

---

*) На этот фактор обратил особенное внимание Фр. Ратцель, основатель «Антропогеографии».

национальность наиболее ярко выражается — в новое время — этот признак наиболее стирается, уступая место космополитическому однообразию. В отдельных случаях, конечно, и взятая из этой области черта может служить *символом* национальности. Напр., сербы считают своим национальным отличием укоренившийся у них общеславянский обычай особого празднования дня рождения («Слава») или особый «национальный» костюм. С таким же правом можно было считать национальной принадлежностью немца — кружку пива, англичанина — трубку в зубах, русского —танец в присядку, поляка — мазурку и т. д. По этого рода признакам часто определяются национальные характеры посторонними наблюдателями. Но это лишь показывает, какую осторожность надо соблюдать при таких определениях. Во всяком случае, именно эта категория признаков, как наиболее наглядных и подвижных, ближе всего подводит нас к изучению процесса происхождения национальностей.

На самом деле, в наш вывод из всех наблюдений над колебаниями национальных признаков мы уже можем теперь ввести, при всех отмеченных ранее *отрицательных* чертах, одну *положительную*. Ни одна из черт, которыми обыкновенно определяется национальность, говорили мы, не оказывается, сама по себе, неот'емлемым и необходимым признаком национальности: ни язык, ни религия, ни территория, ни нравы и обычаи. Но то или другое сочетание признаков *необходимо*, чтобы была на лицо национальность. Что же именно при этом необходимо? Мы видели это. Каждый признак — язык, территория, религия и т. д. — необходим тогда и постольку, когда он становится *средством общения* между людьми или *результатом* их длительного *взаимодействия*, — коллективным продуктом их постоянного общения. Но общение и взаимодействие суть явления *социально-психические*. Понятие «взаимодействия» есть основное понятие, лежащее

в основе социологии. Отсюда наш ближайший вывод: национальность есть явление социальное. Будучи продуктом живого общения и совместной деятельности данной группы людей, она существует лишь, пока продолжается общение. Она выявляется, когда общение достигает известной длительности и напряженности. Национальность, следовательно, существует только в процессе. Она не вечна и не неподвижна. Она, напротив, постоянно изменяется: складывается, развертывается, может и разложиться. Изучать все эти явления национальности можно только, изучая социальный процесс.

С этим выводом мы переходим к изучению происхождения национальности.

VI. Создание национальности.

Прежде всего, мы должны в процессе развития национальности различить два периода, подобно тому, как различили периоды происхождения расы и национальности. Если происхождение рас относится к незапямятным временам, - десятки и сотни тысяч лет тому назад, если, напротив, современные нам национальности сложились втечении последней тысячи лет, то теперь и внутри этого последнего промежутка надо установить две неравные части. Одна из них и тут несравненно короче другой соответственно общему закону ускорения эволюционного процесса. Можно так определить эти два периода: длительный период, когда национальность создается, и сравнительно короткий, последний период, когда национальность сознается. Создание национальностей есть плод долгого процесса, отчасти скрытого от нашего наблюдения в пред'исторической тьме. Сознание национальностей — плод весьма недавнего времени. Конечно, известная степень сознания присуща самому началу процесса создания национальностей, и социологи не даром считают основным фактом социального общения — созна-

ние принадлежности к роду. Но мы говорим здесь о сознании в несколько ином смысле: и этот сознательный процесс (о котором см. ниже) происходит не только на глазах истории, но даже на глазах новой и новейшей истории. Далее, конечно, оба периода не разделяются резко друг от друга. Между обоими есть длительный переход, особенно интересный для изучения происхождения национальности в новом смысле. Но все же различать эти два периода необходимо, ибо нельзя мерить одной меркой п р о и с х о ж д е н и е национальности в обстановке древнего общества, сложившегося стихийно и сдерживаемого суровой дисциплиной вождей и религии, которые и являются в этот первый период факторами создания национальности,—и развитие с а м о с о з н а н и я национальности в новом обществе, основанном на началах свободной критики и общественного участия в государственном строительстве.

Займемся сперва п е р в ы м периодом, когда национальности фактически создаются. Здесь по необходимости придется описывать процесс происхождения не каких-либо определенных национальностей, но социологический процесс происхождения национальности вообще. Нельзя сказать, чтобы социология подготовила для нас достаточно материала в этом отношении. Занимаясь вообще процессом создания и развития общественных групп, социология не выделяет среди них того специфического соединения, которое мы называем национальностью. А некоторые новейшие сторонники «об'ективного метода» в социологии, как напр., П. Сорокин, изучая факторы взаимодействия в человеческом обществе, и в частности социально-психические факторы, — не находят необходимости среди «кумулятивных (т. е. соединяющих несколько элементов взаимодействия) социальных групп» отвести особое место «кумулятивной группе», называемой национальностью *). Г. Сорокин основывается при этом на том

*) Питирим Сорокин. Система социологии. Социальная аналитика, т. I и II. Петроград, изд. «Колос», 1920.

правильном наблюдении, что национальность, как мы и отметили выше, не есть в отдельности ни единство расы, ни единство языка, ни единство религии, ни общность экономических интересов, ни единство династии и исторических судеб, ни единство права, морали и нравов, ни единство мировоззрения, ни даже «сознание своей принадлежности к определенному политическому телу». И из того, что национальности составлены из разных «элементарных группировок» этих элементов, — одни из одних, другие из других, — он заключает, что «национальность есть такая же сборная группа для социологии, какой является группа растений, об'единяемых одним термином «овощи» — в ботанике, группа животных, обозначаемых в общежитии термином «дичь» — в зоологии, «бутерброд», как химический элемент, — в химии». Здесь русский социолог, очевидно увлекся и пошел слишком далеко, отвергая факт вместо того, чтобы об'яснить его. Сочетание признаков в каждой национальности, конечно, различно. Но, во-первых, известное сочетание признаков необходимо для того, чтобы существовала национальность; во-вторых, национальность не есть только сумма признаков, ее составляющих, а известный интегрированный результат их взаимодействия, нечто специфическое в ряде форм социального об'единения. Нет, конечно, надобности, представлять себе национальный «организм» или национальную «душу», как нечто реальное, существующее отдельно от тех индивидуумов, которые являются реальными носителями этой «души». В этом отношении я так же отрицательно отношусь к «социологическому реализму», как и г. Сорокин. Но несомненно, что в каждом индивидууме социальное общение и взаимодействие (которые, собственно, и сделали его человеком *), создает известные коллективные про-

*) Гиддингс совершенно правильно подчеркивает мысль, которую, кажется, можно считать теперь общепризнанной, что

дукты, отлагающиеся в его психике. Национальность относится к числу весьма важных коллективно-психических продуктов. И г. Сорокин, при большой осторожности, мог бы определить ее на своем языке, как кумулятивную группу, интегрирующую коллективно-психологический результат более или менее длительного взаимодействия при посредстве тех или других «проводников» взаимодействия (г. Сорокин классифицирует эти «проводники» по органам чувств на звуковые, световые, цветовые, предметные, двигательные и т. д. Любопытно, что значительная часть их, как видно из примеров самого г. Сорокина, относится именно к символике национальности, как напр., «знамя», «Россия» и т. д.)

Прежде, чем перейти к влиянию социальной среды на образование национальности, мы должны, однако, несколько остановиться на влиянии физической среды. После того, как мы признали возможность влияния среды на живые организмы и возможность перехода по наследству вновь приобретаемых признаков, у нас открылась новая возможность — об'яснить происхождение тех физических однообразий, которые наследуются в среде данной национальности — или данной группы национальностей. Наличность таких однообразий невозможно отрицать. Они подали даже повод говорить о «вторичных» или «исторических» расах. Избегая путаницы в употреблении слова «раса», мы не будем им пользоваться. Но мы уже указали на ряд изменений в коренных физических признаках расы под влиянием среды, указали также на факт создания новой национальности, американской, отличаемой не только чертами, происшедшими из социального общения, но и чертами, происшедшими под новым влиянием физической среды. Два французских ученых,

---

жизнь в обществе была необходимой предпосылкой для самого происхождения человека. Теория изолированного человеческого существа сперва живущего в «естественном состоянии», а потом входящего в «общественный договор» с себе подобными, есть чистейшая абстракция.

Бару и Сержан, написали интересное исследование о «фламандских расах быков, лошадей и людей в связи с походкой на равнине», где доказывают, что широкий круп и таз, широко расставленные ноги, плоская ступня ноги и т. д. есть продукт влияния местной фламандской природы и на людей и на животных. Известная сравнительная атрофия ног и могучее развитие рук у народов Огненной Земли, алеутов и обитателей Замбези, об'ясняются, как следствие того, что среда заставляет все эти народы далеких друг от друга стран и климатов одинаково проводить значительную часть жизни на лодках. Сюда же относятся все факты акклиматизации переселенцев в непривычных для организма климатах. Замечено, что в этой борьбе расы с новыми влияниями среды выживают далеко не все: так, напр., в Алжире гибнут северные европейцы, а приспособляются и дают потомство южные, заранее более приспособленные. Мы видим здесь пример того «естественного подбора», который для каждой страны и для каждого климата должен был с самого начала отбирать и сохранять население, специально для них пригодное, безжалостно убивая неприспособленных и тем определяя общий облик будущих национальностей.

Даже самый ход мировой истории и культуры определяется в значительной степени распределением на земле естественных географических зон. Климат, ветры, количество дождевых осадков прежде всего влияют на растительный покров, но через него и на человека. Могучий, не поддающийся усилиям человека тропический лес, по сторонам его пояс сухих песчаных пустынь, опоясывающий весь земной шар, затем полоса травяных степей, далее — область влажных лесов севера и наконец тундра, в которую они переходят, — все это естественные кадры, фатально предопределившие типы национальностей, которые населяют эти различные зоны и их историческую смену. В классической главе своей книги Бокль указал на связь дешевой и обильной пищи—риса, маиса, фиников с обра-

зованием древних культур и даже на связь их социального строя с вызванной обилием и дешевизной пищи скученностью рабочего населения данных местностей *). Более рискованны попытки найти связь между физической средой и психическими свойствами национальности, «народным характером» или темпераментом. Трудно отрицать, конечно, и тут влияние режима — мясного, молочного, вегетарианского — на психику населения, потребляющего ту или другую пищу. Но тут мы легко переходим в область гаданий. Я не буду пытаться об'яснить национальный характер англичанина — ростбифом, а национальный характер француза — употреблением овощей. Методическая ошибка такого об'яснения очевидна: она заключается в том, что явление чрезвычайно сложное хотят свести к одной и притом очень элементарной причине. Если пища — и климат вообще — влияют на психику, что несомненно, то этого рода влияние уже потому не годится для об'яснения национальной психологии, что оно обыкновенно захватывает несравненно более обширные и иначе очерченные площади, чем те, на которых размещаются отдельные национальности. Если угодно, можно говорить о южно-европейском и северо-европейском темпераменте: юг и север, бесспорно, создают разную психику. Но южный темперамент мы одинаково найдем на всех южных полуостровах Европы: в Испании так же, как в Италии или на Балканском полуострове. Точно также и северный темперамент можно наблюдать и у англичан, и у скандинавов. А национальности, на территории которых юг достаточно отличается от севера, могут представить оба темперамента, — южный, и север-

*) Все эти виды влияния физической среды на человека признает даже и скептически настроенный к вопросу о влиянии среды Febvre, см. цитированное сочинение, deuxième partie, Cadres naturels et sociétés humaines. Ср. также Laupouge, Les selecions sociales, гл V: climat régime, и Buckle, Civilisation in England, chapter II influence exercised by physical laws.

ный. Такое сочетание можно найти и во Франции (Тартарен), и в Германии (баварцы), и на пространстве России (украинцы). Эти замечания достаточно об'ясняют, почему для об'яснения национальных отличий в тесном смысле недостаточно установить влияние природы на человека. Это влияние, также как «естественный подбор», может только вчерне наметить облик населения данной географической среды. Но для установления специальных однообразий в пределах этого населения нужна наличность того социального общения внутри той или другой группы населения, о котором мы уже говорили. Только социальное общение может выработать те коллективно-психические продукты, которые мы называем явлениями национального порядка.

Мы подошли, таким образом, к основному фактору, создающему национальность. Мы должны теперь между формами социального общения и взаимодействия наметить ту или те, которые довершают работу природы, — работу отбора сходных и приспособленных к данной среде.

Поскольку однородный тип, лежащий в основе национальности, вырабатывается природой (влиянием физической среды), постольку составляющие его однородные признаки могут быть предметом наследственной передачи. Но поскольку над этим, оболваненным природой типом, начинает работать социальное общение, наследственность уже теряет значение. Место наследственности заменяет здесь могущественный психо-социологический фактор, уже отмеченный социологами. Этот фактор есть — подражание.

Значение подражания для создания человеческого общества очень рельефно и, быть может, даже несколько преувеличенно, — указано Ж. Тардом. «Общество — это подражание», говорит Тард. «Общество или нация могут быть определены, как собрание существ, в среде которых происходит процесс взаимного подражания». Тард отметил также параллель между подражанием и на-

следственностью. «Всякое социальное сходство происходит от подражания, как всякое или почти всякое жизненное сходство имеет своей причиной наследственность» *). Шире, чем Тард, ставит вопрос о подражании Гиддингс, который вводит подражание в связь с другими элементами социального соприкосновения.

Но громадная роль подражания в социально-психическом процессе еще определеннее вырисовывается в этой связи **). «Подражание — часть сознательного столкновения — подготовляет путь для ассоциации, создавая основание для сознания рода между индивидуумами, которые первоначально (это, конечно, есть теоретическая предпосылка. П. М.) резко различались... Сознание рода представляет первичный суб'ективный фактор в социальных явлениях... Способствует постепенной ассимиляции фактор подражания... В каждом населении замечается всегда общее приближение к некоторым постоянным типам действий, выражений и характера... Это способствует образованию однородного типа... создает общий язык, общий образ мыслей, и общие мерила жизни... Каждое общество или племя, каждая нация обладает собственным социальным разумом (сознанием), который так же мало походит на социальный разум всякого другого общества, как физическая внешность одной национальности на физическую внешность другой... Социальный разум... владычествует над индивидуальной волей..., но он существует в индивидуальных разумах... Чувство и мысль появляются одновременно во всех индивидуумах... Существуют ступени: генезис социального самосознания, эволюция социальной памяти, и эволюция социальных ценно-

*) Ж. Тард· Законы подражания, изд. Павленкова, СПБ. 1892, стр. 89, 101 г след.

**) Ф Г Гиддингс. Основания Социологии, пер. М. В. Лучицкой, Киев, 1898, стр. 122—123, 128, 130, 132, 160, 177, 181, 445—446.

стей. Результат — рациональный социальный выбор. Высшим об'ектом социальной ценности является сам род или тип сознательной жизни, характеризующий общество. Каждая нация ценит очень высоко свои собственные характерные черты... Второе место после типа — социальная связь (патриотизм, когда грозит распадение)... Третье место — территория и принадлежности общества (любовь к отечеству, «священные» места, вожди, герои и боги, обряды, законы, культ)... Социальные ценности определяют социальную волю... Ассоциация деятельности является самым могущественным фактором общественной эволюции»...

Нетрудно заметить, что во всех этих выдержках описываются не только явления и продукты социального общения вообще, так сказать отвлеченно и автоматически, но описываются вполне конкретные явления, которые мы привыкли подводить под понятие явлений национального характера. Происхождение национальности таким образом совпадает с процессом происхождения человеческого общества, и к нему могут быть отнесены все наблюдения над последним процессом. Современная социология не занималась специально вопросом о происхождении национальности, но весь ее социологический анализ имеет ближайшее отношение к нашему вопросу, — что и доказывается постоянными колебаниями самой терминологии (см. подчеркнутые выражения в приведенных цитатах из Гиддингса).

Нам нужно сделать большое усилие воображения, чтобы представить себе всю ту силу действия, какую имел фактор подражания в первобытных обществах. Член современного общества высокой культуры обладает очень широкой возможностью психологического сопротивления подражанию Эта способность сопротивления тем выше, чем более организована психика индивидуума, чем он свободнее от необходимости воспроизводить средний тип своего времени и своей среды. В первобытные вре-

мена, — когда идет в самых грубых формах борьба человека с природой и зверями, — закон подражания, напротив, действует, не встречая сопротивления, с неизвестной нам силой. Он, во-первых, не встречает препятствий в сложной психике. Во-вторых, социальное подражание поощряется особой системой институтов. Оно ставится под охрану религиозной санкции. Нарушивший закон подражания есть преступник. Такова дисциплина первобытных обществ, необходимая для их самосохранения. Естественно, что именно в таких обществах сильна национальная традиция *).

Необходимо, однако, сейчас же отметить, что, не выходя из пределов первобытного общества, мы имеем в нем самом, рядом с господствующим началом неизменности и неподвижности, также и начало изменения и движения вперед. Это начало притом, отчасти действует автоматически. Дело в том, что меняется, в зависимости от времени и среды, самый предмет подражания. Он меняется, собственно, уже с появлением каждого нового поколения. Каждое поколение переживает свой собственный личный опыт, который никогда не является полным повторением опыта предыдущего поколения. На этом плодотворном наблюдении основана целая социологическая теория смены поколений, на которой, впрочем, мы здесь останавливаться не будем. Известное выражение, что каждое поколение стоит на плечах предыдущего и видит дальше, имеет далеко не один только фигуральный смысл. Мы не можем приложить к накопляющемуся опыту поколений теории «мнемы»,—«энграмм» и «экфорий»—Семона, потому что не можем пока говорить об их передаче по наследству. Но, во всяком случае, опыт, накопленный предыдущими поколениями, передается сокращенным пу-

*) Эта идея особенно хорошо развита в сочинении Вальтера Беджгота· Естествознание и политика Мысли о применении начал естественного подбора и наследственности к политическому обществу, пер. Д Коропчевского, СПБ, 1874.

тем последующим, — в той особой форме систематизированного социального подражания, которое мы называем воспитанием. Воспитание сокращает повторение прежнего опыта и освобождает место для нового опыта.

Надо, затем, тут же указать и на другой элемент изменения: то, что можно было бы назвать началом интернационализма в первобытном обществе. Таким проявлением интернационализма в древнейшую эпоху являются технические заимствования.

Заимствование изобретений—особый вид подражания — об'ясняет широту, мировой район их распространения. Новый материал орудия (камень, бронза, металл), новая форма орудия, добывание огня, приготовление, форма и орнаментация сосудов, изобретение письменных знаков и т. д. — все это вовсе не выдумывается каждой отдельной социальной группой в отдельном месте. Древнейшие изобретения распространяются из немногих центров путем подражания, давая усвоившим их человеческим группам временный перевес над другими и средство пережить их в социальной борьбе за существование *).

Укажем, далее на третью черту, создающую разнообразие среди монотонности традиционного периода культуры: это неизбежное при размножении населения и недостаточности примитивных средств питания передвижение населения в пространстве. Свободного пространства еще много; переселение производится сравнительно небольшими группами на больших пространствах. При этом и получается требуемая для закрепления разнообразий изоляция каждой отдельной группы. Внутри такой группы, по закону подражания, господствует однородность типа, но по отношению к другим группам, от которых она ответвилась, в ней создается особенный тип и, как последствие, из-

*) О распространении изобретений в первобытном обществе см. цитированную выше книгу Franz Boas: The mind of primitive man, глава VI: The Universality of cultural.

вестное отталкивание. Так создаются местные центры подражания. Здесь мы стоим у самого истока происхождения национальностей.

Мы сделаем дальнейший шаг вперед в изучении этого происхождения, если обратим внимание на связь развития языков с развитием человеческого общения. Известен факт обилия и крайней неустойчивости языков у дикарей, где иногда говорят на различных языках даже в соседних деревнях*). Эта ступень соответствует зародышевому состоянию образования национальности. В дальнейшем, когда группы крепнут, когда устанавливается постоянное общение внутри и изоляция во-вне каждой такой сложившейся групп, создается в результате внутреннего общения, вместе с местными особыми нравами и местный особый язык. А когда особенно численные группы людей начинают общаться на значительных пространствах, уединенных от соседей, то для создания национальности из мелких племен представляется особенно удобная среда. Это об'ясняет то значение, которое в начале истории имеет кочевая жизнь на обширных травяных степях**).

Наконец, отметим еще один очень важный источник разнообразия в первобытных обществах. Это расслоение самого общества на социальные группы. Такое расслоение легче всего может получиться при завоеваниях, представляющих нормальный факт в примитивном обществе. Результатом завоевания одних племен другими являются наслоения социальных групп р а з н о г о п р о-

*) См, напр., справку у Тарда, Законы подражания: стр. 250, «В Колхиде, по Плинию, было более трехсот наречий. Сагар замечает (1631), что среди гуронов Сев. Америки трудно найти одно и то же наречие не только в двух соседних деревнях, но и в двух соседних семьях одной деревни... На острове Тасмания население в 50 человек говорило на четырех языках».

**) На роль кочевников в истории общества указали Ратцель и Липперт.

исхождения, победителей и побежденных. Там, где борьба этнических групп особенно усиливается, где становится особенно тесно, — как в Европе, — где поэтому борьба за лучшие земли становится особенно ожесточенна, — там, как мы видели, мы замечаем особенно отчетливо древнейшие наслоения рас и их наибольшие смешения.

Но разнородность общества может получиться не только в результате завоевания, а и в результате внутреннего расслоения, вызываемого появлением групп военной профессии или специальной культурной (религиозной) профессии. Беджгот обратил внимание на особое значение замкнутых каст, каторые являются первоначально вовсе не элементами застоя, а хранительницами прогресса в древнем обществе. Такое значение должно было иметь выделение от воинов особой касты жрецов, хранивших в своей среде, в секрете и тайне, новые приобретения и известную свободу мысли — условие новых научных открытий.

Красной чертой через все эти факты проходит факт человеческого общения и подражания. Там, где это общение становится плотнее и чаще, там образуется однородность (национального) типа и языка. Там, где это общение прерывается, — или хронологически, в смене поколений, или территориально, при переселениях групп, или социально, при расслоении общества, — там встречаем начало изменения, дифференциации между типами, при сохранении однородности внутри каждой группы, изолируемой временем, пространством или социальной иерархией.

VII. Сознание национальности — нация.

Мы теперь ознакомились с процессом происхождения местных отличий в группах, складывающихся, путем социального общения, в национальности. Но мы далеко не исчерпали еще понятия национальности. Мы знаем теперь.

что национальность есть явление живое, изменяющееся, складывающееся на наших глазах. Но, исследуя процесс создания национальности, мы еще не останавливались специально на явлении того коллективного сознания, которое, собственно, и составляет национальность. Это коллективное сознание, как мы видели, имеется налицо уже в самом начале человеческого общества, — в виде «сознания рода». Теперь можно считать доказанным, что человек является на свет уже в состоянии общественности, т. е. с наличностью этого сознания. Но эта начальная форма сознания отделена долгим процессом от высших форм национального самосознания, к которым нам предстоит теперь перейти. Полное сознание себя, в качестве члена единого коллектива, имеющего единую мысль и волю, приходит постепенно. Собственно оно и вкладывает «душу» в однородную этнографическую группу, интегрирует вечно-подвижный процесс, закрепляет его результаты.

Первоначальный вид сознания себя, действительно очень древен. Это сознание появляется впервые при сознании своего несходства с другими, с чужими. К сознанию несходства, а следовательно, и национальных особенностей приводят прежде всего столкновения несходных человеческих групп между собою. Вот почему национальное чувство всегда появляется в особенно отчетливой форме на границах, где сталкиваются разные национальные типы. Внутри страны национальность может отличаться большим своеобразием; но, не противополагая себя своим ближайшим соседям, она и не ощущает себя, как нечто отличное от них. Такова, например, и сейчас внутренняя Россия, внутренние Штаты Сев. Америки.

Но одного элементарного сознания несходства, хотя бы оно сопровождалось ненавистью к чужаку, борьбой с ним не на жизнь, а на смерть, еще недостаточно для образования национального самосознания. Дело в том, что это чувство — прерывисто. Оно появляется с конфликтом и

исчезает с его прекращением. И содержание такого чувства — чисто отрицательное: в нем нет еще положительных черт. Пока это сознание спорадично, прерывисто, оно напоминает начало сознательной жизни каждого из нас. У каждого в памяти удержались первые отблески сознания в младенчестве, в связи с каким-нибудь особенным толчком, особенно сильным, неприятным или приятным переживанием. Но это, обыкновенно, отдельные островки среди моря забвения, поглотившего наше прошлое. Чтобы эти воспоминания были связны, нужна сознательная *память*. То же самое и с народом. Для полного самосознания ему нужен специальный орган социальной памяти и наличность технических способов сохранить воспоминание в ряде поколений, не искажая их. Пока такая память не организована, человеческая группа, как и отдельная личность, продолжает существовать несознательно или полусознательно. Она прозябает — и в этом состоянии легко денационализируется, — по тому же закону подражания. Это еще не «нация», а только *этнографический материал* («неисторическая нация», по терминологии Энгельса и Бауэра). Чтобы стать «нацией», национальность должна создать в себе свой орган памяти и через него сознательно само определиться.

Для перехода к этому новому понятию национальности, остановимся, прежде всего, на нескольких определениях того, что такое национальность, сделанных различными авторами.

Вот определение Пасквале Манчини, формулированное в его знаменитом введении в курс лекций 22 января 1851 года: «нация есть натуральное общество людей, при единстве территории, происхождения, обычаев, языка, приспособленного к жизненному общению, и социального сознания».

Раньше Манчини, M-me de Stael (1815) определяла «нацию» следующим образом: «различие языков, есте-

ственные границы, воспоминание о той же истории — все содействует созданию среди людей тех великих индивидуальностей, которые называются «нациями».

После всего сказанного эти определения нас удовлетворить не могут. Существенное смешано тут с несущественным, пассивные признаки национальности с активными, национальность с нацией. Но вот новейшее, иное по характеру определение Дюркгейма (1915): «Национальность есть человеческая группа, члены которой, по основаниям этническим или просто историческим, хотят жить под одними и теми же законами, образовать одно государство... Среди цивилизованных наций теперь является принципом, что эта общая воля, когда она утверждается с настойчивостью, имеет право на уважение, и даже что она есть единственная прочная основа государств»

Мы видим, как определение нашего века отличается от определений начала и середины прошлого века. Мы тут на другом полюсе. Национальность стала «принципом». Там мы имели указания на исторический, стихийный процесс происхождения национальностей. Здесь национальность полагает сама себя, как основа государственности, как некое моральное существо, обладающее «национальной» волей и направляющее эту волю к определенному действию. Национальность становится активной, волюнтаристической. Она становится «нацией».

Переходя к изучению этого нового фазиса, оглянемся назад, на пройденное нами пространство. Мы видели то безмерное количество времени, которое природа — раньше всякой праистории — употребила на создание рас. Мы знаем, как в несравненно кратчайшем, позднейшем промежутке — создаются национальности. Но и в этом коротком промежутке мы различили сравнительно длинный период создания национальностей, когда жидкий этнографический материал отливается в грубую форму, —

и тот новейший, кратчайший период шлифовки, когда национальность приходит к самосознанию. Каков же механизм этого новейшего процесса, к которому мы теперь переходим?

Мы увидим, что и тут главную роль играет тот же основной фактор — социальное общение элементов, составляющих национальность. Но так как речь идет здесь о с о з н а н и и, то можно заранее сказать, что национальное самосознание — как уже сказано — может выработаться лишь в том обществе, которое создало специальные органы, выражающие мысль и волю нации и хранящие в ряде поколений социальную память.

Нечего и говорить, что в разные периоды истории — эти органы различны. Они не могут быть одинаковы в период, когда национальность еще является пассивной и бессознательной, когда ее однородность повелительно налагается на нее божественным законом, — и в период, когда национальность становится активной, сознающей всей своей массой себя и свою волю. Но между той и другой стадией, исходной и конечной, есть длинный промежуточный период перехода. Связующей нитью между той и другой ступенью при этом переходе является п о с т е п е н н о р а с ш и р я ю щ е е с я о б щ е н и е все более и более широких кругов национальности, идущее обыкновенно с в е р х у в н и з *).

---

*) На идее о двух периодах и двух типах обществ, органическом и рационализирующем, построена книга Бэджгота (стр. 65, 73). Идея распространения подражания «от высшего к низшему» развита Тардом, Законы подражания, стр. 218 и след. «Везде и всюду», говорит Тард, «аристократия подражает, поскольку может, своим вождям, королям или сюзеренам, простонародье подражает аристократии... Вкус двора, позднее — вкусы столицы мало-по-малу распространяются среди всех классов и по всем провинциям нации Можно быть уверенным, что некогда вавилонский, ниневийский, мемфисский диалекты играли такую же роль, как теперь парижский, флорентийский, берлинский».

Несомненно, первые шаги к национальному самосознанию делаются вождями племен, а потом — более близкими к ним политически военными кругами. Вожди об'единяют раз'единенное, от них и исходит волна национального подражания, они воплощают нацию в себе. Потом, постепенно, вместе с модами двора, его костюмами, его языком, сознание национальности распространяется на все более широкие социальные круги. Соответственно меняется, конечно, и содержание национального сознания.

Возьмем, для иллюстрации этого процесса пример Германии, удачно освещенный Отто Бауэром как раз с развиваемой мною точки зрения*). Оставляя в стороне характеристику древнейшего периода, неверно изложенную у Бауэра, перейдем сразу ко второму концентрическому кругу национального сознания. В этот период сознание единства нации передается рыцарскому классу. «Культурная общность всех, ведущих рыцарский образ жизни, — вот что связало господствующие классы всех немцев, — вот та связь, которая впервые спаяла всех немцев в единую нацию». Эта связь была установлена, благодаря возможности постоянных сношений между владельцами замков разных частей страны. Очень интересно наблюдение Бауэра, что тут впервые появляется и один национальный язык, возвышающийся над морем народных диалектов. Это «верхненемецкий придворный язык, на котором поют поэты рыцарской эпохи». Придворные нравы начинают сознаваться, как свои, немецкие, в противоположность «обычаю чужих земель» (fremder Länder Brauch — выражение миннезингера Вальтера ф. Фогельвейде).

Но вот начинается развитие городской жизни. Городская буржуазия втягивается в национальный процесс и дает ему свою физиономию и свой, более широкий, размах. Книгопечатание и широко раскинутые торговые

*) Отто Бауэр, Национальный вопрос и социал-демократия, стр. 36—86

сношения дают гораздо более прочный базис для социального общения, чем путешествие от замка к замку знатных гостей и придворных певцов. Конечно, вместе с формой общения меняется и его содержание. Реформация окончательно демократизирует национальное движение. Лютер дает ему могущественное орудие общения — общий немецкий язык, становящийся языком образованных классов. Появляется городская интеллигенция — мозг и память народа.

Необходимо обратить особое внимание на этот момент в развитии национального вопроса. В конце концов, ни вожди, ни военное дворянство не могут создать национальности. Они лишь впервые осмысливают единство национального типа, ставят нации общую цель, подготовляют создание орудий общения. Но действительно национальным движение становится лишь тогда, когда весь этот об'единительный процесс охватывает массы. А это бывает тогда, когда в умах и в сердцах каждого члена нации зажигается общая идея. Такой идеей в истории народов является, прежде всего, идея религиозная. Однако, это не есть идея старой религии, налагавшей цепи, клавшей на все печать запрета, требовавшей безусловного подчинения одному типу мысли и чувства, чуждому массам уже по одному языку культа, чуждому им и принципиально, и по самым формам общения с божеством. Национальным центром является идея религии новой, исходящий из требования внутренней свободы веры для каждого, делающей веру живым фактом внутренней жизни каждого и тем низводящей религию с алтаря и жертвенника в сердца и умы народных масс.

Неслучайно, конечно, то обстоятельство, что национальная идея становится демократической прежде всего именно среди тех наций, у которых родилась и развилась эта форма религиозного процесса. Ярким примером являются те англо-саксонские колонисты XVII столетия, которые отделились от единомышленников во имя религиозной

свободы и положили основу новой национальности — американской. Этого факта не могут, конечно опровергнуть и те сомнения в демократичности первоначальных колонистов, которые, вполне основательно, возникли в последнее время.

Обратим еще раз внимание на значение в этом процессе общего языка, как носителя национального общения и национальной памяти. Язык раздроблен, пока национальный процесс идет чисто-стихийным. Но как только начинается сознательный период процесса, так язык интегрируется. Даже и старые наречия начинали закрепляться соответственно политическим делениям — внутри будущих единых национальных государств. Таков результат первой стадии национального об'единения. Но затем, с появлением интеллигенции, является над наречиями единый литературный язык, который потом становится языком национальным. По степени древности появления общего литературного языка можно судить о степени быстроты и давности процесса национального об'единения и сознания. Так в Италии язык Данте появляется уже в 1300 г., язык Чосера у англичан (XIV век), язык Монтеня у французов (XVI век), язык Лютера у германцев — везде определяют начало процесса. У нас в России даже не язык Ломоносова (XVIII в.), а язык Карамзина (начало XIX в.) соответствует тому же моменту национального развития.

Третий отмеченный нами концентрический круг расширения национальности, городской, далеко еще не есть последний. Мужик еще остается вне этого круга. Но наступает, наконец, время, когда процесс национального самосознания доходит и до низших социальных слоев. Залог наступления этого времени — в демократических элементах городской культуры, сменившей феодально-дворянскую.

Вместе с последней половиной «просветительного» XVIII века, национальная идея вступает в новый фазис. Раз-

витие национальной идеи в этом фазисе совершается в теснейшей связи с развитием идеи революционной. В 1754 году, 26 июня, д'Аржансон записывает в своем дневнике: «Национальные идеи получают преобладание и могут повести далеко. Можно отметить, что никогда так часто не повторялись имена «нация» и «государство», как теперь. При Людовике XIV эти два слова никогда не произносились, об них не имели никакого представления. Никогда мы не были так осведомлены, как теперь, о правах нации и свободы. Я сам, постоянно думавший и собиравший материалы об этих вопросах, имел совершенно иные убеждения, чем теперь» *).

Понятие «просветительного» века о национальности часто признается весьма несовершенным. XVIII век есть век «рационализма». Его обвиняли в слишком индивидуалистическом взгляде на национальность. Национальность представлялась ему с правовой точки зрения, а не с точки зрения своего конкретного жизненного содержания. Действительно, формулировка национальности в «Социальном договоре» Руссо была строго правовая. Она исходила из отвлеченного представления о законе, как о продукте «общей воли» суммы отдельных граждан, и о нации, как о совокупной носительнице идеи народного «суверенитета». Живая национальность, этнографическая и коллективно-психологическая, здесь отсутствовала. Но достаточно взглянуть на практическое применение этих «отвлеченных» принципов в конце XVIII века к действительным, конкретным национальным вопросам того времени, чтобы почувствовать связь идей эпохи французской революции с новейшими идеями о национальности. Например, член учредительного собрания Merlin de Douai в своем докладе об эльзасском вопросе 31 октября 1790 г.

*) См. Johannet, Le principe des nationalités, Paris, 1908; Chap. IV и V. (Я пользовался первым изданием; второе вышло в 1923 году).

сделал следующее заявление: «Эльзасский народ соединился с французским, потому что хотел этого. Таким образом, единственно его воля, а не Мюнстерский договор, узаконил соединение». А 19 ноября Конвент решил именем Франции «дать братскую помощь всем народам, которые хотят вернуть свою свободу» и поручил исполнительной власти дать генералам надлежащие полномочия, чтобы помочь этим народам. Карно в инструкциях дипломатическому корпусу заявлял: «наш принцип — тот, что каждый народ, как бы ни была мала страна, в которой он живет, абсолютно господин у себя дома, равен в правах с самыми большими народами, и никто не может законно покушаться на его независимость». Нужно признать, что эти декларации преследовали определенную политическую цель. Когда обстоятельства изменились, изменились и принципы того же Конвента*). Но, как бы то ни было, принцип новой национальности был формально провозглашен с трибуны революционных собраний французской революции и разнесен по Европе генералами Франции. Это — принцип Канта и Фихте: нация не есть мертвый об'ект, которым распоряжаются другие. Нация есть суб'ект, носитель своей воли.

Мы дошли теперь от доисторических времен до начала XIX века, — и ни разу нам не было надобности говорить о «национализме» в том узком смысле, в каком это слово употребляется теперь. Национальность постоянно оставалась явлением прогрессивным, — зараз и двигателем и продуктом прогресса. Но тут, в начале XIX века, выступает на сцену «национализм» особого рода. Возникает романтическое понимание принципа национальности, отвергающее и старающееся заменить понятие революционное. Национальность начинает пониматься исключительно, как продукт прошлого, и ее назначением хотят сделать охрану этого прошло-

*) См. прямо противоположные заявления генералов в 1793—5 гг. у Johannet, в цит. сочинении, глава VI.

го. Из противоречия духу волюнтаризма революционной эпохи философы, историки и юристы принимаются усиленно реабилитировать темные стихийные породы истории. Против обновительной законодательной горячки «просветителей» они выставляют традицию и обычай, как неписанные продукты коллективной народной мудрости, руководимой божественной волей. Национальность начинает мыслиться, как мистически-таинственная «народная душа», неисповедимая в своем происхождении и содержании, уходящая своими корнями в неведомые метафизические глубины, преформированная (преобразованная) от века предвечным промыслом. Тогдашним рационалистическим об'яснениям, которые в самом деле были не научны и поверхностны, — противопоставляют полный отказ от всякого об'яснения: как об'яснять, когда «иррационально» самое явление, подлежащее об'яснению? Сознательный элемент национальности, таким образом, отвергается во имя бессознательного. Минувшие тысячелетия образования национальности хотят сделать пределом и поставить на историческом процессе точку, забывая, что история продолжается

Словом, национальность хотят сделать знаменем политической, социальной и идейной реакции. Тут и является впервые этот термин «национализм». Достигает ли он своей цели? Изменяется-ли сразу, вопреки всему предыдущему, основное направление национального процесса, по существу демократического? На это может ответить дальнейшая история национального вопроса после французской революции, — в XIX веке.

VIII. Национальный вопрос в Европе XIX века.

Как правильно утверждал Градовский (см. стр. 25–6), национальный вопрос есть по преимуществу вопрос XIX века. И это — вопреки тому, что начало века являет-

ся, как сказано, периодом политической реакции в национальном вопросе. Надо отличать книжные теории и политические доктрины от жизни самих национальностей. Национальность, как мы знаем, сама по себе есть живая материя. Ее развитие идет мимо книг — и даже мимо просветительных мероприятий. Именно в начале XIX века, в эпоху реакционного «священного союза» монархов, в эпоху контр-революционных конгрессов 1815—1822 г.г. и националистической реакции — национальность, и именно ж и в а я национальность, противопоставленная атомистическому пониманию эпохи французской революции, впервые проявляет наглядно, в форме ярких исторических событий, свой революционный характер. А сторонник и проводник националистической реакции, австрийский министр Меттерних, оказывается противником национального принципа и, в своем понимании национальности, человеком XVIII века. Действия конгрессов и дух «священного союза» оказываются а н т и н а ц и о н а л ь н ы м и, а национальные движения, повсюду направленные против чужеземной опеки, революционными. Если ограничиться первыми двумя десятилетиями XIX века, мы встретим следующие революционно-национальные движения:

1) А н т и ф р а н ц у з с к о е движение в Германии: Tugenbund, Burschenschaften. Одетые в старинные национальные костюмы, прямо из «Тевтобургского леса», студенты приносят жажду освобождения. Убийца русского «шпиона» Коцебу (23 марта, 1819), студент Карл Занд, проповедует одновременно и «изгнание иностранцев, и борьбу против проповеди абсолютной власти» (т. е. и национальное, и политическое освобождение).

2) А н т и а в с т р и й с к о е движение в Италии (карбонарии) и в австрийских землях (Чехия—Колар); та же связь национального движения с освободительным.

3) А н т и т у р е ц к о е движение на Балканах: освобождение Сербии, восстание в Греции — и первое признание революционно-национального принципа Европой.

4) Антииспанское движение в латинской Америке: независимость Мексики, Колумбии, Аргентины, Чили, Перу, Парагвая.

Мы уже готовы к тому, что национальный характер имеют по преимуществу те движения, которые направлены против иноземного ига. Но нельзя отрицать национального значения и за теми революционными движениями, которые в это же время происходят против неограниченной власти монархов на Апеннинском и Пиренейском полуострове. Характерно лишь то, что чисто политические движения в это двадцатилетие — все неудачны, тогда как чисто национальные — все кончаются успешно.

Где причина такой разницы результатов? Она кроется в отсутствии связи с массами в первой категории случаев — борьбы за освобождение политическое, и в наличности этой связи во второй категории, — в борьбе за освобождение национальное.

Вовлечение масс одновременно и в национальное, и в политическое движение становится с этих пор задачей европейских революционеров первой половины XIX века. — вплоть до средины столетия, когда появился социальный мотив революций. Характерны в этом отношении личность и учение Мадзини. В 1835 году в статье «Вера и будущее» Мадзини принимает национальный принцип в его освободительной форме. Он резко осуждает «узкий дух национализма, поставляемый вместо духа национальности»*). Но в то же время он хочет отделить свое понимание национального вопроса от понимания эпохи французской революции. Он восстает против итальянских карбонариев за то, что они проникнуты были индивидуалистически-утилитарным и материалистическим

*) Это, между прочим, один из ранних случаев употребления слова «национализм» в позднейшем смысле «шовинизма».

пониманием национальной идеи, свойственным эпохе французской революции. В духе романтизма, но нисколько не заражаясь его реакционным характером, Мадзини хочет связать национальное и республиканское движение с религией, чувствуя, очевидно, что тем самым он связывает его с массами. В этом духе Мадзини образует (1831) свое новое тайное общество: «Молодая Италия», противопоставляя индивидуализму карбонариев — «национальный коллективизм». Этот коллективизм должен проникнуться сознанием своей миссии, он свободен от монархического и аристократического духа и — суверенен. По образцу «Молодой Италии» восемнадцать эмигрантов-интеллигентов разных национальностей, — поляков, итальянцев и германцев, — образуют в Берне 15 апреля 1834 года общество «Молодой Европы». В 1835 году появляется «Молодая Швейцария».

Не будем следить за тем, как эти предрассветные «младонациональные» настроения развернулись в национальные идеи, приведшие к об'единению Германии и Италии. Это в достаточной степени известно. Для нас интереснее присмотреться несколько внимательнее к тому, как осознали себя новые, в особенности славянские, национальности, процесс самосознания которых совершается уже на наших глазах, при полном свете XIX века. Мы увидим здесь уже знакомую нам господствующую черту. Самосознание этих национальностей, как и более старых, развивалось сверху вниз. При этом еще нагляднее вырисовывается та роль, которую в создании национального сознания играет орган этого сознания — национальная интеллигенция. На близких нам — и хронологически, и национально — примерах мы можем проследить, как влияет присутствие или отсутствие этого органа национального организма. Мы увидим также снова на этом примере, как романтическое понимание национальности становится прогрессивным и революционным, как только начинает черпать из живого источника — народных масс.

IX. Национальный вопрос у славян.

Среди балканских (в том числе славянских) национальностей традиционный орган национального сознания, каким на ранних ступенях, как мы знаем, является военно-дворянский класс, был насильственно устранен. Турки или уничтожили славянский военный класс, или денационализировали его (отуречили). В результате — померкло и национальное сознание. Целым народам одно время грозила участь — превратиться в этнографический материал для создания других народностей. До турецкого завоевания, т. е. до конца XIV века, на Балканах сохранилась одна старая национальная культура — греко-византийская — и успели появиться несколько новых, создавшихся в борьбе с нею и под ее влиянием. Сербия и Болгария уже успели достигнуть в этот ранний, дотурецкий период расцвета национальной литературы и искусства. После турецкого завоевания эта молодая культура постепенно гибнет. На ее развалинах водворяется более старая — греческая, но тоже в ослабленном и упрощенном виде. Остатки национального самосознания кое-как еще теплятся в рядах духовенства, и народные массы продолжают хранить свой язык и свои национальные песни. Но значительные части народа уже отуречиваются. Самое существование народностей становится под вопрос. Но в этот момент, во второй половине XVIII века, появляются на Балканах первые отражения нового волюнтаристического понятия о национальности. Проводниками новых идей является при этом не высший привилегированный класс, которого нет, а побывавшие за-границей торговцы и их более культурные сыновья, получившие образование в заграничной высшей школе. Посредником при передаче этих идей народу является духовенство и близкие к народу народные учителя. Под их влиянием вожди полуразбойничьих банд, скрывавшиеся в горах от турецкого насилия и пользовавшиеся общей анархией, чтобы эксплуати-

ровать население, превращаются в борцов за свободу. Вот в самых общих и грубых чертах, источники и механизм национального возрождения, начавшегося на рубеже XVIII и XIX в. на Балканах В международной политике это новое явление отражается тем, что проекты всевозможных р а з д е л о в слабеющей Турции (их очень много — румынский писатель Дьювара насчитывает более ста, начиная с самого момента взятия Константинополя турками), превращаются в проекты о с в о б о ж д е н и я начавших сознавать себя народностей в их этнографических границах. Совершенно исключительную роль в процессе возрождения играет при этом вопрос о превращении живых народных диалектов (обыкновенно, одного из них, на котором говорит господствующая при освобождении местная группа) в литературный язык Создание грамматики, словаря, правописания, академии, — таковы вопросы, чисто филологические, которые получают громадное национальное значение Ученые, занимающиеся этими специальными вопросами, затмевают в общем сознании военных вождей. Им по праву достается репутация величайших национальных патриотов: они с о з д а ю т национальность в самом непосредственном смысле этого слова, — и делают это, конечно, совершенно сознательно. Выдающиеся творения новой национальной литературы появляются, обыкновенно, несколько позднее формального закрепления литературного языка филологами· помимо того, что для творчества нужны выдающиеся таланты, тут нужен уже до известной степени разработанный практикой и установившийся язык; нужна и культурная среда. Пока этих условий нет, оригинальные продукты творчества заменяются переводами и компиляциями

Среди народностей бывшей австрийской империи мы имеем другой вариант отношения между народным самосознанием и национальной интеллигенцией. Перерыв национального развития, как следствие исчезновения или ослабления органа, сознающего национальность, был и

тут. Но в Австро-Венгрии он носил другой характер, чем в Турции, и был менее продолжителен. Завоевателями были здесь не турки, а германцы. Опасность была не только со стороны прямого насилия, — которое, конечно, имелось и тут на лицо, — но и со стороны более могущественной культуры. Эта культура психологически — по закону подражания — побеждала культуру, менее развитую. Германское влияние пришло позже и было менее длительно, чем турецкое. Но по своему характеру оно было опаснее турецкого. Турки оставляли за греческой и славянской культурой область, не мешавшую их собственной государственности, — область религии, — и сами в эту область не вмешивались. Германское влияние проникало, напротив, в самую душу не-германской культуры.

Возрождению национальностей оно и тут не помешало. Национальности бывшей австро-венгерской монархии сумели найти себя, как и национальности бывшей турецкой империи. Этот процесс осознания себя происходил даже приблизительно в то же самое время, под теми же влияниями и даже в тех же формах. Но в более сложной культурной и социальной обстановке средней Европы и результаты получились сложнее и ярче. Для иллюстрации остановимся в кратких чертах на возрождении чешской национальности.

Процесс развития национального самосознания в Чехии оставался непрерывным до начала XVII в. — до Белогорской битвы 1620 года. Чехия уже прошла тогда через стадию влияния рыцарско-дворянской культуры. Эта культура, благодаря влиянию онемечившегося двора и верхнего слоя аристократии, м о г л а грозить опасностью денационализации. Но германское влияние подействовало положительно и на зачатки чешской литературы. А затем, уже с XII в., постепенно создается организованное национальное сопротивление германизации. Как видно из т. н. хроники Далимила, это сопротивление первоначально сосредоточивается в дворянских руках. Но из те-

ского круга чешской аристократии это движение быстро выходит в более широкий круг городской буржуазии, а благодаря присоединению религиозного элемента широко разливается в народных массах. Пражский университет (с 1348 г.) при Гусе получает преобладание чешского элемента над немецким (1409), и гуситская проповедь сообщает национальному движению определенно демократический характер. Одновременно с этим закрепляется, на основе пражского наречия, чешский литературный язык и орфография: Гус в этом отношении делает для чехов то дело, которое столетие спустя сделал для немцев Лютер. Свободомыслие Гуса дало возможность его последователям, в знаменитом союзе «чешских братьев», соединить религиозную ревность с уважением к культуре и науке. Так, вплоть до XVII века сохранялось об'единение чешской интеллигенции с чешской демократией. С своей стороны чешская аристократия поддерживала национальное дело, защищая употребление чешского языка в органах самоуправления и правительственных. Исключительное употребление чешского языка в администрации и суде было даже закреплено законом, а к началу XVII века незнание чешского языка и употребление немецкого даже наказывалось штрафами. Национальное развитие, казалось, стояло на твердом и верном пути.

И вот, — все эти успехи национального самосознания сразу обрываются после победы императора над чешскими сословиями (баронами, рыцарями, буржуазией) при Белой Горе. Надо отметить, что дворянство внесло в национальную борьбу новый оттенок: оно боролось не столько за религиозную свободу, как национальная демократия, сколько за политические права отдельного королевства Чехии. Эта борьба втянула дворянство в сложные внутриимперские столкновения, приведшие к тридцатилетней войне, и в самом начале борьбы Чехия потеряла все, что приобрела столетиями. После Белогорского поражения автономные права Чехии были значительно ограни-

чены, аристократия лишена большей части имений, переданных иностранцам, и принуждена или денационализироваться или эмигрировать. Католическая религия была восстановлена; все опорные пункты религиозно-национального и интеллигентского движения (университет, об'единение чешских братьев, церкви и т. д.) были отняты или уничтожены. Таким образом, над органами национального сознания произведена была редкая по своей отчетливости хирургическая операция. И последствия этой операции наглядно подтвердили все то, что мы говорили о социальном значении этих органов в создании национальности. Национальное сознание начало быстро замирать. Вместе с онемечением или эмиграцией аристократии и верхушек буржуазии чешский язык перестал употребляться в государственных учреждениях и в публичной жизни. Чешская книга печаталась некоторое время в эмиграции — и вместе с вымиранием эмиграции исчезла. Остатки чешских книг в самой Чехии неумолимо сжигались, как «еретических», и уже в 1710 г. моравский историк Штшедовский жалуется, что высшие сословия стали презирать чешский язык, как «якобы достойный лишь простонародья». Чешские писатели XVII в., включая Амоса Коменского, прибегают все чаще к латинскому языку.

Каким образом чешское национальное сознание возродилось опять, после целого столетия постепенного замирания (которое, правда, никогда не было полным)? Отто Бауэр связывает это возрождение, по марксистки, с новым периодом развития городской промышленности и торговли. Национальное самосознание народных масс для него есть лишь своеобразная форма социального протеста против иноземного класса эксплуататоров и притеснителей: крестьянский язык, противопоставленный языку господ, «придает классовому антагонизму наглядную, осязательную форму». Даже оттенки национального движения в разных слоях Бауэр остроумно приводит в связь

с экономическими и классовыми тенденциями. Не отрицая доли истины в этом изображении, я, однако, думаю, что оно не охватывает явления в целом и затемняет основное. Прежде всего, в национальном движении об'единяются в с е классы. Денационализированная после Белогорского поражения аристократия Чехии уже в третьем поколении снова начинает мыслить и чувствовать национально. Из ее рядов выходят меценаты и покровители виднейших чешских интеллигентов-патриотов. Затем, национальное чувство воспитывается в деревне, среди крестьянства, независимо от города с его промышленным ростом, а иногда даже и раньше, чем среди городской буржуазии. В общем, конечно, можно сказать, что и здесь наш общий закон выдерживается: национальное сознание прогрессирует от дворянско-феодального класса к городской буржуазии и от бюргерства к мужику. Но весь процесс идет несравненно быстрее, чем он происходил в первый раз, в темноте средневековья. При этом быстром темпе стадии процесса перепутываются, перескакивают друг через друга или сливаются. Сам Бауэр отметил, что первые шаги к восстановлению школьного изучения чешского языка предпринимаются не чешскими патриотами из национальных побуждений, а австрийским правительством для нужд управления. Бауэр указал, совершенно правильно, и на то, что новая национальная интеллигенция — народные учителя и низшее духовенство — теснее связана с деревней, нежели с городом. «Большей частью это были младшие крестьянские сыновья или сыновья ремесленников, которые, голодая все свои студенческие годы, с трудом зарабатывая себе несколько гульденов в месяц грошевыми уроками, становились после многих лет такой жизни священниками, сельскими врачами или мелкими чиновниками». К этой категории относится и большинство тех руководителей национального возрождения Чехии, чьи имена мы читаем в названиях пражских улиц: Добровский, Юнгман. Па-

лацкий, Колар, Гавличек. Только вместо «грошевых уроков» они нашли поддержку знатных покровителей из чешской аристократии: графов Ностицев и Штернбергов.

Возрождение Чехии в конце XVIII в. совпадает с распространением французских революционных идей о национальности. Немудрено, что и старейшие вожди возрождения проникнуты рационалистическим духом «просветительного» века. Тут мы снова получаем возможность проверить, как отразилась на практике романтическая реакция начала XIX в. на процессе эволюции нового национального сознания. Она и здесь отразилась отнюдь не переходом в «национализм», а новым толчком в направлении демократизирования национального процесса *).

Поколение, «рационалистически» настроенное, (1780—1815), поколение Добровского, еще плохо верило в самую возможность вернуть чешской народности положение культурной нации. Оно всеми силами старалось восстановить язык и память старины, но само говорило по-немецки. Впрочем, страх — говорить публично по-чешски — продолжает действовать до самого конца сороковых годов. Второе поколение времени чешского возрождения (1815—1840) уже воспитавшееся под влиянием германских романтиков, внесло в национальный процесс, вместе с мистицизмом национального мессианства, также и энтузиазм веры в непреложность национального рассвета, и фанатизм борьбы с иноземным, главным образом, германским началом. Так как возрождение самой Чехии, как Чехии, все еще казалось мало вероятным, то это поколение хотело опереться на идею славянства вообще. Здесь корень — «панславизма» и твердой веры и на-

*) См. Эрнст Дени: «Возрождение Чехии», из книги «Чехия после Белой Горы», пер. под ред Эм. Ридля и Б. Соколова, в «Культурно-Исторической Библиотеке», Прага, 1922, изд. «Наша Речь».

дежды на Россию. Рассудочность Добровского — и даже старшего представителя этого романтического поколения — Юнгмана, уступила место страстности Колара, настойчивости молодого Шафарика, фанатизму Ганки. «Дайте нам дух всеславянства», восклицал Колар, — «и вы увидите такой народ, которого еще не было в истории. Кто знает, что напишем мы в книге человечества? Чем будем мы, славяне, через сто лет? Подобно наводнению, славянская жизнь распространится повсюду. Язык, вызывающий слепую ненависть немцев, заклейменный ими, как язык рабов, прозвучит снова под сводами замков. Науки потекут по славянскому руслу. Костюмы, нравы, песни нашего народа — все будет торжествовать на берегах Сены и Лабы».

Национальная страсть, несомненно, отвлекла это поколение от жизни, заменила для него образ живого народа образом фантастической «Славии», испортила даже самый язык деланным пафосом и напыщенностью выражений. Но эти же черезчур сильные литературные приемы и эта напряженность чувства разбудили молодое поколение и дали сильный толчек проникновению национального сознания в массы, до тех пор еще не вовлеченные в движение и не читавшие своих вождей и пророков. Уже в следующем поколении, когда началась реальная политическая борьба за сохранение национальности, чувство действительности вернулось к вождям. «Чех» стал понемногу заменять «славянина» в национальной идеологии. Нелегко было сразу сойти с официальных патриотических ходуль, но и это мало-по-малу было достигнуто, по мере того, как действительный образ чешской национальности, со всем его своеобразием, с его положительными и отрицательными свойствами, приобрел право гражданства в литературе. Это было сделано под влиянием новых европейских идей и новых политических задач. Палацкий водворял «правду» в историю прошлого, Гавличек — в современную литературу. «Чтобы стать истинными сла-

вянами», писал Гавличек, «мы должны прежде всего найти самих себя. Конечно, ничто не мешает нам сидеть сложа руки и ждать того момента, когда России заблагорассудится вырвать нас из рук наших врагов. Это очень удобно, но мало почетно... Но ведь мы можем и сами работать над развитием чувства национальности. А развивая идею политической свободы, незнакомую России, мы окажем тем самым благодетельное влияние и на нее. Я не оспариваю реальности славянства, но утверждаю, что реальность его покоится на реальности отдельных племен». Гавличек уже чувствовал, что рамки воинствующего патриотизма слишком тесны для истинно-оригинальной национальной литературы, и смело выражал сожаление, что в Чехии, Моравии и Словакии «всякий писатель есть в тоже время патриот». Действительно, выступившее после 1848 года поколение (прежде всего так наз. «необайронистов») освободило литературу от сентиментальной напыщенности романтического патриотизма, вернув ее к общению с Европой и выдвинув ряд деятелей, все более популярных (Галек, Неруда и наконец, Масарик), которые с'умели соединить национальное чувство с европейскими прогрессивными идеями.

Ниже мы ознакомимся с другими примерами развития национального самосознания у новых народностей. Теперь, не останавливаясь на подробностях, замечу, что повсюду среди той группы национальностей, которые возродились и осознали себя в XIX столетии, мы замечаем те же общие черты, свидетельствующие об идейном характере национального процесса. При этом, в тех странах, где сохранилась старая аристократия, в Польше, Венгрии, отчасти Чехии и Хорватии, — национальное движение прежде всего принимает форму борьбы за областные права, за исторические привилегии провинций и постепенно переходит, по мере демократизации движения, в борьбу за конституционные права не одних только «сословий», но и всего народа. Поскольку провинции (сст-

ветствуют национальностям, это движение очень рано совпадает с национальным движением. Тип вождя-политика, вождя-депутата здесь появляется одновременно, а иногда и раньше типа вождя-филолога, учителя или профессора Конечно, только это последнее движение, связанное с появлением демократической национальной интеллигенции, учителей и священников, делает национальное движение истинно народным. Там же, где аристократии не было (словенцы, словаки, греки, сербы, болгары), — там национальное движение сразу получило народный и интеллигентский характер, действуя на массы непосредственно через культивирование народного языка в школе и литературе. Политическая борьба, конечно, неизбежна была и тут, но она являлась в демократизированной форме народных движений. Учителя и священники превращались в народных героев, борцов одновременно и с пером и с мечом в руках Таковы болгарские «апостолы» национального движения, Левский, Ботев, македонцы — Груев, Делчев, Александров и т. д. В том и другом случае новая национальность — идейного и волевого происхождения. Если в начале века она ведет свое происхождение от идей французской революции, то в середине века к этому присоединяются влияние мартовских революций 1848 года, имевших особенно сильное влияние на национальности срединной Европы.

На этого рода влиянии мы должны еще несколько остановиться, так как идея национальности здесь, на территории бывшей австрийской империи, обогащается новой существенной чертой. Если национальная идея французской революции индивидуалистична, если сменившая ее идея романтической реакции мистически-коллективистична, то идея национальности, выдвинутая мартовской революцией и последующей борьбой на почве Австро-Венгрии — реалистически- коллективистична. Наряду с правами национальной личности, индивидуальности, тут выдвигается новый элемент: борьба за права

национального коллектива, за то, что получило именно в Австрии название «национальной автономии» (в противоположность территориальной, с одной стороны, и личной, с другой). В государстве многонациональном, как Австро-Венгрия, на территории которого после 1848 года «неисторические» национальности окончательно становятся историческими нациями, национальная мысль впервые начинает работать над мучительным вопросом как примирить стремления национальностей с сохранением государственного единства. Национальности, большие и малые, приходя к самосознанию, требуют для себя государственности, полной государственности. Их требования, сталкиваясь на одной и той же территории, делают, наконец, невозможным функционирование государственных учреждений. Наступает промежуток растерянности. Старое государство, построенное унитарно, не привыкло, не приготовилось к разрешению национальных вопросов, когда они принимают форму требований государственной независимости. Оно знает лишь форму борьбы за исторические права провинций. И в этом духе оно намечает решение: пусть «неисторические» национальности подчинятся управлению более крупных исторических делений: в данном случае Австрии и Венгрии. Это решение вопроса ярко характеризуется словами, приписываемыми графу Бейсту, сказавшему их одному венгерскому деятелю в 1867 г. «пасите вы свои стада, а мы будем пасти свои». Австрийские «стада» — это чехи, словенцы, далматинцы, поляки и русины. Венгерские «стада» — это хорваты, румыны, сербы, словаки. Конечно, поляки и чехи в первой группе, хорваты во второй требуют особого внимания, выражаемого в особых привилегиях им. Но, в общем, налаживается тот «дуализм», который просуществовал до последней войны и в конце концов, после слабых попыток превратить его в «триализм», сделался причиной гибели империи Габсбургов.

Разумеется, «пасомые» народы были недовольны и искали другого исхода. Уже в 1848 году Палацкий в конституционной комиссии сейма восьми национальностей, перебравшегося от венской революции в Кромериж (Кремзир) предложил разделить Австрию на восемь областей, из которых каждая соответствовала бы отдельной национальности и управляла бы свободно своими делами. Но для немцев этот проект был слишком радикален. Комиссия соглашалась построить на национальных началах лишь у е з д ы, передав им задачи национально-культурные, — прежде всего школу. Но кромерижский с'езд был 4 марта 1849 г. разогнан, а Палацкий позже отказался от своего плана. Другой путь, в сущности, менее радикальный, предложили, значительно позднее, австрийские социалисты, Рудольф Шпрингер (Реннер) и Отто Бауэр. Их идея сводится к персональному об'единению членов одной и той же национальности в союзы, которым в области национальных дел передаются государственные функции. При таком решении члены разных национальностей могли бы жить на одной и той же территории, не мешая друг другу и управляясь каждая своими учреждениями, как управляются члены разных религиозных общин. В основу такой публично-правовой организации должен был быть положен «национальный кадастр».

Интерес социалистов в осуществлении такой «национальной автономии» понятен. Разгарающаяся национальная борьба охватывает и об'единяет в с е классы о д н о й национальности против всех классов другой. Она таким образом препятствует об'единению о д н о г о и т о г о же класса разных национальностей в борьбе против другого класса тех же национальностей. До некоторой степени, конечно, и национальная борьба может получить классовый характер, — когда это есть борьба низших классов угнетенного народа против привилегированных классов господствующей национальности. Но социальная подкладка в этих случаях является скрытой.

пока знаменем борьбы остаются национальные вопросы: борьба за язык, школу, веру и т. д. Дать удовлетворение этим национальным элементам борьбы, передав отправление соответственных государственных функций свободным национальным союзам, для социалистов значит — очистить себе путь для перенесения борьбы на чисто социальную почву. Сила их позиции и внутренняя ценность их предложения заключалась в том, что того же требовал в сущности и государственный интерес, при известной степени обостренности национальных споров: не только интерес государственного единства, но даже просто интерес государственного спокойствия и порядка, интерес правильного функционирования государственных учреждений. Австро-венгерский пример показал, до чего может распалиться и ожесточиться борьба дошедших до национального сознания национальностей в многонациональном государстве, если государство пытается поставить ей препятствия.

В заключение этого отдела необходимо упомянуть о том могущественном толчке, который дала развитию национального вопроса последняя война В последнее время вошло в обычай резко порицать Версальский и другие договоры, которыми закончилась мировая война 1914—1918 г.г. и иронически относиться к «Вильсонизму». Конечно, идеология этой войны осталась во многих отношениях неосуществленной. Неосновательными оказались надежды, что эта война будет «последней»; основательны упреки, что союз наций, созданный в результате победы, очень смахивает на союз победителей для закрепления их гегемонии над побежденными. Но нужно, все-таки, признать, что по отношению к «малым» национальностям и государствам Европы война 1914—1918 г г. довершила дело, начатое французской революцией. Достаточно сравнить карту Европы до и после войны, чтобы увидеть, как много самых запутанных и казавшихся неразрешимыми национальных конфликтов центральной.

южной и восточной Европы получили здесь радикальное разрешение или приблизились к таковому. И следует особенно подчеркнуть, что именно эта часть работы мирного конгресса была сделана наиболее сознательно и идейно, при непосредственном участии не дипломатов и военных, а интеллигентов и ученых, как стран освобожденных, так и стран освободительниц. Крупные и авторитетные политики великих держав по большей части ничего не знали о национальных спорах в этих частях Европы и положились на решения экспертов. Прочтите ряд сочинений, написанных интеллигентами союзных стран, в первые годы войны о желательных границах национальностей в после-военной Европе. Вы увидите, как национальные вопросы поставлены в них отчетливо, ясно — и близко к действительным решениям международного ареопага *). «Четырнадцати пунктам» Вильсона осталось лишь формулировать то, что уже вошло в сознание общественного мнения, как результат признанного за народами в теории «права самоопределения». Конечно, такой исход возможен был только потому, что большая часть национальных вопросов, решенных при этом случае, была решена за счет побежденных государств. Конечно, принцип «самоопределения» переплелся тут, к большому ущербу, с принципом «вознаграждения» наций, принявших участие в войне на стороне Антанты. Многое, ве-

*) Особенно ярко выделяется роль британской интеллигенции в подготовке решений национальных вопросов на мирном конгрессе. Этим вопросам был специально посвящен еженедельник The New Europe 1917—1919 гг. (XIV томов). На те же темы читался ряд публичных лекций, собранных в небольшой книге The war and democracy, by R. W. Seton-Watson, I. Dover Nilson, Alfred E. Zimmern, Arthur Greenwood (Macmillan, 1916). См. также L. W. Lyde, Some frontiers of to-morrow. L. 1915. Herbert Adams Gibbons, The new map of Europe 1911—1914. New-York, 1914. Thomas Holdich. Boundaries in Europe and The near East. См. также мой обзор в «Ежегоднике Речи» за 1916 г. Итог территориальных изменений см. в книге Isaiah Bowman, The New Worel, New York. 1921.

роятно, придется еще переделывать. Но многое — и часто главное — сделано. Для малых национальностей Европы война закончилась огромными приобретениями. Лучшим доказательством этого является то, что все прежние решения национальных вопросов, — решения, о которых мы только что говорили, — после войны как-то сразу устарели и отошли на второй план. Кто, например, будет ставить права национальностей под защиту *исторических прав провинций*, — когда разрушены самые государства, которым эти провинции принадлежали, когда провинции стали государствами, или частями единоплеменных государств, или раздробились между народностями по линиям этнографических границ? Какая надобность теперь защищать такое обходное решение, как «*национальная автономия*», когда для ряда народностей, нуждавшихся в нем, найдено прямое решение — независимости, а другие поставлены под защиту (правда, пока несовершенную) *прав меньшинства*, обязательно внесенных в конституцию освобожденных государств и находящихся под покровительством Лиги Наций? Очередь теперь, конечно, за малыми государствами, на территории которых оказались эти национальные меньшинства — и которые, к сожалению, часто заражаются тем самым великодержавным духом, от которого сами так долго страдали *).

Как бы то ни было, в общем, можно сказать, что торжество малых национальностей, освобожденных войной, есть последнее и наиболее полное торжество нового *волюнтаристического* понимания существа национального вопроса.

---

*) О защите прав меньшинства в новейших договорах см. брошюру Marc Vichniak. La protection des minorités dans les traités internationaux de 1919—1920. Paris, 1920.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ:

Национальные вопросы в России.

I. Особенности создания и сознания национальностей в России.

Россия не составляет какого-либо исключения в семье народов, и к ней относятся все выставленные раньше положения о расе, о национальности, о периодах создания и сознания национальностей и т. д. Особенности нашего национального развития заключаются, как и повсюду, в преломлении одинакового везде основного процесса в особой, местной географической среде. Влияние среды, как мы видели, всюду и везде является началом обособления, появления новых видов и подвидов в растительном и животном царстве, новых рас, расовых разновидностей, национальностей в царстве человека. Для появления новых типов нужно во всех этих областях жизни два условия: во-первых распространение типа в новую среду — на известном, более или менее значительном пространстве, и во-вторых его изоляция, хотя бы временная, в этой особой среде. Первое условие вызывает видоизменения, второе их закрепляет в процессе взаимного общения и подражания. Разумеется, не форма, а содержание этого процесса образует материал национальности. Когда мы говорим, о «коллективно-психологическом» процессе образования национальности, мы подразуме-

ваем, что в основе его лежит индивидуальный процесс восприятия окружающей среды, то, что Отто Бауэр назвал «апперцепцией». Основной материал для создания национальной апперцепции бесконечно разнообразен, ибо это есть тот материал, который непосредственно окружает члена человеческого общества в каждой точке земного шара, к которой он привязан. У каждого из нас непосредственное чувство родины связано не только с той страной, к которой он принадлежит, не только с городом или деревней, где он родился, но с определенной улицей, домом, домашней обстановкой, среди которых состоялись наши первые переживания. Таково влияние среды в тесном смысле. Но только переработка этого материала путем общения и подражания — и в особенности противопоставление его другому такому же, но чужому материалу — создает тот общий запас ассимилированных переживаний целой группы, из которых берется и содержание национальности и ее с и м в о л и к а (костюм, движения, звуки, поведение, имена и «знамена» и т. д.).

Какие же особенности представляла восточная часть европейской равнины для развивавшихся здесь национальных процессов? Мы говорим о «процессах» во множественном числе, а не в единственном, потому что на этом громадном пространстве Европейской России, к которой надо прибавить еще и Азиатскую, национальных процессов — особенно в стадии бессознательной, стихийной — происходило великое множество. Но сразу же между ними надо различить два типа процессов, сообразно двум типам географической среды, между которыми делится территория Европейской России: лесу и степи. Между лесом и степью, во-первых, хронологически — громадная разница. Степь южной России — несравненно более древнего происхождения, чем лес средней и особенно северной России. Втечение сотен тысячелетий, когда район леса был еще под льдом и водой, степь уже образовала сушу с той травяной растительностью, которая отличала

ее и впоследствии. Она составляла в южной России часть того травяного пояса, о котором мы говорили выше. Собственно в Россию заходил только последний клин этой степи. окаймлявшей несравненно более широким поясом азиатские песчаные пустыни. Из России этот клин постепенно сходил на нет на Дунайской низменности, где последний кусок степи упирался в европейские горы. Эта географическая среда была особенно удобна для того способа общения, способа взаимодействи и подражания, который, как мы не раз указывали, явился древнейшим способом образования человеческих и национальных групп: для кочевого быта. Кочевая жизнь, содержание многочисленных табунов лошадей предполагают огромные свободные пространства и крайне редкое население. Но кочевые орды представляли, по тогдашним условиям, все же гораздо более густое население, чем население первобытного северного леса и болот. Они переносили с собой, на всем обширном пространстве указанного им природой травяного пояса, своеобразную и однородную культуру. Древнейшие остатки этой культуры и теперь сохранились в курганах восточной и средней Сибири, идущих через Южную Россию в придунайскую равнину. Тут побывала не одна национальность, а целый мир их; они боролись друг с другом, побеждали друг друга, побежденные искали пути из Азии в Европу, сметали или покоряли своих предшественников в степях. Начало этой истории кроется от нас в безвестном прошлом, но конец прошел почти на наших глазах. В этнографии Европы этот прилив кочевых волн сыграл очень большую роль, давши Европе, как мы видели, уже при переходе от древней к новой каменной культуре ее третий расовый элемент: короткоголовую альпийскую расу. В русской истории в несравненно более поздние времена очередные кочевники южной степи также сыграли чрезвычайно важную роль. Но в создании национальностей позднейшей России они непосредственного участия не приняли. Они оставили здесь лишь ответвления той

могучей волны подражания, которая шла на Запад или отмирала на черноморском юге и в ущельях Кавказа. Южную же часть России они, напротив, сохранили постоянными своими передвижениями и набегами в первобытном виде, с нетронутыми богатствами природы, до того времени, когда с севера в XVI—XVII в.в. пошел встречный поток — людской колонизации и культурного подражания.

Переходя к району леса, медленно и поздно освобождавшемуся от воды и льда, забросанному странствующими камнями при отступлении ледников (как теперешняя Новгородская и Тверская губернии), мы найдем тут среду, гораздо менее благоприятную для первоначального общения и взаимодействия населения, среду, скорее пригодную для раздробления и изоляции, чем для уподобления и слияния. Эти неудобства и составляют причину той медленности и той огромной хронологической разницы в развитии юга и центра России, которую мы уже отметили. Но не даром и в животном царстве высшие организмы требуют более медленного созревания. Пока жизнь в лесу была возможна лишь в формах охотничьего быта, она, конечно, не была выше кочевой жизни. Охотник, как и номад, нуждался для пропитания в обширных пространствах леса; и это, вместе с трудностями первоначальной расчистки леса, полагало предел скоплению населения Только рыбные богатства рек и удобство общения по ним, создавали возможность образования узловых пунктов, где происходила примитивная торговля — и куда бежало население в случае опасности от чужаков. Эти узловые пункты составляли и центр подражаний и заимствований. Но это были только одинокие точки на безмерном пространстве: общение прекращалось тотчас в стороне от них и от рек, и в лесных захолустьях образовывались изолированные племенные центры, где круг общения совпадал с кругом родства. Тут крылось начало образования мелких национальных групп, рождались и укрепля-

лись особенности местных наречий, вырабатывалось однородное внешнее обличие. Но это было только начало бессознательного процесса творчества национальностей.

Надо прибавить, что как и зона степей, зона леса не ограничивалась территорией будущей России. Но ее связи шли из России не на восток, а на запад. На востоке, в Азии, широкий пояс центрального русского леса, вследствии резкой разницы между сибирской жарой и стужей, с'ужался до тесной и длинной полосы, тянувшейся с запада на восток по рекам, между тайгой и степью. Это — район позднейшей колонизации Сибири. Напротив, на Запад, навстречу уравнивающим климат морским течениям, лес наполнял всю германскую низменность, постепенно поднимаясь к горам юга и запада Германии. Еше во времена Тацита этот лесной ландшафт, дикий и болотистый, с большими пустыми промежутками, неудобными для поселения, с широким простором для охоты и рыбной ловли, но с большими препятствиями для начатков оседлого земледелия, напоминал наши русские леса позднейшей эпохи. Они постепенно теряли этот вид втечение тысячелетия между VII и XVII веками после Р. Х. Как разбивалась на части единая кочевая культура юга, переходя в эти лесные захолустья, видно из судьбы культуры бронзового века. Очень однообразная и чрезвычайно древняя в той степной полосе, о которой мы говорили, эта бронзовая культура тотчас обособлялась, переходя в изолированные лесные провинции. Ее развитие тут шло дальше и приводило даже к своеобразным художественным богатствам бронзовой эпохи Венгрии и Скандинавии. Но эта культура развивалась из себя, стоя на одной точке, так как приток новых подражаний и взаимодействий, ставшийся открытым на юге, здесь, если и не был совсем отрезан, то временно стал очень затруднительным. Окружающие этот район местности давно пошли дальше, усвоили себе железо, тогда как глухие задворки Ев-

ропы развивали более высокую по формам, но более низкую по существу, старомодную национальную бронзовую культуру *). Нечто подобное мы видели и среди усевшегося на месте, переставшего передвигаться и кочевать, древнего населения западных окраин Европы, откуда уже некуда было уйти дальше и где художники каменного века оставили нам замечательные памятники красочных изображений животных в пещерах. Там эта начинавшаяся национальная культура тоже была смыта новой волной подражания, менее высокого по форме, но более передового по существу.

Какие именно народности образовывались и разлагались на этих территориях древнейшей оседлости, нам теперь невозможно установить. Мы знаем только, что физический тип этих народностей был уже в те времена смешанный, и язык, на котором они говорили, неоднократно менялся и находился в неотвержденном состоянии. То же самое мы должны предположить и относительно древнейших национальных культур средней и восточной Европы. Быть может — и даже вероятно, — что физическое смешение рас здесь происходило в меньшей степени, чем на юго-западе Европы, но, во всяком случае, оно уже происходило. Мы знаем, что из кольца народностей Европы, воспринявших одинаковый («арийский») поток подражания с юга или юго-востока Европы, в области лесной культуры выделились позднее три отрасли, теснее связанные друг с другом, чем с другими европейскими народностями: германская, литовская и славянская группы. Изучение их языков показало древнюю связь их и соседство с языками четвертой, финской группы. Надо думать, что лесная обособленность содействовала изоляции и постепенному образованию этих отдельных языковых групп. Но связать их с единым определенным фи-

*) См. об этом работу Moritz Hörnes'a: Die Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa (Wien, 1898)

зическим типом мы не можем. Мы видели, что идет спор, возникли ли эти группы, как культурные (и национальные) аггрегаты, среди длинноголовой северной или короткоголовой южной расы. Весьма возможно, что именно сближение той и другой послужило толчком для интегрирования, на смешанном антропологическом материале, новых культурных аггрегатов. Можно даже догадываться, что эти культурные новообразования создались в той наиболее благоприятной для взаимодействия среде, какой должна была представляться пограничная полоса между лесом и степью (или — на западе и в центре Европы —между лесом и горами). Встреча различных типов и обмен культурных влияний мне лично представляется, как результат появления на севере групп — уже не антропологических, а этнических — отброшенных с юга новыми волнами кочевников.

Такое начало освобождает нас от поисков первобытного «славянского» физического типа и первобытной «славянской души». Мы уже знаем, что «душа» национальности — есть функция подвижного социального процесса. Таинства образования этой «души» надо искать в земной обстановке. А в земной обстановке «славянский» тип с самого начала является физически смешанным. С течением времени это физическое смешение даже возростает в то самое время, как вырабатывается национальная «душа». Как бессознательный процесс создания национальности эта выработка идет веками, путем постепенной ассимиляции разных этнических элементов, вступающих в орбиту более постоянного и тесного общения и взаимодействия около какого-нибудь центра. Как сознательный процесс сознания национальности, он происходит несравненно позже, уже на почве этого первоначального, в грубых чертах установившегося единства, путем перенесения сверху вниз известных символов единения, становящегося с этого момента волюнтаристически-национальным.

Периодом, когда совершилось, на границе леса и степи, окончательное выделение русской группы (с ее позднейшими разновидностями) из славянской, надо считать, повидимому, VI—XI столетие после Р. Х. Это — начало, гораздо более позднее, чем начало зарождения других национальных групп Европы. Но трудно было бы искать наших предков, как это делали русские историки-националисты, среди кочевых племен русского юга. Но там шли, как мы уже говорили, другие национальные процессы, и русская национальная традиция — даже и бессознательная — туда не заходит. Даже и на указанном промежутке пяти столетий процесс национального обособления — еще продолжается.

За эти столетия, во-первых, вырисовываются основные черты будущей национальной территории. Они выясняются путем фактического общения и взаимодействия групп населения, первоначально различных этнически. По всем признакам, в начале этого периода в лесной полосе верхних притоков Днепра и тотчас на восток от него, минуя степь, по направлению к Оке и Волге соседили с русско-славянскими племенами финские и тюркские. Отсутствие географических препятствий, единство строения восточной равнины оказалось могущественным об'единительным принципом. Постепенно двигаясь вверх по рекам к водоразделам, а потом переходя в другие бассейны, русские колонисты постепенно расселялись среди чужих племен, передавали им свой язык, усваивали их физическое обличие, — и таким образом не путем завоеваний, а путем медленной ассимиляции подготовлялась основа русской народности. Создавались также в этих глухих местах и новые разновидности этой народности.

Такова была бессознательная сторона нашего национального процесса. Но в нем тогда же проявилась и другая, сознательная сторона. Как раз в эти столетия, от VI-го до XI-го, речная сеть центральной России сделалась распространительницей ряда потоков иноземного подражания, которые, встречаясь и скрещиваясь, полага-

ли основание новой, своеобразной культуре, начавшей распространяться сверху вниз (в социальном смысле). Один из этих потоков подражания поднимался с азиатского и степного юго-востока вверх по Волге и ее притокам, распространяя по пути семена особой арабской культуры. Другой поток, с противоположного, северо-западного конца, заносил вверх по озерному бассейну, на ту же Волгу и Днепр, живых представителей северной, скандинавской культуры. Третий поток, прямо с юга, вверх по Днепру, приносил продукты христианской, византийской культуры, отчасти непосредственно, отчасти в формах, воспринятых очень близкими тогда к русским племенам — племенами югославянскими Военный и государственный быт (преимущественно севера), религиозные верования (преимущественно юга), внешний быт (преимущественно востока) — все это составляло своеобразную амальгаму подражания, в среде которого появились и первые признаки русского национального самосознания. Само собой разумеется, что они появились только наверху, в связи с городской жизнью, независимо от жизни племенной. В городе, вместе с верой, был сразу усвоен, — не на месте выработан, а перенесен в готовом виде с славянского юга—первый русский литературный язык—язык богослужения и церковных книг, легко понятный и приемлемый всюду, при тогдашнем малом расхождении между собой не только русских наречий, но и славянских языков. Конечно, эта форма культурно-национального общения была доступна только верхам общества, вероятно, весьма малочисленным и связанным с религиозно-культурными центрами, какими являлись монастыри В монастыре, именно, на первых страницах нашей древней летописи, мы встречаем впервые и это национальное обобщение: «русская земля», — вместе с ученой попыткой об'яснить, «откуда» эта земля «пошла и стала есть». Ученое об'яснение для нас необязательно. Но первый про-

блеск национального самосознания — несомненен, все равно, откуда в действительности ни вышло самое это слово «русский»: от скандинавов ли, от финов или из местной топографии Киевской земли. Очень важно и другое указание на сложившееся уже здесь, на юге, сознательное чувство национальности — в проникнутом глубоким и встревоженным национальным настроением «Слове о полку Игореве». Это произведение уже не монаха, а русского дружинника — вновь указывает на те верхи, из которых исходило — на тогдашней Руси, как и всюду (см. наши об'яснения 81, 92—93) — первоначальное национальное чувство и сознание. Монастырь и дружина — вот исходные центры древнейшего русского волюнтаристического отношения к национальности. Из этих же центров распространилось и первоначальное сознание русского единства, сперва политического и культурного, а потом и национального. Постоянные передвижения княжеских дворов и дружин по «русской земле» закрепляли сознание единства в этой среде не в меньшей степени, чем странствования рыцарей и миннезингеров от замка к замку феодальной Германии.

Но распространялось ли это национальное самосознание с верхов общества в низы населения, в среду «смердов»? Или же немногочисленные центры самосознания совпадали с политическими и культурными центрами и оставались оазисами среди окружающей тьмы? Все, что мы знаем о распространении тогдашней культуры, говорит в пользу этого последнего предположения. Ссылка на русские народные песни, на исторические «былины» не может служить опровержением, после того как мы теперь узнали, что эти былины были тоже продуктом творчества тех же придворных верхов, наших русских трубадуров *). То обстоятельство, что впоследствии эти песни стали петься народом — и сохранились, до недав-

*) См. Исследования Всеволода Миллера о происхождении русских былин и о методах былинного творчества.

него времени на далеком русском севере, конечно, не доказывает, то сам народ принес их сюда с юга. Сюда просто дошла волна заимствования — когда именно, мы не знаем. А сохранилось это заимствование только на окраинной глуши по тому же закону, по которому сохраняются в глухих окраинах самые древние формы языка: просто последующие волны заимствования сюда не доходят или доходят позже. Нельзя отрицать, конечно, что и на самом юге, где сложились былины, чувство своей противоположности тем «поганым», — людям иной веры, одежды и нравов, которые постоянно нападали из степей, против которых надо было поддерживать целую систему валов и укреплений и целую сеть осведомительной службы, — это чувство не могло не распространяться и среди самого населения. Но чувство контраста с чужим есть, как мы знаем, только начало, только один из элементов, из которых слагается национальное сознание. Оставленное самому себе, это чувство прерывисто: оно кончается вместе с причиной непосредственно его породившей. В меньшей степени, конечно, но это чувство противоположности чужаку — и чувство вражды, как следствие — было свойственно и отдельным русским племенам при столкновении друг с другом.

Лучшим доказательством стихийности и зародышного состояния чувства национальности у масс населения является та форма, в которой хранятся воспоминания о прошлом в народе. Это — форма легенды, передаваемой устно, внешним мнемоническим средством стиха, всегда присущая среде, в которой отсутствует специальный орган социальной памяти, интеллигенция. Живучесть легенды, с одной стороны, и ее приурочение к особенно поразившим воображение народа моментами с другой, свидетельствует именно о таком примитивном, младенческом, прерывистом состоянии социальной памяти (ср. стр. 77—78).

Создавшись над народными низами, распространившись при посредстве социальных верхов в период, когда

местные национальные особенности еще не вполне сложились, опираясь на готовый литературный язык, древнейшее сознание национальности, естественно и неизбежно, явилось сразу сознанием о б щ е р у с с к и м. Считать его специально — «украинским» или «великорусским» — значило бы смешивать эпохи. Как бы мы ни смотрели на судьбу древнего — южно-русского населения: было-ли оно искони «украинским», ушло ли оно на север, и заменилось украинским впоследствии или просто было смотено набегами кочевников, — как бы то ни было, национальная традиция, пришедшая с Днепра на Волгу, вместе с передвижением п о л и т и ч е с к и х центров, была уже в самом своем происхождении р у с с к о й, а не «великорусской» или украинской, — как и язык древне-русской литературы не был языком какого-либо отдельного наречия. Основной процесс с о з н а н и я национальности на восточной равнине оказался таким образом с самого начала процессом сознания р у с с к о й национальности. Большинство других национальностей, расселившихся на той же территории, почувствовали себя «историческими нациями» уже гораздо позже, когда период р у с с к о г о самосознания и самоопределения достигал уже своей последней стадии. Именно поэтому, как увидим, и творец национального самосознания, русская интеллигенция, до самого конца чувствовала себя вообще русской, а не «великорусской». Если угодно, тут была своя отрицательная сторона. Специфически — «великорусское» национальное сознание просто не выработалось, когда кругом начали складываться самосознания «украинское», «белорусское» и т. д. Национальности, позднее осознавшие себя, делали из этого ф а к т а — упрек русской интеллигенции, заподозревая ее панруссизм, как доказательство ее империализма и великодержавности. «С т а н ь т е в е л и к о р у с с к и м и националистами», — предлагали они русской интеллигенции; «тогда мы сможем разговаривать с вами, как равные с равными. Но пока вы — просто «русская» интел-

лигенция, вы тем самым заявляете претензию на первенство и господство над другими национальными сознаниями на территории России». При всем желании, русская интеллигенция не могла последовать этому совету: она не могла переделать русской истории.

II. Русская национальная традиция.

Мы видели уже на русском юге к концу XI века зачатки волюнтаристического национального сознания. Эти зачатки ничем не оторвань. от последующей истории самосознания, — уже потому, что носителями их и раньше, и позже являются те же социальные верхи, не испытавшие никакого катастрофического перерыва. Однако же, с юга все-таки нельзя вести русской национальной традиции. Ибо, по существу, в русском центре, между Окой и Волгой, образуется своя собственная, оригинальная новая традиция, более простая, быть может, чем блестящие традиции городской киевской эпохи, но зато более близкая к низам, более тесно связанная с населением, значительно более сближающая бессознательный процесс с сознательным.

Мы определили хронологические границы предыдущего периода, как VI-е и XI столетия. Мы отметили, что за все это время, рядом с процессом национального обособления, действовал и процесс нового заимствования. Ибо открыты были сквозные потоки подражания из более высоко развитых соседних культурных центров: скандинавских викингов-варягов, восточных халифатов и византийской империи с ее балканскими отблесками. Но как раз в XI-м столетии действие этих центров прекращается. Викинги усаживаются по местам и успокаиваются, арабскую культуру притушивают на время распадение халифата и первые тюркские нашествия; Византию и Балканы плотно отделяют от России волны новых, более опасных кочевников. И проветриваемый до сих пор центр превращается

в замкнутую в себе глухую провинцию, в полной гармонии с распавшейся на такие же, все более и более мелкие провинциальные центры, западной и центральной Европой. Наступает период, неблагоприятный для новых подражаний. Но он тем более благоприятен для внутренней работы ассимиляции в каждом местном центре, усевшемся на месте и отрезанном от сношений с внешним миром. Хронологические границы этого периода окончательного стихийного самоопределения я мог бы определить XII—XV веками. За это время, с одной стороны, складываются местные наречия, раз'единяющие русское население, с другой стороны идет борьба политических центров, образовавшихся на юго-западе, северо-западе и в центре. Она приводит в конце периода к победе одного из них, московского. Этот центр и берет на исходе XV-го века в свои руки дальнейшее развитие — или, вернее сказать, новое создание национального сознания и выработку национальной традиции.

Вместе с об'единением «всея Руси» около Москвы существенно меняется и идеология об'единителей. До конца XV-го века это была, как и в других местных центрах, примитивная собственническая идеология прикупок и промыслов, лишь слегка окрашенная борьбой с «погаными», с татарской ордой, и соответственным религиозным освящением. Первый смутный проблеск мысли о связи поколений и о том, что мы называем «социальной памятью», мы встречаем в завещании Симеона Гордого (1353 г.): «Пишу вам это слово того ради, чтобы не перестала память родителей наших и наша — и свеча бы не угасла». Но это пока только традиция владельца родового имущества, продолжающего смешивать свои функции с государственными. Наши позднейшие националисты пытались избрать за исходную точку русской национальной традиции —. момент освобождения северо-восточной России от татарского ига, Куликовскую битву (1380), выигранную Дмитрием Донским, с благословения Сергия Ра-

донежского. Нельзя отрицать, что этот момент должен был произвести впечатление на современников. И, все-таки, он затерт последующими переменами и не составляет идеологической грани. Освобождение подготовлялось исподволь, также как и те внутренние процессы борьбы с родичами и устроения собственных дел, которые подготовили этот политический результат. Идеологическая перемена произошла столетием позже, не в 1380, а в 1480 г., когда более культурные соседи снова открыли Россию — на этот раз московскую. Тогда начался новый поток подражаний, помогших новому центру найти сперва заимствованные, а потом самостоятельные национальные формулы *).

Национальная идеология этой московской России была выбрана не случайно и не произвольно. Из трех пограничных идеологий: городской муниципально-республиканской (новгородско-псковской), шляхетско-феодальной (польско-литовской) и византийско-турецкой — для Москвы наиболее подошла эта последняя. Именно она давала Москве возможность наибольшей концентрации военных сил и материальных рессурсов в руках великого князя, становившегося «господарем всея Руси». Любопытно, что Иван III-й в поисках культурной формулы для своей власти вполне сознательно отверг предложение императора священной римско-германской империи — сделать его одним из «королей» Европы, наравне с польско-литовскими властителями. Но и на Софье Палеолог он женился не для того, чтобы получить наследство византийского престола. Последний наследник Палеологов напрасно старался продать ему свой титул по сходной цене. Иван III не захотел купить его. Претендуя на литовские земли, раньше бывшие русскими, Иван III довольствовался ссылкой на «извечные вотчинные» права своих «прародителей»: «то — наша вотчина». Наиболее приемле-

*) Для более подробного изложения последующей части этой книги см мои «Очерки по истории русской культуры». Три тома.

мую идеологию принесли в Москву в это время не немцы и не греки, а югославяне, вместе с византийско-турецкой техникой военного и финансового дела. На Балканах к этому времени (уже с XIV-го века) сложилась, в борьбе с Византией и с турками, своя национальная идеология: православная и самодержавная. У болгар был свой «преславный град Тырнов», которому они пророчили роль «нового Царьграда» и «старого Рима». Был и свой «царь и самодержец», Иоанн-Александр, которому предназначалось, по местному пророчеству, стать тем «преславным победоносцем», который изгонит турок с полуострова и продолжит византийскую традицию. Но все эти блестящие надежды рухнули после завоевания Константинополя турками (1453). Славянское духовенство, в поисках освободителей, добралось тогда до Москвы — и перенесло сюда все свои национальные идеалы и всю свою национальную терминологию. Эти монахи, — как болгарин митрополит Киприан или серб Пахомий, нашли в Москве учеников, первых русских интеллигентов, как псковский инок Филофей, сам побывавший на православном востоке, или дьяк Мисюрь Мунехин. И эти одинокие пока интеллигенты — первые усвоили непосильную для тогдашней глубоко провинциальной Москвы идеологию всемирной русско-славянской миссии — сохранить погасшую в Константинополе единую во всем мире истинную христианскую веру. Тогда и старая легенда о «русом народе (xanthos genos), который победит Измаила и овладеет седмихолмным (Царьградом), была расшифрована в смысле «р у с к о г о рода», и Москва получила от югославян титул третьего Рима, а московский князь в устах югославянского духовенства стал титуловаться ц а р е м и самодержцем. В Москве теория эта была развита не столько в смысле принятия многообещавшего исторического наследства — эти перспективы были слишком отдаленны, — сколько в смысле определения собственных национальных форм государства и веры.

Процесс этого усвоения можно проследить в 3-х поколениях от 1480-х до средины 1500-х г.г. Содержание этого процесса очень интересно. Дело в том, что принесенные с православного Востока идеологии были много сложнее того, что могла и хотела усвоить официальная Москва. Последовала своего рода борьба за предметы подражания, которая окончилась упрощением и приспособлением восточных идеологий к потребностям и к уровню Москвы. В отношении религиозном, на православном востоке существовали течения (вывезенные прямо с Афона Нилом Сорским) углублявшие понимание и ощущение религии в духовно-мистическом духе, близко напоминавшим позднейшее славянофильское «любомудрие» и «теургию». В области политических идей византийскому самодержавию была противоставлена почти конституционная идея «единомысленного вселенского совета», собираемого «погодно» —идея, очень сочувственно принятая в тогдашней служилой среде. Эти идеологии были, однако, устранены после борьбы, дорого обошедшейся их проповедникам. Самобытное русское православие «просияло » после двух местных соборов средины XVI в., на которых было канонизировано большое количество собственных русских национальных святых, чтобы доказать, что «не оскудела святыней русская земля». Самодержавие тоже возвеличило себя с национальными целями. Оно вывело себя от греческого императора Константина Мономаха и украсилось царским титулом и регалиями, причем константинопольскому патриарху пришлось торжественно подтвердить неискусно составленную в Москве историческую легенду. Национальная традиция, религиозная и политическая, таким образом, официально сложилась. Это была православная и монархическая традиция специального, московского оттенка.

Однако же, эта традиция уцелела не надолго. Ее пришлось существенно переделать под влиянием нового потока подражания с греческого востока и с протестанского запада в XVII веке. Но в промежутке она успела спу-

ститься с социальных верхов в наиболее сознательный слой населения. И к концу XVII-го века получилось д в е идеологии: новейшая, более культурная, и успевшая устареть, но более популярная идеология XVI века.

Очень показательно для русского национального процесса, что новая, более культурная идеология XVII столетия встретила противодействие, принявшее форму так наз. «раскола». Эта новая идеология была, как и идеология XVI-го века в свое время, почти исключительно достоянием двора и тесного круга приближенных к двору. В эту среду вливалась теперь уже почти беспрепятственно новая струя подражания Она шла на этот раз прямо с запада, минуя Польшу, которая с конца XV-го века была обязательной посредницей и проводником западных влияний. Вначале это было подражание техническое (преимущественно, военное); потом оно распространилось на быт двора, костюм, домашнюю обстановку, препровождение времени, выбор чтения, а затем на религиозные и политические идеи. Сопротивление, которое встретила эта идеология XVII-го века среди довольно широких городских кругов, успевших усвоить идеологию XVI-го века, показывает, что национальное сознание начало пробуждаться в этой городской среде. Оно, естественно, связало себя с национальной символикой, взятой из идеологии дониконовского времени. Позднее, конечно, и идеи XVII-го века, осуждавшиеся, как новаторство, сами сделались стариной и обогатили собой репертуар национальной символики. Оба слоя заимствования сблизились и слились друг с другом, когда появился третий, наиболее сильный: заимствование XVIII-го века. И тут окончательно совершился перелом, который русские националисты охарактеризовали впоследствии, как разрыв между интеллигенцией и народом. В действительности, это был не разрыв, а новая, быстро сменившая две предыдущие, ступень национального сознания.

Надо, однако, признать, что XVI и XVII века нашей истории успели создать действительные элементы своеобразной русской национальной культуры. В области искусства, — в особенности архитектуры, — эта культура успела даже дать законченные плоды, известные под названием русского стиля. Отчасти можно сказать это и о русской церковной живописи и духовном пении. В других областях достижения были более скромны — и напоминали эпохи, давно пройденные на Западе. В области же знаний, как прикладных, так и абстрактных, Россия оказалась страшно отставшей от европейской науки и техники. Московская церковно-религиозная культура ставила непреодолимые препятствия тому, чтобы поднять русскую школу в уровень с достижениями века. Получилось чрезвычайно трагическое положение, которое с необычайной проницательностью предсказал замечательный славянский писатель, хорват Юрий Крижанич, направлявший царю Алексею Михайловичу свои советы и предостережения из далекой Сибири, куда был сослан, чтобы не повредить московской национальной традиции (1661—1678). Крижанич видел, что Россия ничего не может противопоставить могучему потоку подражания с Запада и что этот поток не может быть остановлен, ибо единственная альтернатива была — мертвящая греческая традиция. В результате, Крижанич страшно опасался слепого заимствования — и, как последствия его, денационализации, примеры которой он видел около себя в других отраслях славянства. Никогда еще национальный вопрос в России не был поставлен так ясно, как в сочинениях этого мыслителя, далеко опередивших свое время и оставшихся достоянием немногих высокопоставленных библиотек. Предчувствие не обмануло Крижанича. Петр Великий открыл все шлюзы на Запад, скромные зачатки московской культуры не могли сопротивляться напору новой культуры: они были смяты и

затеснены в низы, где прозябали еще втечение целых столетий. Наверху русской жизни в первое время положение очень походило на начало действительной денационализации.

На самом деле, оказалось обратное. Только с Петра Россия получила свой орган связной национальной памяти и, — теперь уже непрерывного, — развития национального самосознания. Опасения Крижанича оказались напрасными. Славяне денационализировались в порядке стихийного процесса ассимиляции, уступая высшей культуре германских племен, — совершенно также, как, в том же порядке, денационализировались финские племена внутренней России, уступая перед высшей культурой славянских племен. Так потеряно было для славянства древнейшее славянское население между Одером и Эльбой. Затем, как мы говорили, денационализация грозила там, где власть переходила в руки завоевателей: в этом случае денационализировались прежде всего участники власти, правящий класс. Денационализировать славянскую народную массу даже и в этом случае удавалось редко и с трудом: это в старое время удалось отчасти туркам, в новое время — венграм. Россия не находилась в положении завоеванного государства и вышла из периода стихийного процесса племенной ассимиляции. Не столько для закрепления, сколько для выражения, для приведения в сознательное состояние собственной национальности--России нужен был тот орган, который исполнял эту функцию всегда и везде: национальная интеллигенция. Создание этого органа есть дело Петра Великого. И потому его реформа есть эра, — та историческая дата, с которой начинается связная история русского национального самосознания, — русская культурная и волюнтаристическая национальная традиция.

III. Русская культурная традиция.

Если угодно, можно начинать историю русской интеллигенции не с Петра, а с конца XV столетия в Москве и даже с конца XIV столетия в Новгороде. Но это была бы история отдельных вспышек света среди мрака: в ней не было бы именно того, что составляет суть национального сознания: не было бы национальной традиции — передачи из поколения в поколение одних и тех же национальных стремлений. Появление носителей национальной идеологии было тогда слишком спорадично и прерывисто, и самое содержание идеологии слишком быстро менялось. Чтобы сделать это содержание более однородным и его передачу — более связной, нужно было две предпосылки. Во-первых, школа, и во-вторых — известная, хотя бы и тесная культурная среда. То и другое появляется у нас только с Петра — и даже, точнее говоря, только при ближайших преемниках Петра. Сам Петр был еще слишком одинок, открытый им источник подражания слишком чужд и мало доступен тогдашнему русскому уровню, самый кружок людей подвергшихся воздействию этого источника — «птенцов Петрова гнезда», слишком случаен и немногочислен, а то, что было ими наскоро и наспех усвоено, слишком внешне и слишком узко-утилитарно, — как только и могли заимствовать самоучки, подвергшиеся выучке в зрелых летах. Отсюда и реформа Петра вышла слишком лична и насильственна; отсюда же и ее крутой разрыв с старым бытом, побудивший близоруких людей считать ее антинациональной. В действительности, русские люди даже в первое время слепого, механического заимствования оставались национальны, а затем процесс состоял в постепенном усвоении и углублении содержания заимствованного и в его самостоятельной переработке Тут можно различить период внутреннего переваривания заимствованного — так сказать, период инкубации, длившийся примерно сто лет после смерти

Петра. Но затем последовал период яркого и небывалого в русской истории национального расцвета, первой русской классической эпохи — втечение следующего полувека, и затем русская культурная жизнь вошла в нормальную колею самостоятельного и независимого развития цивилизованных народов. Можно, пожалуй, оговориться, что некоторые перерывы были и в этой истории. Отчасти они происходили от правительственных задержек, как реакция конца царствования Екатерины II, начала царствования Николая I и всего царствования Александра III. Отчасти перерывы в содержании культурной традиции вызывались появлением в каждом поколении новых источников идейного подражания. По действие этих перерывов нельзя и сравнивать с тем, что было до Петра. При том же, с каждым поколением перерывы становились все более короткими и идейная традиция — все более органической и непрерывной. Социологическая причина этого — в том, что круг лиц, доступных подражению, с каждым поколением становился все более широким. С расширением этого круга и с увеличением непрерывности культурного общения в нем связана и стабилизация литературного языка. Истинно научной будет та история русской культурной традиции, которая будет исходить из только что сделанных наблюдений, дающих нить и метод для исследования подробностей.

Входить в эти подробности—не дело настоящей работы*). Но русская культурная традиция послепетровской эпохи так тесно связана с историей русского национального самосознания, что остановиться на ее главных этапах — необходимо. Мое изображение этого процесса, конечно, будет различно от изображения русских националистов. Эти последние строят свою историю на идее борьбы самобытности с подражанием, старины с новизной, специфического русского с иноземным. Но мы уже знаем, что подра-

*) Более подробное изложение см. в моих «Очерках по истории русской культуры».

жание есть основной и извечный закон образования самобытного, что все специфически-национальное есть тоже переработанный продукт былых подражаний и что периоды наибольшего подражания наиболее оплодотворяют самостоятельное национальное творчество. Борьба самобытников с подражателями, ксенофобов с ксеноманами, есть только примитивная форма национального сознания, свойственная начальным ступеням процесса в малокультурной среде. На своей низшей ступени, — слепого народного инстинкта, возбуждаемого бессознательной враждой к чужакам, эта борьба проявляется в механической форме—погромов, каким подвергала, напр., московская чернь иностранную церковь в средине XVII-го века. Уже высшей ступенью самобытничества является отталкивание раскольников от Петровской реформы быта — во имя религиозно-национального идеала. Еще дальше—самобытничество еще более утончается. Начинаются попытки реабилитации прошлого, ставшего достаточно отдаленным, чтобы сделалась возможной его идеализация. Идеализируются «древние добродетели» наших предков, формы их быта и т. д. Сперва это делается платонически — из побуждений морального свойства. Потом начинают замечать политическую выгоду, какую можно извлечь из реабилитации прошлого, и защита отжившей старины становится под покровительство власти, не желающей нововведений. Все эти стадии, как сейчас увидим, пройдены и нашим национализмом. Но он вовсе не покрывает собой того процесса углубления национального сознания, который нас здесь интересует.

Чтобы проследить распространение послепетровского национального сознания, культурного и волюнтаристического, сверху вниз (как оно везде распространяется), нужно, прежде всего, твердо держать в памяти основные факты, свидетельствующие о постепенном расширении среды, доступной подражанию. Первое наше культурное поколение (их можно считать всего восемь со времени петровской

реформы), прошедшее правильную школу во времена императриц Анны и Елизаветы (1730—1761), еще тесно связано с двором. В школе оно учится хорошим манерам «шляхетного» поведения и иностранным языкам: при Анне немецкому, при Елизавете французскому. При Екатерине II-й к влиянию школы присоединяется влияние чтения, сперва в оригиналах, а в конце XVIII-го века и в переводах Это сразу расширяет круг среды, доступной подражанию, на верхи городского населения и провинциального дворянства. Это расширение читательской среды больше всего связано с именем Новикова Одновременно с расширением идет и углубление подражания: за чтением романов следует чтение книг по политике и философии. Появляется первая молодежь (Радищев), прошедшая иностранный университет. Войны наполеоновского периода дают новый громадный толчек расширению сферы подражания, приводя массу дворянского офицерства в непосредственное соприкосновение с заграницей (декабристы). Затем, при Николае I-м средой культурного подражания окончательно становится свой собственный русский университет, в котором появляется блестящая плеяда профессоров, обучившихся за границей (40-е и 50-е годы). О расширении и укреплении читательского круга в городах и в провинции свидетельствует шумный успех русских ежемесячных журналов и составленные в этой сфере репутации (Белинский). К средине XIX-го века, — ровно к 1850-му году, — можно приурочить яркий симптом нового перелома: университетская молодежь перестает обязательно итти на правительственную службу, в военные и чиновники. В то же время, в литературе, помимо писателя-дворянина появляется писатель-семинарист и писатель-«разночинец». А начало царствования Александра II-го, 60-е и 70-е годы, — эпоха великих реформ, сопровождается огромным расширением сферы приложения интеллигентного труда в свободных, «либеральных» профессиях — писателя, адвоката, врача, учителя, земского деятеля и

т. д. Приобретается, таким образом, впервые в русской истории, прочная социальная база для русской интеллигенции, как особой социальной группы. Вместе с тем безмерно расширается и круг ее влияния — и соответствующий круг подражания, уходя глубоко в русскую деревню.

Такова почва, на которой, втечение последних двух веков и восьми поколений создается новая руская национальная традиция. Я уже упоминал, что тут надо различать век «инкубации» и век подлинного национального творчества. Можно бы было показать, как в областях этого творчества, наиболее призванных выражать «национальную душу», русское искусство быстро достигает вершин, получающих общее, интернациональное признание, — и в свою очередь становящихся источником подражания. Этот процесс совершается почти одновременно между 1820—1870 г.г. в области русского языка и русской литературы, русской музыки, русской живописи Факты этого рода общеизвестны и на них нет надобности останавливаться *) Мы остановимся здесь только на развитии национальной мысли, направленной на осознание самих себя, своей национальной личности, связи своего настоящего с прошлым и своего места среди других народов.

Принято думать, что мысль эта развилась в двух направлениях, — в направлении самобытности и в направлении заимствования или, называя эти направления их наиболее популярными именами, «славянофильства» и «западничества». Действительно, оба течения проходят через все поколения после Петра и, действительно, они ведут между собой непрерывную борьбу. Но, что особенно интересно, это то — что о б а подчиняются одному и тому же закону заимствования и подражания, оба пользуются очередным потоком заимствования, чтобы углубить свое содержание, а углуб-

*) Сжатое изложение этих фактов см. в моей книге: Russia to day and to morrow Mackmillan, New-York, 1922, глава о «русском вкладе в мировую цивилизацию».

ляя свое содержание, оба временами подходят очень близко друг к другу. И если мы хотим дать хронологическую классификацию обоих течений, то ее приходится основывать не на признаке борьбы и победы национализма или европеизма, а на тех очередных влияниях со стороны, которые одинаково определяют в каждый отдельный период характер и идейное содержание и того и другого течения, без различия. Мы можем различить по этому последнему признаку, пять периодов, из которых каждый сообщал особое направление национальной мысли, углубляя ее содержание и давая временный перевес то тому, то другому течению ее, смотря по существу приносимой им новой идеологии. Эти периоды мы могли бы обозначить названиями:

1. Бытовой или этнографический национализм и европеизм: ступень, перешедшая в XVIII-й век из XVII-го, и особенно отличающая ближайшее к петровской реформе время его первых преемниц на престоле.
2. Политический европеизм и несколько запоздавший с соответственной формулой политический же национализм (приблизительно от 1770-го до 1825-го года).
3. Религиозно-философский национализм, («славянофильство») окрасивший соответственно и современный европеизм радикального типа («западничество», еще не дифференцированное от социализма) — приблизительно 1825—1850 г.г.
4. Социальный национализм и европеизм (1850—1870 г.г.)
5. Научный национализм (неославянофильство) и европеизм («эволюционный либерализм») с конца XIX века.

От борьбы бытового и этнографического национализма XVII-го века против иноземного подражания — такая же борьба после Петра отличается тем, что не грозит больше погромами масс и кострами духовенства (Кви-

рин Кульман *). Это — борьба идейная и литературная, не мешающая мирному внедрению новой культуры в жизнь. Принцип Петра: всякий может веровать, как хочет, — кладет тут резкую грань. От периода же петровской реформы последовавшие за ней десятилетия (1725—1770) отличаются тем, что заимствование и подражание теряют непосредственный технический прикладной характер. Они проникают в обстановку быта и начинают воспитывать, облагораживать личность. Наконец, по отношению к дальнейшей, второй ступени (после 1770) эта первая переходная стадия отличается внешностью и поверхностью заимствования. Сознательные представители нового мировоззрения (как историк Татищев) здесь еще очень редки и одиноки: они принуждены скрывать от окружающей среды свой духовный разрыв с традицией — особенно с религиозной традицией. Поверхностность заимствования, слепое подражание модам, искусственность модного языка, странность образа жизни — все это дало в последующем поколении (вторая половина XVIII в.) богатый материал для каррикатуры и сатиры. Характерной чертой этого первого периода заимствования был ограниченный круг его распространения — при дворе и в социальных верхах окружавшего двор императриц «благородного шляхетства». Внешний европеизм сделался отличительной чертой, проводившей грань между правящим сословием и «подлостью» (т. е. простым народом) Поэтому и нападки на поверхностность заимствования, на «повреждение нравов», и восхваление, в пику ему, «древних российских добродетелей» приняли оттенок первого в России демократического и социального протеста (Новиков). Но это явление уже выводит нас за хронологическую границу «бытового национализма и европеизма».

*) Для пояснения этих намеков я должен сделать общую ссылку на III-ю часть своих «Очерков истории русской культуры», где все явления культурной борьбы изложены подробно, и на вторую часть «Очерков», где разбирается смена идеологий в разных областях культуры.

Вторая стадия знаменуется более глубоким и сознательным проникновением вождей нового поколения в сущность европейской культуры. Конфликт новых идей с традиционным мировоззрением приводит здесь впервые к ряду душевных драм (борьба веры с неверием у Фон-Визина, у Радищева и Ушакова). Потребность углубления и утончения духовной жизни сказывается в расцвете масонства — преимущественно, в его мистических разветвлениях (Шварц). Но я охарактеризовал этот второй период (1770—1825) той общей чертой, которая об'единяет два поколения, с некоторым перерывом между ними, вызванным реакцией Екатерины II и Павла: чертой политической борьбы между новыми европейскими идеями революционного периода и русской политической же традицией. Последняя впервые пытается, в процессе самообороны, найти идейные основы для защиты национализма. Период этот начинается с усвоения новых политических идей самими представителями власти: Екатериной II и Александром I, в первые годы их правления (1762—1772; 1801—1809). Он дважды прерывается признанием обоих правительств, что новая политическая идеология вредна для сохранения старых политических учреждений, ибо народное представительство невозможно без ограничения монархического абсолютизма. И два раза молодая русская интеллигенция становится жертвой этого самообучения власти (Новиков и Радищев; Сперанский и декабристы). Борьба, переходящая из идейной — в политическую, кончается ссылками и казнями: первыми в России политическими казнями.

Что выиграл от этого периода русский национализм? При Екатерине II он начал было принимать форму национального самосознания, углубленного попыткой связного изучения русского прошлого с об'яснением русских национальных особенностей условиями географической среды

и «климата» (историк Болтин)*), Но этот научный подход остался одиноким, не создавши школы и направления. Главное течение тогдашнего национализма шло в русле восхваления русской бытовой старины и древних добродетелей наших предков. Екатерина II пыталась было в этом отношении опереться на сатиру Новикова, не разглядев сразу ее социального острия. При Александре эту линию, становившуюся все более банальной, пробовал продолжать Шишков, с его старомодным «славянством» и попыткой создать особый «высокий» патриотический штиль. Этого рода национализм был подогрет борьбой с Наполеоном и нашествием «двунедасдяти языков» (Глинка, Ростопчин). Одно время казалось, что наступил не только рецидив «бытового» национализма, но и пробуждение стихийных погромных инстинктов прошлых столетий. Но этого рода настроения скоро прошли, да они и не могли вдохновить национальную мысль. Ни Екатерина с ее идеей монархии, ограниченной правами сословий (по Монтескье), ни Александр, с его порывами увлечения конституционализмом и с его признанием самого себя «счастливой случайностью» на престоле, не могли искать в прошлом материала для идеализации московского вотчинного самодержавия Ни императрица-протестантка, ни император, увлекшийся современным ему мистицизмом, не могли идеализировать и православие, — даже когда пытались найти политическую опору в религии. Таким образом, реабилитация националистической традиции запоздала. Она явилась в грубоватой форме Уваровской национальной «троицы», лишь в 1830-х и 40-х г., когда к «самодержавию» и «православию» удалось приставить новый, только что вошедший в моду лозунг «народность». Старая политическая и старая национальная форма — не создавшие ни та, ни другая никакой культурной тра-

*) См. мои «Очерки русской исторической мысли», где имеется и характеристика мировоззрения Татищева и история первоначального русского «шеллингизма».

дици,—были поставлены тут под защиту национальной идеи эпохи европейской реакции и начинавшегося романтизма. Но граф Уваров не понял, что идея «народности» есть идея живого, развивающегося организма, что это — идея демократическая по существу и революционная по тем методам (восстание), которыми она как раз тогда начала пробивать себе путь (стр 87—8). Мы знаем, что поставить эту идею под покровительство придуманного Александром «Священного Союза» императоров не только не удадлось, но, напротив, на этой идее началось крушение «Священного Союза» (греческое восстание) и от нее первый отступился, признав ее революционность, политический руководитель союза, гр. Меттерних. Таким образом, официальная формулировка национализма, не удавшаяся ни при Екатерине, ни при Александре, с воцарением Николая I окончательно попала в тупик — и в нем остановилась.

Тон давали во втором периоде политические идеи е в р о п е и з м а, внушенные (по Монтескье, Беккариа, Блекстону) самой Екатериной и расширенные молодежью се времени на Руссо и Мабли. В александровском поколении к ним прибавились Дестют-де-Траси, Бенжамен Констан, Филанджери. В руках молодежи этих 2-х поколений политический европеизм стал радикальным и оппозиционным — и остался таким вплоть до последнего рассчета со старой националистической традицией — до эпохи двух последних революций. Оба течения этой оппозиции, конституционно-монархическое и республиканско-федералистическое, появились в близком соседстве и общении между собой, уже при Александре I. На первый раз они лишь довели своих энтузиастов (декабристов) до эшафота и Сибири. Однако же, и идея европеизма не явилась еще в этих двух поколениях достаточно углубленной, чтобы заложить основы новой национальной традиции. «Европейское» еще мыслилось, как нечто противоположное «национальному», — нечто, что должно

быть наложено извне, путем механического заимствования. Это было слабое место тогдашнего политического европеизма, и на этом, как сейчас увидим, национализм в ближайшем же поколении взял свой блестящий реванш. Над бессильной и бессодержательной формулой Уварова выдвинулось, новое, философски-обоснованное построение русского национализма, покорившее одно время своему влиянию и самый европеизм. Я разумею русское «славянофильство» 1830—1850-х годов Но здесь начинается т р е т и й период.

Это был момент, когда описанный нами период «инкубации» национального самосознания закончился и начался расцвет оригинального национального творчества. Он оказался и расцветом оригинальной русской религиозно-философской мысли. За ней вскоре последовал и расцвет социально-политической мысли Но в описываемый теперь т р е т и й период р е л и г и о з н о - ф и л о с о ф с к о е течение преобладало, — отчасти, быть может, в зависимости от германского источника нового иностранного подражания (Баадер, Шеллинг, Гегель), но отчасти и по существу — в виду более тесной связи этой стороны национальной мысли с старой национальной традицией. С прежними официальными формулировками национальной традиции это течение порвало. Но оно за то пыталось дать этой традции новое, более глубокое религиозно-философское обоснование. Этим, однако, славянофильский национализм дал толчек и для нового обоснования европеизма, получившего здесь свое характерное название «западничества». Но построить «другое», западническое здание на «том же» славянофильском религиозно-философском фундаменте (как хотел Герцен) было трудно. А другого теоретического фундамента еще не было на лицо у тогдашних западников. Вот почему европеизм втечении третьего периода остался без равносильной славянофильству доктрины и ограничился преимущественно практическими возражениями.

Без свежего заимствования из-за границы не обошлось и при этом возмужании национальной мысли. Национализм и европеизм взяли каждый свою основную мысль у одного из двух вождей философской мысли германского Запада. Наши националисты предпочли Шеллинга той эпохи (сороковых годов), когда их вожди доучивались в германских университетах. Наши западники — поскольку они были философами — предпочитали опираться на Гегеля. Причина этих предпочтений понятна. Система Шеллинга — это углубление в себя, в тайники чувства и мистики, это — неподвижность. Система Гегеля — это движение, эволюция, развертывание «духа» в логической последовательности Шеллинг искал гармонии с религией, Гегель подводил к современной науке. Славянофилы, ознакомившись с обоими типами мысли, противоположили их друг другу, как образчики 2-х типов человечества: типа восточного и типа западного. Западу при этом досталось все, что они не одобряли: односторонняя рассудочность, логика, наука, протестантизм в религии, конституция в политике: словом, начало «раздвоения». Востоку же они оставили все, чему сочувствовали: глубину и красочность чувства, нетронутую анализом религию и политику, крепкий семейный и общественный быт, восточную мистику, — словом, начало «целостности». Разумеется, восток выходил выше запада. При этом, старые нацоинальные символы приходилось, конечно, углублять. Традиционная форма веры, православие, представлялась у Хомякова выражением «соборности» русского духа, причем вера и церковь одухотворялись чуть ли не до индепендентства. Самодержавие у Константина Аксакова претворялось в любовное единение царя с идеализированным Земским собором, не претендующим на силу власти, а только на силу «мнения». То и другое, вера и политика, сочетались, в духе любви и свободы, в самом существе русской «народности». Проявлениями этого «народного духа» считалась община, «мир», на-

родный коллективизм, воплощающий в жизнь внутреннюю правду» и духовно-свободный от оков «правды внешней», от закона и государственности. То и другое народ еще со времен варягов добровольно передал в распоряжение правительственной власти.

Что могло противопоставить этой фантастической, но стройно и блестяще изложенной доктрине, — несомненно имевшей некоторые точки соприкосновения с русскими народными традициями, — тогдашнее «западничество»? В лице Белинского и Герцена оно само исходило из гипотезы народной души, которая от века несет в себе определенную «идею» и, когда наступит черед, обогащает этой идеей сокровищницу истории человечества. Это было строго по Гегелю. По существу же, и «западники» этого типа были убеждены, как и «славянофилы», что европейский Запад уже изжил свою «идею», что Восток, в лице России, призван сказать Европе новое слово и тем выполнить свою всемирно-историческую миссию. И сущность этой миссии обоими школами понималась довольно близко Это была та же «община», которая только нашими левыми западниками было понята, не как носительница религиозной идеи, а как носительница социальной идеи. Отсюда пошел, с конца 40-х годов, русский вариант социализма. Другое, более умеренное течение западничества, русский либерализм, (смешанный в поколении декабристов с радикализмом) только что начинало выделяться в то время и пока оставалось без доктрины. Оно лишь готовило практическое заимствование с Запада «великих реформ» эпохи Александра II. Русский либерализм остался, впрочем, оттесненным на второй план и в эту последующую (нашу четвертую) эпоху. К нему мы вернемся в свое время.

Четвертую эпоху мы назвали эпохой преобладания социального национализма и европеизма. Тот и другой в эту эпоху очень близко сходятся и господствуют над умами. Характерное название этих перекре-

щивающихся течений есть название «народничества». Напомним, что в этот период русская культура перестает быть специфически-дворянской и национальное сознание находит себе путь в гораздо более широкие круги социальных низов. Связанный с дворянской культурой классический период нашего национального творчества постепенно проходит, и начинается новый период «инкубации», до сих пор еще не проявивший всего своего потенциального содержания. Период «народничества» ознаменовывается (60-е—70-е годы) первым серьезным и действительным изучением русского народа, его быта, его чаяний, проявлений народной души. Мелкий горожанин и мужик заполняют литературу, поставляемую писателями из «разночинцев», сменившими писателя из дворян. Занятый конкретным изучением, практическим «хождением в народ» и весьма наивными начатками революционной пропаганды в массах, «народник» 60-х—70-х годов не удосужился создать новой доктрины. Он жил пережитками идеологии Герцена и Бакунина. Когда появилась, в 70-х годах, «суб'ективная социология» и «теория прогресса» Лаврова и Михайловского, — она уже отделяла себя от «чистого» народничества. А попытки построить собственную народническую доктрину (Каблиц-Юзов и В Воронцов, 80-е и 90-е годы) пришли слишком поздно и были высмеяны следующим поколением.

Мне трудно отметить точную хронологическую грань, с которой можно начинать п я т ы й и последний акт отмеченного мною процесса развития национального самосознания,—названный мной периодом н а у ч н ы м. Трудно по двум причинам. Во-первых, здесь мы вступаем в такую полосу, когда сфера культурного влияния расширяется до чрезвычайных пределов, а вместе с тем крайне увеличиваются в числе не только об'екты влияния и воздействия, но и те идеи, которые становятся предметом усвоения и подражания. Период монополии известной группы идей, известного «мировоззрения» здесь конча-

ется. Во всех предыдущих стадиях мы могли отметить направление, господствовавшее над умами современников и вытеснявшее на второй план все другие направления. Теперь все они существуют рядом, — и у каждого находится круг последователей. Это как бы повторение, рекапитуляция всех предыдущих течений: реакционных, консервативных, либеральных, радикальных, социалистических или, с другой точки зрения, религиозных, философских, научных. Я не сказал бы, что это — пора эклектизма; скорее это пора борьбы и конкуренции. Но есть одно общее условие, которое н о в о для этого периода и которое об'единяет самые разнообразные течения: это условие научной доказательности. Все они пробуют себя на этом новом оселке, все ищут новых обоснований. Общей всем целью является борьба против иллюзий и утопий друг друга,—утопий националистических («мировая миссия») и утопий социалистических («немедленный», прирожденный социализм русского крестьянина). Выигрывает при этом, несомненно, течение более осторожное, среднее, до сих пор отодвигавшееся в тень уже отмеченным только что интеллигентским общим гипнозом. Течение либеральное раньше других прибегает к научным методам познавания и легче других им удовлетворяет.

Но тут мы встречаемся с другой причиной трудности хронологического определения этого периода. Отдельные попытки научных обоснований или, по крайней мере, претензий на научность существовали и раньше. В области национального самосознания мы могли еще в XVIII-м веке отметить научные попытки Болтина. Мы обошли намеренно ряд подобных же попыток в последующих периодах. Тут можно лишь отметить момент, когда монопольное «мировоззрение» перестало гипнотизировать умы, а научность стала общеобязательным требованием для в с е х «мировоззрений». Это, примерно, были 80—90-е годы XIX века.

Как же удовлетворяли этому требованию научности разные мировоззрения?

Прежде всего националисты, эпигоны религиозно-философского периода, попытались заменить совершенно обветшавшую метафизическую основу своей славянофильской доктрины новой научной основой. Надо сказать, что в промежутке, по мере того, как выветривались «всемирно-исторические» элементы старого славянофильского учения, оно превратилось в чисто-реакционное, лишенное всяких гуманитарных элементов. В этом виде его и попытались обосновать Н Данилевский, исходя из данных естественных наук, и Конст Леонтьев, исходя из научной теории исторического процесса. Данилевский, однако, для своей цели принужден был пойти в разрез с общим течением современной науки Он был противником эволюционной теории и ярым антидарвинистом К идее неподвижности национальных типов и невозможности никакого заимствования и подражания он пришел от теории неизменяемости видов. Нам известно (см. стр. 37—41, 47 49—51, 54—55) отражение этих устарелых идей в учении о расах и о невозможности унаследования приобретенных признаков. Данилевский далеко не дошел в тонкости научной аргументации до европейских защитников близких ему теорий. Его «Россия и Европа», долго считавшаяся у нас «евангелием» русского новейшего национализма, безнадежно устарела уже ко второму и третьему изданию. Иностранный источник Данилевского, помогший ему распространить идею неизменяемости физических типов на «культурно-исторические» типы, указан Владимиром Соловьевым: это — немецкий историк Рюккерт, отнюдь не авторитет в науке.

Неподвижность и неизменяемость народной души очень хорошо гармонировала с проповедью национальной ненависти к иноземцам и ко вему, что хоть сколько-нибудь напоминало о заимствованных у иностранцев нововведениях всякого рода. Но в этой доктрине не умещалась ни всемирная миссия православия, ни прогрессивные начала

народной души, ни значительная часть славянского «культурного типа» (славяне-католики). Односторонность и насилие над фактами были здесь явные, — и Конст. Леонтьев попытался дать русскому национализму другое научное обоснование. Он исходил из мысли, что русский исторический процесс вовсе не неподвижен, а эволюционен. Мало того, Леонтьев допустил, что ступени исторического процесса одинаковы у разных народов. Этих допущений было достаточно, чтобы разрушить в корне всю теорию Данилевского. Что же поставил Леонтьев на ее место? Он сам пришел в ужас от своего исторического фатализма — и ушел в монахи от идеи мирового пожара, в котором должна была роковым образом сгореть и Европа, и Россия. Дело в том, что неизбежные по его же учению позднейшие стадии исторического процесса фатально вели к разложению национального организма (стр. 15, учение Лебона). Национальная «культура», как выразился бы Шпенглер, на этих высших ступенях превращалась в механическую «цивилизацию». Эта разрушительная стадия, всюду наступавшая за эпохой национального «цветения», есть стадия «либерально-эгалитарного прогресса», присущая не только западным европейским народам, но — о ужас — также и славянству. Пока «либерально-эгалитарный прогресс» происходил у западных славян-католиков, это еще куда не шло. Но он начался и среди южных православных славян: он начинался, с эпохи «великих реформ» и в России. Так же, как мы видели выше у Лебона, фатализм ученого тут вступает в противоречие с волюнтаризмом политика и патриота. Леонтьев полагает, что именно византийский тип русской национальной традиции сможет предупредить действие «либерально-эгалитарного прогресса» простым и решительн. средством: остановив процесс насильственным способом, сверху, или, как выражается Леонтьев, «подморозив Россию, чтобы она не жила». Это — последнее слово националистически-реакционной идеологии.

Переходим теперь к другому полюсу — к идеологии социалистической, которая в описываемом периоде тоже хотела сделаться «научной». Русский «народнический», аграрный социализм, очевидно, научным требованиям не удовлетворял. Он был слишком тесно связан с идеологией «утопического» социализма сороковых годов. «Волюнтаризму» этого старого социализма социализм «научный» («марксизм») хотел противопоставить фаталистическое представление о неизбежном наступлении социализма путем развития капитализма, через которое должны пройти все народы. В этом представлении, несомненно, была ценна идея закономерности исторического процесса, а также и то, что эту закономерность марксизм вскрывал в области материальных процессов, где применение строгих научных методов более легко, где возможно даже количественное измерение процессов (статистическим методом) и установление единообразий. Идея эволюции, которую мы отметили уже у Гегеля, именно через гегелианство перешла в марксизм Но, все же, «научной» и эту систему назвать нельзя. Этому мешает ее узкий догматизм и самоограничение, искусственность применения самим Марксом «диалектического» метода Гегеля, добровольное ограничение сферы изучения и применения одним только социальным слоем — «пролетариата», с полным исключением не только «буржуазии», но и крестьянства, насильственное втискивание всех национальных процессов под одну общеобязательную мерку, с полным игнорированием всех элементов местного национального своеобразия; наконец, отрицание самостоятельного значения за всеми другими сторонами исторического развития, кроме стороны материальной («идеология» есть лишь «надстройка» над «экономикой»). Все эти черты превращали марксизм в отвлеченную и сухую доктрину, несравненно менее жизненную, чем даже ненаучный аграрный социализм русских народников. Тем не менее в России «марксизм» оказался последним из монопольных «мировоззрений», покорившим умы поколения молодежи 90-х

годов. Причиной его успеха нужно считать его претензию на научное обоснование любимой идеологии и на его совпадение с действительными фактами превращения России из чисто-аграрного в индустриально-капиталистическое государство — как раз в два последние десятилетия XIX века.

Нужно также отметить совпадение торжества «марксизма» с проникновением в Россию (в 90-х годах) нового потока подражания: своеобразного религиозно-философского неоромантизма fin de siécle (ницшеанство). Этот неоромантизм, отвлекавший мысль от «политики» и политической борьбы к самоуглублению в эстетику и мораль, характерно совпал с направлением, которое тоже отвлекало мысль от «политики» к «экономике». последняя сама по себе, автоматически, приведет всякую страну сперва к капитализму, а потом, методом гегелевского развития, через противоречия, и к царству социализма. Как в 30-х и 40-х годах, социальный радикализм здесь вновь скрестился с национальной реакцией: с той разницей, что тогда религиозно-философский национализм перешел в социальный радикализм, а здесь, наоборот, социальный радикализм перешел в религиозно-философский национализм. В этом переходе приняла участие целая плеяда молодых русских философов: но наиболее типичным выразителем перехода явился «марксист» П. Струве, эволюционировавший под впечатлением двух революций 1905 и 1917 годов от социал-демократии до националистов правого крыла. Кружку П. Б. Струве и принадлежит последняя попытка обновить националистическую формулу. Ему не трудно было сделать отрицательную часть этой работы, раскритиковав ненаучность, утопизм и «максимализм» прежних поколений русской интеллигенции. Гипнозу старых «измов» здесь был положен несомненный конец. Но нового «изма» создать не удалось. Положительная сторона новой националистической конструкции оказалась бедна и не научна. Она свелась в попытке искусственно восстановить связь идей

данного кружка 90-х годов XIX века с славянофильством 30—50-х годов, с старомосковской традицией, а через нее с Дмитрием Донским и Сергием Радонежским. Такой традиции, как мы видели, не было в русском прошлом и создать ее задним числом для практических целей — было мертворожденной задачей

Нам остается, оставаясь в пределах того же научного периода, ознакомиться с тем, что дало для русского национального самосознания среднее между национализмом и социализмом либеральное течение. Мы видели, что в прошлом это течение не имело своей, достаточно притягательной для молодых поколений доктрины Эклектический по существу, либерализм и не претендовал на абсолютизм и универсализм цельного «мировоззрения»; тем более, что представители его были поглощены практической деятельностью в новых учреждениях: в суде, в земстве В высшей школе ему действовать было труднее, потому что правительство, сиисходительно смотревшее на националистические, а в начале (при Николае I) и на социалистические «утопии», с большой тревогой и подозрительностью отнеслось к умеренно-прогрессивному течению, хотевшему немедленно и практически вносить в жизнь новую идеологию. Характерно, что и после «великих реформ» Александра II, в которых торжествовали именно идеи либерализма, правительство легче терпело на университетских кафедрах народников и марксистов, чем представителей либерализма (Ковалевских, Муромцевых).

Однако, именно в этом кругу довольно рано сложилась идейная традиция, больше всего удовлетворявшая новым научным требованиям от всякой постановки вопросов о национальном самосознании. Здесь также удалось установить положения, которые устранили противоречие между идеями самостоятельности и заимствования, национализма и европеизма. Этих положений (проникающих и настоящую работу) — два: одно более старое, другое более новое.

Более старое заключается в идее, что сам внутренний процесс развития России, без всяких механических толчков и заимствований извне, должен был неизбежно привести к тем же по существу культурным результатам, как и процессы развития западных стран. Заимствование, при таком понимании, принималось и усваивалось лишь тогда и в той степени, когда и в какой степени оно было подготовлено внутренним процессом. А при этом условии заимствование и подражание естественно теряли свой внешний, принудительный, механический характер, и входили органической частью в самый национально-исторический процесс.

Уже «западникам» 40 и 50-х годов пришлось остановиться на этой мысли в их полемике с «славянофилами» Защитники национальной традиции были приведены своей основной идеей неподвижности и исконности традиции к необходимости отрицать, вопреки истории, всю новую историческую эпоху, начиная с ренессанса и реформации (XV—XVI в.) на Западе и с реформы Петра на Востоке. Отрицание это было уже подготовлено французскими реакционерами-романтиками начала XIX века и усвоено нашими «славянофилами». По их пониманию, вся история — и в частности, вся русская история — последних веков свернула на неверный путь — измены старой вере и быту — и должна быть возвращена вспять, к средневековым идеалам. Таким образом, толкование Петровской реформы сделалось центральным пунктом борьбы. Наши историки-западники принуждены были противопоставить фантастическим и антиисторическим построениям серьезное научное изучение прошлого. И уже в 40—50 годах они достигли важных результатов. С. М. Соловьев в ранних работах занялся изучением эволюции русских государственных форм и раскрыл внутренний механизм и причины перехода родового строя в государственный. А в позднейших своих работах он указал и место Петра Великого в этом необходимом и закономерном процессе. Юрист К Д Кавелин обратил внимание на дру-

гую сторону того же процесса и об'яснил ход развития личности из распадения патриархального быта. Наконец Б. Н. Чичерин (по Гегелю) построил три ступени процесса: переход из родового быта в состояние «частного общества» и из последнего в состояние государственности. Историк последующего, «социального» периода, Щапов, построил схему русского исторического процесса с экономической стороны. Последующие историки (особенно «московской» школы Соловьева-Ключевского) изучили связь реформы Петра с предшествовавшей ему эпохой, XVII-го в., как в культурном, так и в государственном отношении, — и окончательно устранили идею мнимого разрыва между двумя частями одного и того же процесса *).

Другой, более новой идеей, взятой описываемым либерально-эволюционным течением из современной науки, была идея или, точнее, группа идей о регулярной изменяемости в социальном процессе, об однородности и закономерности его стадий. Идея эта первоначально появилась в области новейшего изучения доисторических эпох и первобытных народов. Применение «сравнитель-

*) Они, быть может, пошли даже слишком далеко в этом отношении, затушевав при этом личную роль Петра и реальное значение заимствований с Запада. В одной из своих работ С. Ф. Платонов назвал такое понимание «милюковским» Это вынуждает меня напомнить, что и в той моей работе, о которой идет речь («Государ. хозяйство России и реформа Петра Великого», СПБ, 1892), помимо органического характера реформы, указан и ее личный, случайный элемент. Но там эти указания имеют целью подтвердить стихийность, полусознательность реформы. Не отрицая, что в то время на меня могли оказать влияние идеи «экономического материализма», я все же считаю своим правом подчеркнуть, что сознательный и волюнтаристичский характер реформы Петра было тогда же указан в моих «Очерках по истории русской культуры» (т. III, ч. I), а недавно охарактеризован в юбилейной статье («На Чужой стороне», т. и в Revue Slave, II, 1925 г), а также положен в основу изложения в настоящей брошюре.

но-юридического» метода, — позднее связанного с именем М. М. Ковалевского — помогло еще славянофилам открыть, путем сравнительного изучения древнейшей истории славянских народов, одинаковость первоначальных процессов в области эволюции племенного быта (см. статью Петра Киреевского в «Москвитянине» 40-х годов). Но они еще пытались об'яснить эту однородность — единством славянского национального духа. Позднейшие изучения первобытных народов, греко-римские параллели (Фюстель де Куланж), наконец более глубокое изучение социальной истории европейских народов расширило эти выводы (в том числе и об «общине») далеко за пределы националистических толкований и помогло открыть более глубокие причины единообразия.

Оставался нетронутым до недавнего времени при этих изучениях антропологический базис старого националистического учения: вера в неизменяемость расы. Мы видели, что современная наука уничтожает и этот ученый предрассудок. А современная социология помогает окончательно установить факт, что «национальность» есть явление вторичное сравнительно с расой и что она является продуктом, главным образом, социального процесса, что об'ясняет и ее глубокую изменчивость и ее сравнительно позднее происхождение. Но мы видели, при этом, что лишая оснований старую националистическую доктрину, современная наука восполняет этот пробел выяснением понятия о волюнтаристических основах современной национальности Повсюду эти основы создаются специальным органом — национальной интеллигенцией. Мы только что видели, что и Россия не составляет исключения из этого правила. Русской национально-культурной традиции негде искать, кроме истории этой интеллигенции.

Лучшим способом резюмировать смысл этой истории, только что изложенной выше, будет указать на ту роль, которую сыграл язык, — этот главный способ социального общения, который является и самым чувствительным

барометром его состояния в каждый данный момент. Не останавливаясь на древнейшем периоде об'единения и раздробления, вызываемых кочевой и лесной культурой, не возвращаясь также и к периоду существования древнейшего общерусского и даже общеславянского книжного языка, — языка веры и богослужения, напомню только о позднейших стадиях, в которых национальное творчество языка перешло действительно из атмосферы старых книжных хранилищ в жизненный оборот. Мы отметили скромные начатки первой русской национальной культуры в XVI и XVII-м веке. Этому скромному периоду соответствует и появление первого русского письменного языка, который надо искать не в проповедях и «виршах», с их искусственным книжным языком южно-русского школьного происхождения, а в богатом, образном и простом разговорном языке, закрепленном московскими под'ячими (Котошихин). Однако, для более высокой культуры этот язык не годился. Нужно только прочесть на каком своеобразном славянско-латинском воляпюке приходилось Крижаничу формулировать свои глубокие мысли. Петровское заимствование потопило, вместе с другими культурными начатками, и этот старо-московский язык. Язык петровских дельцов и их преемников, петербурских придворных щеголей, запестрил иностранными словами и оборотами. Дипломат Алексей Куракин подает в этом отношении руку тем «петиметрам» и «кокоткам», своеобразное арго которых высмеяно русской сатирой. Но и язык серьезной прозы и поэзии, Третьяковского, Ломоносова, Кантемира, Сумарокова погубил своей искусственностью и невыработанностью героические усилия этих наших национальных талантов, не пощадив даже и наиболее крупного из них, Державина. Только переходя из области придворной публики в публику городскую и провинциальную, язык начинает, наконец, вновь обретать самого себя и устанавливаться. Он находит себя в стихии народной песни и просторечия. На этой, несколько уже подготовленной почве, Карамзину удается сделать эпоху и соб-

ственную громкую репутацию. Но и этот язык не переживает одного поколения, уступая языку эпохи нашего классического национального расцвета: языку Пушкина и Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского.

Установился ли окончательно э т о т язык? Приходится, повидимому, признать, что нет. Конечно, непрерывность языка, свидетельствующая об установившейся непрерывности культурной традиции, уже не может исчезнуть. Ничего подобного тому крутому перелому, который совершился при Петре (и который сам по себе свидетельствует о глубине перелома), или даже переходу с церковного на московский литературный язык XVII ст., теперь ожидать нельзя. Но, все же, новое расширение сферы культурного общения на более широкие круги — в 60-х годах на разночинцев, и в эпоху революций XX в. на народные массы—заметно сказалось на языке. Язык беллетристов-народников несколько иной, чем язык наших классических писателей, а язык неоромантиков 90-годов — иной, чем язык народников. Первая струя обогатила язык лексиконом и оборотами народных говоров (Решетников, Левитов), городских и духовных низов (Глеб Успенский, Помяловский). Вторая струя ввела утонченность и манерность сверх-эстетов. Затем обе струи переплелись в эпоху двух революций, а при большевизме хлынула новая струя снизу, действие которой еще трудно определить. Тут есть и элементы «нового варварства» и временного огрубения, и элементы обогащения языка при более широком соприкосновении и общении культурных верхов с народной стихией.

Таким образом, через все перемены, колебания, укрепления, перерывы и расширения новой русской национально-культурной традиции язык сохранил значение самого чувствительного показателя этих социальных процессов, соединив в себе и начало возрастающей прочности и непрерывности, и начало продолжающихся перемен. Подобно литературному языку, русская национально-волюнтаристическая идея — недавнего происхождения. Подобно ему

она еще находится в процессе образования. Наконец, подобно ему, она, несмотря на свою сравнительную новизну, уже может похвалиться такими достижениями, которые сами по себе гарантируют нас от всяких попыток прервать эту нить новой культурной традиции или подменить ее какой-либо другой, искусственно-придуманной для удовлетворения чисто-теоретических построений. Новая Россия естественно развилась из старой, общими с Европой путями. Теми же путями она пойдет и дальше, не оглядываясь на пройденные стадии, вопреки националистам всех стадий своего развития

V. Национальные движения на территории бывшей Российской империи.

Не так давно еще Россию можно было сравнить с этнографическим музеем, в котором консервировались, отмирали и окончательно ассимилировались остатки народностей — их насчитывается около 100 — принявших участие в историческом процессе на восточно-европейской равнине. Теперь приходится скорее говорить о социологической лаборатории, в которой производятся массовые и систематические опыты — экспериментальными методами — оживления, возрождения и пробуждения национального самосознания даже и в отмиравших народностях, не говоря уже о тех, у которых развивался собственный внутренний процесс сознания национальности.

Нет надобности прибавлять здесь, что по существу все эти процессы совершенно тожественны с теми, которые мы наблюдали и описывали на всем протяжении нашего изложения. Не может быть и иного отношения к ним на том основании, что процессы эти происходят на русской территории или на территории бывшей русской империи. Отношение это — п о л о ж и т е л ь н о е, поскольку вообще мы относимся положительно к здоровым сторонам развития национального чувства и самосознания. Отно-

шение это может быть и отрицательным, поскольку тут или в других местах мы говорим об отрицательных сторонах «национализма». Нельзя относиться положительно или отрицательно к стихийному процессу («создания» национальностей). его можно только наблюдать об'ективно. Но к волюнтаристическому процессу, каким мы знаем процесс «сознания» национальностей, это двойное отношение неизбежно. Та же причина, которая составляет силу этого волюнтаристического процесса, составляет и его отрицательную сторону, гипертрофию национального чувства, выражающуюся в ряде отклонений и извращений здорового процесса. Причина эта, как нам известно, заключается в распространении национального сознания сверху, из интеллигентного высшего слоя, который и дает материал для подражания низам В целом ряде случаев, гипертрофия национального чувства может оказаться не полезной, а вредной для той самой национальности, которая заболевает этой болезнью. Таковы, например, случаи:

1) Когда национальное чувство вырождается в стремление к захватам во внешней политике. Это, обыкновенно, бывает свойством так назыв. «господствующей» национальности. Но теперь известен уже ряд случаев, когда и «угнетенная» национальность, только-что превратившись в торжествующую — своими ли заслугами или стечением внешних обстоятельств, — немедленно же начинала преследование других национальностей, попавших в зависимость от нее, и делала это во имя нового «великодержавного» национального идеала.

2) Когда национальное чувство прилепляется к формам прошлого и, игнорируя условия, при которых сложилось и существовало это прошлое, делает из прошлого идеал для настоящего и будущего, ставя, таким образом, препятствия свободному творческому процессу.

3) Когда чувство национальной гордости или национальной обиды слишком оттесняет на второй план другие чувства и потребности современного нормального челове-

ка, а именно: а) когда национализм ставит себя впереди государства и начинает борьбу против государства, б) когда национализм игнорирует социальную сторону жизни и жертвует материальными интересами народных масс, в) когда нацонализм игнорирует высшие интересы духовной жизни и творчества (в религии, искусстве, науке и т. д.), выходящие за пределы интересов данной национальности и составляющие общекультурное достояние человечества и т. д.

Все эти отрицательные стороны процесса национального самосознания мы условились с самого начала обозначать общим понятием «национализма», — и для нас должны быть совершенно безразлично, прилагается ли это понятие по сю или по ту сторону границы, к национальностям «господствующим» или «угнетенным». И так же одинаково мы должны относиться к положительным сторонам национального самосознания, развиваются ли они у нас самих — или рядом с нами.

Говоря о разных ступенях национального сознания сотни народов, живущих на территории бывшей российской империи, мы, прежде всего, должны различить разные категории этих народов.

1) Значительная часть их приняла участие в самом процессе образования русской народности, в ее разных вариациях, втечение многовекового процесса расселения этой народности на территории восточной равнины. Здесь происходило, на глазах истории, то же, что произошло на западе Европы при распространении «арийских» языков, которое принимали за распространение арийских народностей (стр. 35—36). Слагалась сложная антропологическая амальгама, на почве которой устанавливалось единство социально-психического типа, именуемого национальным. Мы определили выше хронологию этого сложения В стадии «создания национальности» — это VII—XI века по Р. Х., а в стадии первоначального «сознания», — XII — XV века. Амальгамирование с другими национальными типами (не дожившими еще до ста-

дии «сознания») продолжалось, повидимому, втечение обоих этих периодов, почти до конца второго из них. На русском севере и в бассейне Волги и Оки этот процесс приостановился, как кажется, с конца XIV до середины XVI века. По крайней мере, изучая современную этнографическую картину северной, средней и восточной России, мы находим не-русские национальности на тех самых местах, на которых остановилась русская колонизация XIV—XVI веков. Далее ассимиляционный процесс идет уже гораздо более туго в низовьях Оки и Волги и вдоль сибирских рек к Тихому океану. Прямо на юг, в южные степи, русская колонизация идет с середины XVI века, ни с кем не сливаясь, — ибо здесь — пустыня, оставленная кочевниками и принятая в наследство высшей московской культурой. О выделении здесь особого типа колонизации (южно-русской «украинской») будем говорить позднее.

2) Вторую категорию составляют народности, не ассимилированные русским типом, но не успевшие дойти еще и до стадии национального «сознания», когда русское государство, в своем быстром росте, включило их, как «анклавы», в свою территорию и, таким образом, невольно, фактически, вовлекло их в русский исторический процесс последних трех-четырех веков. Сожительство этих национальностей с «господствующей» — было мирным, и их национальный инвентарь оставался в пассивном состоянии вплоть до той поры, пока проснувшийся в других местах национализм не занес и сюда свои семена и не вызвал к жизни даже у мелких народностей свою собственную, вначале очень немногочисленную и не сильную интеллигенцию (учителей, духовенство, отдельных чиновников и университантов). Пожалуй, наиболее ранним национальным ферментом явилась проповедь ислама в Крыму и вверх по Волге. Тут найдем примеры начавшейся ассимиляции несознавших себя национальностей —

тюркскому типу. Но на востоке России и в Сибири общий переход к стадии «сознания» мы найдем не ранее начала XX-го века.

3) Иначе стоит дело с третьей категорией народностей, присоединенных к России сравнительно недавно, в XVIII —XIX вв. на окраинах, главным образом на Западной границе и за Кавказом. Частью и здесь находим сравнительно мало-сознательные народности, процесс «сознания» которых происходит уже после присоединения к России; но кроме того здесь имеем дело с старыми национальными культурами (польской) или даже очень древними, но находившимися во временном состоянии усыпления (грузинской и армянской) Общей чертой этой категории народностей является пробуждение их национального сознания независимо от русского. Но только в случае с Польшей это — не столько пробуждение (ибо в Польше национальное сознание не засыпало), сколько поддержание национального сознания — происходило в противоречии и борьбе с русскими национально-волюнтаристическим процессом. Дело в том, что польский национализм конкуррировал с русским на широкой полосе пограничных территорий (населенных белоруссами и малоруссами) Это была борьба двух центров подражания, и уже с XVII столетия она приняла очень насильственные формы, которые и сохранились вплоть до настоящего времени. Возвращение русских территорий в результате польских разделов времени Екатерины II (Россия тогда не получила в свой состав польского населения: оно было присоединено лишь при Александре I в 1815 году, по венскому конгрессу, и в 1917 г. возвращено временным правительством, провозгласившим независимость Польши, восстановленной из трех частей) было одной из стадий этой борьбы. Другой, противоположной стадией, вновь завязавшей узел спора, был переход к Польше по Рижскому миру 1921 г., русских земель с населением в 3½ миллиона.

Во всех других случаях само русское правительство, конечно, не из идейных, а из государственных соображений поддерживало национальное самосознание данной группы народностей. Цель этой поддержки была — противопоставить начала местной национальной культуры влиянию другой соседней культуры, более сильной и враждебной России. При этом надо заметить, что эта более сильная культура, как и везде, прежде всего захватывала и подчиняла своему влиянию социальные верхи данной национальности. Русская же правительственная поддержка оказывалась социальным низам, принимая таким образом форму участия России в местной социальной борьбе на стороне демократических элементов. Таким образом, в Финляндии, где господствовала шведская культура, составлявшая привилегию высшего социального слоя, еще в XVIII веке сделана была попытка освобождения от владычества Швеции при помощи России (Аньяльский заговор). А после присоединения Финляндии в 1809 году, — которому была придана форма добровольного соглашения, при русском содействии сложился собственный литературный финский язык, появилась финская интеллигенция и развилось сознание финской национальности. Следы первоначальных симпатий финского земледельческого населения к русской власти долго оставалось в настроении «старофинской» партии, бывшей самой многочисленной. В Прибалтийских провинциях русская власть также стала на сторону угнетенного населения — эстов, латышей — против господствовавшего класса немецких «баронов» (землевладельцев). И эти народности в известной степени обязаны русскому официальному покровительству зачатками своей новой национальной культуры, литературы, интеллигенции. Литовцы в истории своего возрождения также не могут обойти одного фактора: освобождения русской властью крестьян от польских землевладельцев. Когда поляки устраивали восстания (1830 и 1863 г.г.) против русской власти на территориях, присоединенных Россией после разделов Поль-

ши, они могли убедиться, что крестьянское население этих земель (литовское, белорусское, украинское) присоединялось к русским войскам и обращало свой гнев на польских помещиков.

Переходя к Закавказью, мы и здесь найдем следы положительного влияния русской государственности на местное национальное развитие. Прежде всего, только эта государственная власть могла внести мир между тремя народностями, находившимися на разных ступенях быта и постоянно враждовавшими между собой, полупромышленниками-грузинами, земледельцами-армянами и полукочевниками-татарами. Русская же власть внесла известное благосостояние и материальное развитие в эти страны. Мы встречаем при русском режиме громадный рост производительности — хлеба, нефти, вина, табака, чая, хлопка, марганца. За 45 лет (1868—1913) ввоз и вывоз увеличился в 50 раз, население городов выросло в Тифлисе с 64 тысяч до 350, в Баку с 12 до 250, в Кутаисе с 8 до 58, в Эривани с 14 до 29 и т. д. На почве этого благосостояния возродилось национальное чувство среди этих древних племен и создался новый расцвет национальной литературы. В частности у грузин, находившихся со времени культурно-национального расцвета XIII века в состоянии племенной разрозненности и вражды, только под русским управлением произошло национальное об'единение (Кахетия и Карталиния присоединились к России добровольно в 1783, потом, по желанию последнего грузинского царя, аннектированы в 1802 г., Мингрелия присоединилась в 1803, Имеретия в 1804 г., Гурия и Абхазия в 1810 г., Сванетия в 1833 г.). Только в последней четверти XIX века появилась среди грузин идея национального единства и развилась новая литература. Раньше дворянские верхи грузинского общества шли к несомненной денационализации. У армян толчок к национальному об'единению был дан присоединением Эчмиадзина в 1828 году. Так как их дворянство было сметено и заменено татарским, а духовенство было слабо, то

национальный идеал здесь был с самого начала светский и демократический: его источники — идеалы «молодой Германии», занесенные из Дерптского университета, и проникавшая через турецких армян французская литература. Возникшая таким образом уже в 1830-х годах идея национального возрождения, в 1850-х годах выступила во всеоружии нового национального языка, заменившего древний, церковно-книжный, и вступила в борьбу с формулами армянской «самобытной» культуры. Армянский патриотизм был обращен таким образом не к воспоминаниям, хотя бы и «славного», прошлого, а к практической цели — освобождению армян от власти Турции. На этом основании армяне всегда активно участвовали во всех войнах России с Турцией, и только антирусская политика британского правительства помешала освобождению Армении Россией, не сумев и сама выполнить этой миссии, так как «нельзя переправить английский флот через Тавр» (выражение Солебери по поводу нежелания Порты выполнить обязательства п. 61-го Берлинского договора, умышленно ослабленного тем же Солебери из ревности к России). Герцог Аргайльский добросовестно признал ответственность Англии и ошибочность ее политики по отношению к России в данном вопросе*). «Поразительный контраст» турецкой Армении с русской засвидетельствован английским путешественником-радикалом, Ноэлем Бакстоном. «Втечение столетия», пишет он, «русские добились немалых результатов... Население благодаря обеспеченному миру возросло, страна развилась, возникли процветающие города и деревни»... А по ту сторону границы, «Турецкая Армения представляется всякому, попавшему туда впервые, великолепным образчиком тирании, глупости и преступности». Этого сопоставления достаточно, чтобы понять, почему народности Закавказья, всякий раз, когда представлялась необходимость делать

*) On responsibilities for Turkey by the Duke of Argyll, 1896 (есть русский перевод).

сознательный выбор между подчинением северу — России или югу — Турции и Персии, делали этот выбор без всяких колебаний, спасаясь не только от мусульманского фанатизма и оттоманского насилия, но и просто от физического истребления своего народа.

Как видим, именно среди этой третьей категории народов Россия впервые встретилась с явлениями национального волюнтаризма. Народные массы встретили это явление равнодушно: лучше сказать, не втянутые еще сами в волюнтаристический процесс, они его просто не заметили. Русская интеллигенция уже давно втянутая в процесс национального самосознания, представляла два борющиеся течения, европейское и националистическое. Европейское течение, чуждое национальной исключительности, должно было а-приори отнестись сочувственно ко всяким движениям национального самосознания, как к движениям прогрессивным. Из этого не следует еще, что оно глубоко вникало в сущность национального вопроса. Напротив, оно могло даже игнорировать его во имя преимущественного интереса к общечеловеческим ценностям. Но на этом понимании оно сходилось с интеллигенцией и других национальностей; даже внушало ей это понимание. Вот почему между интеллигенциями разных национальностей в России, начиная с Бакунина и кончая радикальными и социалистическими течениями XX века, всегда мог состояться союз для борьбы против общего врага «за нашу и вашу свободу». Этим общим врагом был старый самодержавный режим. Другая часть русской интеллигенции, исповедовавшая национализм, напротив, вступила на почве националистического идеала в союз с русской правительственной властью. Мы видели, что эта власть вначале была благосклонно расположена к национальным культурам вновь присоединенных национальностей и защищала их от иностранных культурных влияний и от их собственных социальных верхов. Но — в значительной степени под влиянием националистической части интеллигенции — это отношение мало по ма-

лу изменилось. Русский национализм стал аггрессивным и официальным; и ответом на него был такой же аггрессивный национализм пробуждавшихся национальностей. Первое серьезное столкновение среди русской интеллигенции произошло тут на почве польско-русских отношений. Год второго польского восстания, 1863 г., был тем хронологическим водоразделом, на котором основные политические течения в России, национализм, либерализм, социализм окончательно разделились и пошли каждое своей дорогой.

После убийства Александра II, втечение всего царствования Александра III национализм сделался официальной доктриной, и начались первые в русской истории официальные правительственные гонения против целых национальностей: в особенности еврейской и финляндской. И в том, и в другом случае эти гонения вызвали сильнейшие ответные вспышки национализма: еврейский «сионизм» и финляндский «активизм». То же произошло и в Закавказье. После либерального управления кн. М. С. Воронцова (1844—1854), традиция которого сохранилась еще и при наместничестве в. к. Михаила Николаевича (1862—1881) начались национальные преследования, как например, закрытие армянских школ в 1897 г., конфискация национального церковного имущества в Эчмиадзине в 1902 г., причем последняя привела к стычке с войсками и к натравливанию татар на армян*).

С этого же времени испортились польские отношения и возник «украинский» вопрос. Известный польский писатель Л. Крживицкий делит развитие национального самосознания поляков на 3 фазиса :1) дворянский, древнейший и непримиримый, характеризующийся требованием отделения от России и полной независимости Польши и лозунгом вооруженного восстания, 2) буржуазный

*) О настроении, созданном руссификаторской политикой Александра III на Кавказе, свидетельствуют письма Акнуни напечатанные в Женеве в 1905 г. (Les plaies du Caucase).

— от 1863 г. до расцвета социалистич. движения: здесь провозглашается разрыв с романтизмом предыдущей эпохи, практикуется польскими деятелями политика лойяльности по отношению к трем государствам, выдвигается идея «органической работы» и вместо восстановления старого польского государства в границах 1772 года (до первого раздела) устанавливается понятие этнографической Польши и 3) пролетарский, характеризующийся отрицательным отношением к национализму дворянских и буржуазных кругов и готовностью к совместной борьбе с русской интеллигенцией для свержения самодержавия. К этому моменту мы сейчас вернемся Заметим только, что в основе его лежит отказ от «лойяльности» среднего периода, соответствующего царствованию Александра II, и возвращение к старому, революционному отношению к русской власти.

Характер изменений в «украинском» вопросе мы поймем, если сравним старую позицию вождя этого движения М. П. Драгоманова с новой позицией, усвоенной украинцами после конфликта нарождавшегося украинского национализма с официальным русским**). Старое украинское движение развивалось в теснейшей связи с русской интеллигенцией. Драгоманов дал по этому поводу красноречивый отпор некоему г. Вартовому, обвинявшему в «сервилизме» перед Москвой всех старых украинских писателей. Он привел прежде всего цитаты, доказывавшие, что украинскую идею защищали Капнист, Рылеев и Пушкин, и заключил: «так сталось, что новые европейские идеи демократизма и либерализма, которые со временем должны были довести просвещенную украинскую общественность и до национального автономизма, впервые появились на Украине не в украинской одежде и не на украинском языке, а на русском». В другом сочинении

**) С украинской точки зрения история русских и польских взглядов на украинский вопрос изложена в брошюре: Мих Лозинский, Польский і русский революцийный дух і Украина. Львів. 1908

Драгоманов указывает и на самый источник этого культурно-национального общения. «После 1831 г. (польского восстания) на всей славянской, но не великорусской полосе России университет существовал только в Харькове, потом в Киеве. А потому из всех западно-российских государственных племен национальное возрождение организовалось (для той поры П. М.) только у одних украинцев». Здесь прекрасно указано место и время происхождения первоначальной украинской интеллигенции, не разорвавшей еще с (обще) русской. Драгоманов шел даже дальше и указывал на неразрывную связь в прошлом и на общие для этих двух частей русского племени национальные цели Рассуждая, в одном из последних своих произведений, «не с точки зрения абсолютного, да при том и поверхностного-патриотизма, а с реально-исторической точки зрения», Драгоманов находит, что «московское царство всетаки выполнило элементарную географически-национальную задачу Украины... Такими задачами были, между прочим: освобождение нашего края от татаро-турецкого насильства и от подданства польского. Никто так не толкнул нас к восточному царю, как польская политика XVI и XVII столетия, тем более, что союз с татаро-турками был для нас невозможен, ибо татары и турки смотрели на Украину и на Московщину, как на белую Африку... Без северных берегов Черного моря Украина немыслима, как культурный край... Как только Петр I начал воевать с турками, запорожцы стали верными слугами его... Екатерина II была очень популярна среди нашего народа, как и интеллигенции (тем, что закончила эту задачу. П. М.). Задача эта не кончается на самом берегу Черного моря... Кончится она когда султан покинет Константинополь... Эта задача не обойдется без России, а стало быть и без украинской крови»). Нель-

*) Драгоманов, собр. полит. счинений (изд. «Возрождение») т. I. Историческая Польша и великорусская демократия (1881—82), стр. 35. Ответ Цартовому в его же: «Листи на Наддніпряньску Украіну» (Коломня, 1894); там же и указания на национальные украинские задачи, выполненные Москвой.

зя яснее подчеркнуть неизбежность, втечение веков, общей внешней политики между этими частями России, теснейшим образом связанными и экономически.

И однако же, правительственные и националистические преследования испортили положение и здесь. Интеллигентское руководство украинским национальным движением из указанных Драгомановым университетских центров, из Харькова и Киева ушло в австрийскую среду, в Галицию, в Львов. Когда оно оттуда вернулось, лет тридцать спустя, оно пришло уже с острым чувством вражды ко всему русскому, с новыми отточенными орудиями национальной пропаганды, и не только с агитационными брошюрками, но с своей литературой и наукой, правда, изложенными на вновь созданном литературном языке, чуждом наречиям приднепровской Украины. Начался процесс внесения в массы украинского национального сознания конспиративным путем, — как защищали свою национальную школу и поляки в Царстве Польском.

Таким образом, к началу XX века русский национализм в союзе с правительственной властью успел в корне испортить добрые отношения, какие начинала создавать в среде наиболее сознательных национальностей русская государственность втечение столетия. Но первый протест национальностей против правительственного насилия вовсе не направился в сторону отделения от России. Конечно, было бы и трудно мечтать о таком исходе при твердом положении России среди других европейских держав. И все стремления руководителей разных национальных движений направлялись на совместную с русской западнической интеллигенцией борьбу за улучшение форм русской государственности, — за преобразование русского самодержавия. Главную роль в этой борьбе должны были сыграть левые политические течения; а эти течения менее всего были согласны, как увидим, итти в национальных вопросах до политического сепаратизма. Первые два десятилетия национально-волюнтаристических движений на территории России прошли, поэтому,

в поисках мирного сожительства. Это очень резко оттеняет характер нашей национальной борьбы от такой же борьбы в Австро-Венгрии или, тем более, в Турции, с которыми в последнее время часто сопоставляют катастрофическую развязку русских национальных вопросов.

V. Поиски мирного сожительства.

Позволю себе начать этот отдел с рассказа о факте, в котором я принимал личное участие. В ноябре 1904 года в Париже собрался конспиративный с'езд представителей различных народностей с представителями русских политических партий. Почин с'езда принадлежал финляндцам, членам партии активного сопротивления. Откликнулись на приглашение, кроме двух имперских партий, «Союза Освобождения» и социалистов-революционеров, две польских партии (народные демократы Дмовского и социалистическая), две грузинских (социалисты и федералисты), армянская революционная федерация и латышские социал-демократы. Общая цель — низвержение самодержавия «способами, свойственными тактике каждой партии» — сделала возможной дружественную разработку условий мирного сосуществования народностей в освобожденной России. Политическое освобождение должно было, таким образом, совершиться одновременно с национальным. Но требования национальностей были очень умеренные. Декларация с'езда провозгласила принципы самоопределения народностей, свободы национального развития, гарантированной законом, требование о прекращении насилий русского правительства над различными национальностями. Относительно Финляндии была предусмотрена, кроме того, отмена всех мер, урезавших (главным образом при Бобрикове) конституционные права Финляндии, которые не только признавались, но и расширялись в практическом применении, при Александре II. С поляками были начаты переговоры об условиях

польской автономии. Эти переговоры продолжались в начале 1905 г. в Москве, на специальном русско-польском с'езде После июльского с'езда земских и городских деятелей того же года, где был принят проект русской конституции, состоялись новые совещания русских деятелей с польскими политиками разных направлений. В результате их поляки предложили некоторые поправки к конституционному проекту. Они именно хотели более точного определения прав монарха и обязанностей статс-секретаря по польским делам относительно сейма, разделения сферы общегосударственного и местного законодательства, упоминания о равноправии языков и национальной школе. Польша при этих переговорах мыслилась обоими сторонами в этнографических границах, причем поляки не возражали против пересмотра границ автономного края, с изменениями как в ту, так и в другую сторону.

Конечно, соглашение это было частное, но о значении его можно судить, вспомнив сказанное выше «Польская Лига» конца 80-х годов (дворянско-буржуазная) и революционная социалистическая интеллигенция (П. П. С.) выставляли требование полной независимости польского государства: период примиренчества с русской буржуазией к этому времени уже прошел (1895—1904). Но русское революционное движение сразу вносит в эту непримиримость новое смягчение. Требования политической независимости отвергаются, как пережиток клерикально-аристократических стремлений, (как на Западе — исторические территориальные права). На политической сцене появляются новые партии, демократические и социальные. Вместо требований особого учредительного сейма в Варшаве и установления на нем федеративной формы, обычным содержанием политических резолюций становится требование простой автономии и свободы употребления языка в школе, суде и управлении. В начале 1906 года программная брошюра «Социал-Демократии Царства Польского» (написанная Розой Люксембург) отказывается от законодательных автономных прав, удовлетворяясь

административной, школьной и судебной автономией. Эта платформа принята на VI-м с'езде партии. В конце 1907 года на той же почве происходит раскол в партии П. П. С. Сторонники независимости, «националисты-заговорщики» выходят из партии и образуют «революционную фракцию П. П. С.». Сама партия на X-м с'езде ограничивается требованием «централизации и широкой автономии Польши с законодательным сеймом».

То же явление — смягчение непримиримых национальных требований во имя общей с русской интеллигенцией борьбы за победу демократии — проходит красной нитью решительно у всех других народностей, раздраженных националистической политикой самодержавия. Первая политическая организация на русской Украине «Украинская революционная партия» (1900) еще стоит за «единую, нераздельную, независимую Украину от Карпатов до Кавказа, как учили в Галиции. Выделившаяся из нее и принявшая социальную окраску «Украинская рабочая партия» уже заменяет требование независимости требованием федерации с автономным украинским сеймом. Но и из «Украинской с.-д. раб. партии» в 1904 году выделилась «Спілка», вошедшая, как часть, в российскую с.-д. партию и выставившая для Украины только требование «областного самоуправления», «образования на родном языке, свободного употребления его в суде и администрации и—принципиально— «права всех наций на самоопределение». В 1905 г. развилось сильное крестьянское движение, и, по словам г. Залевского, «чем более развивалось революционное движение , тем более исчезал федералистический характер в стремлениях разных слоев населения, и стремления эти принимали форму требований автономии или самоуправления на почве демократизации всего государственного строя». В конце июня 1905 г. «всеукраинский с'езд буржуазных крестьянских партий» («демократической», «радикальной» и «народной») приняли резолюцию 1) присоединиться к борьбе за конституцию, 2) стремиться к установле-

нию политической автономии Украины в пределах российского государства и к созыву законодательного сейма в Киеве, с тем, чтобы компетенции центрального парламента подлежали только дела войны и мира, торговли и всяких трактатов, войска, общих финансов и пошлин, 3) употребление украинского языка на украинской территории. В декабре 1905 г. на втором с'езде укр с-д. партии прежнее требование федерации было заменено требованием «автономии Украины с областным сеймом, компетентным в тех делах, которые касаются лишь населения украинской территории». Наконец, и проф. Грушевский — один из вождей украинского движения, как оно сложилось в Галиции, в 1910 г. признавал в качестве политической программы современного украинства «децентрализацию, национально-территориальный автономизм, федерализм».

Белорусское национальное движение гораздо моложе украинского. «О национальном сознании здесь долгое время не приходилось и говорить», замечает один из вождей этого молодого движения, Антон Новина. «Лишенный прав,... белорусс стал презирать свой родной язык и отрекаться от него.. Для эмансипации и возрождения... толчок был дан лишь начавшимся в последние годы во всей России освободительным движением.. Творения белорусских поэтов и писателей прошлого века не могли дать толчок развивающемуся на наших глазах белорусскому национальному движению. Лишь в конце 90-х г.г. XIX века положено было начало первой, весьма ничтожной организации (кружок учащихся в средне-учебных заведениях Минска)». И только зимой 1902—1903 г г. «наметилось иное (помимо «чисто-культурного») направление — политическое, и создана первая белорусская политическая организация под названием «Белорусская революционная громада», переименованная в конце 1903 года в «Социалистическую». Но и эта организация существовала при содействии поляков, очевидно, с специальной целью — «пропагандировать иде-

ал польско-белорусско-литовской республики». Однако, по наблюдению уже цитированного нами Залевского, и она по мере развития революционного и в частности национального движения становится на более конкретную почву и в 1906 г., на втором своем с'езде, требует автономии Белоруссии, национализации школы, культурно-национальной автономии для всех народностей края Тожественную программу принял и «белорусский крестьянский союз». То же самое, хотя с несколько иной мотивировкой, подтверждает и А. Новина. «Культурническое и революционное течение в решительный момент политического под'ема слились в одно русло — уже во время первой Думы, и с тех пор, по мере понижения революционной волны, культурническое движение крепнет и выдвигается на первый план». Вопрос о национализации школ становится злободневным Очевидно, это признак не измельчания, а, наоборот, углубление собственно-национального движения. Для политического национализма у белоруссов не было ровно никаких прицепок в прошлом.

Значительно сложнее история национального возрождения литовцев. Здесь было на лицо старое дворянство и высший слой духовенства и горожан. Но эти верхи, как и в других местах, денационализовались—здесь под влиянием более развитой культуры поляков. Родной язык стал для этих слоев «хлопской, поганой мовой». Для национального возрождения надо было явиться новой интеллигенции из народа, — и это условие осуществилось после польского восстания 1863 г., когда освобождены были крестьяне и для детей их открылись двери средней и высшей школы. Тогда, свидетельствует А. Булат, «создалась постепенно довольно многочисленная светская и духовная литовская интеллигенция — плоть от плоти простого народа». Борясь с польской культурой, русское правительство здесь, как и в Белоруссии, запретило пользоваться латинским шрифтом для печатания литовских книг (то же делалось и в Поволжьи с арабским шрифтом

мусульман). Белоруссы приняли русский шрифт, но литовцы перенесли печатание своих книг в Пруссию, Англию и Америку (как украинцы — в Галицию). Все же первая литовская газета («Заря»), печатавшаяся в прусской Литве, избегала говорить о политике и посвящала себя защите культурных интересов, требуя свободы печати и права употребления литовского языка в суде, администрации, церкви и школе. Но с 1890 года светское течение отделилось от духовного, а в годы под'ема (1902—1905) разделилось и само на демократическое и «националистическое». Демократическое течение встретилось с социал-демократическим, которое и здесь, как в Белоруссии, под влиянием поляков поставило лозунгом «самостоятельную демократическую республику, состоящую из Литвы, Польши и других стран, основанную на началах свободной федерации». Но литовская демократическая партия на своем учредительном с'езде (1902) решила поставить «ближайшей задачей — непосредственное народоправство в современных государственных границах и низвержение полицейского и бюрократического строя в России», тогда как «свободная и независимая по отношению к другим народам и государствам (т. е. и Польше) Литва» оставалась лишь «отдаленной целью». Это изменение связано с новой директивой: «действовать совместно с партиями, восставшими в России против современного правительства», добиваясь конкретно «завоевания полной автономии Литвы в этнографических границах» и ряда мер относительно употребления литовского языка. В революционном 1905 году снова выплыло требование с.-д. о создании «отдельного государства», политическая организация которого должна была быть выработана на сейме в Вильне. Но это государство затем должно было войти в «свободный и непринудительный союз» с Россией, «как равные с равным». 21 и 22 ноября (4 и 5 октября) 1905 г. в Вильне состоялся с'езд, в котором участвовали до тысячи правильно выбранных представителей и около тысячи явившихся по собственному жела-

нию. На этом многолюдном с'езде подтверждено, в несколько запутанных выражениях, требование литовской автономии с сеймом и Вильне и провозглашена борьба против царского правительства «совместно с восставшими народами всех наций». Действительные требования и тут свелись к практической культурной борьбе, — а на этой почве пошла на уступки и местная администрация. По словам Булата, старые лозунги «оставались на бумаге в виде пережитков, а в качестве конкретного требования выставлялась автономия, причем эту автономию литовцы соглашались получить с согласия обще-имперского собрания народных представителей». Уступили этой тенденции и литовские с.-д., отбросив требования независимости и федерации и ограничившись автономией с ограниченной компетенцией сейма. Эти требования измененной программы были заявлены во второй думе литовскими депутатами. Партия с.-д. в это время уже слилась с русской.

Латыши были еще умереннее. Ранними формами проявления национального движения были здесь литературные общества (1868) и спектакли, певческие праздники и с'езды учителей (1873). Все это устраивалось открыто, с разрешения русского правительства. Тяготение к России латышского крестьянства выразилось, между прочим, в массовых переходах в православие (в 40-х годах перешли до 140.000 чел.). Но обрусительная политика Александра III и здесь испортила дело. По выражению г. Петерсона, «старая идеология, об'единявшая в певческих праздниках в е с ь народ, поблекла». Произошло расслоение. Старые требования самоуправления и свободного употребления языка сохранились у буржуазно-демократических партий, но интеллигенция в «Латышском с.-д. союзе» заимствовала у других народностей (см. выше) формулу независимости. Правда, этот «национализм» вызвал сопротивление «Социал-демократии Латышского Края», которая ограничилась лозунгом «самоуправление края на широких демократических началах и введение латышского языка в школе и администрации». Собрав-

шийся 10 ноября 1905 года с'езд 1000 народных учителей и последовавший за ним 19 ноября с'езд 1000 крестьян оба решили, что «судьба прибалтийского края неотделима от судьбы России и что национально-культурные интересы латышей могут быть обеспечены широким местным самоуправлением, а требовать еще особой национальной автономии, подобно литовцам, для латышей нет надобности. Достаточен созыв всероссийского учредительного собрания». Эта умеренность программы сочеталась, однако, здесь с резкостью тактики, выразившейся в бойкоте администрации, отказе от платежа налогов, (что решили и литовцы на Виленском с'езде), поджогах замков, в ответ на введенное с половины ноября 1905 года военное положение, казни и карательные экспедиции.

Требования эстонцев были такого же рода На с'езде представителей эстонского народа 27—29 ноября 1905 г были выставлены требования самоуправления Эстонии на демократических началах, передачи школ органам самоуправления, преподавание на эстонском языке. В июле 1905 года эстонцы подали петицию, составленную в том же духе. Здесь признавалось «единство государства», представляемого «всероссийским парламентом». Но петиция потребовала «неограниченной свободы нации в культурном, экономическом и правовом развитии» и «права областной автономии, где народ признает это необходимым». В высшей школе петиция предполагала сохранить русский язык, как язык преподавания.

Национальное движение среди мусульман появилось уже ранее описываемого периода в форме религиозной пропаганды ислама, а также в виде политической идеи — пантюркизма. Русская власть почувствовала опасность мусульманского прозелитизма и начала борьбу с проявлениями национального движения Тем не менее, масса мусульманского населения, консервативная и темная, не поддавалась сепаратистской пропаганде. Когда, в связи с первой революцией, национальные стремления мусульман получили возможность свободного выражения, они

оказались очень умеренными. Таковы именно требования «всероссийского мусульманского союза», основанного во время Нижегородской ярмарки, 15 августа 1905 г., и сразу включившего до 1500 членов. Союз требовал отмены существовавших для мусульман гражданских ограничений, равноправия, свободы культурного развития, образования местных меджилисов, руководимых периодическими с'ездами мусульман, соглашаясь сообразоваться с запросами общегосударственной жизни и с установлением правового порядка согласно «идеалам передового русского общества». В первые две Думы мусульмане выбирали депутатов на платформах общеимперских политических партий (особенно партии народной свободы).

Общий вывод г. Штернберга относительно чаяний мусульман и азиатских инородцев за это время следующий: «Ни в одной платформе не видим никаких сепаратистских тенденций. Наоборот, все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении со всеми народами в России, в общей свободе, в общедемократическом строе каждая народность обретет свое попранное право... Мусульмане направляют свою деятельность сообразно с потребностями и запросами общегосударственной жизни в России... Ни в один момент русской истории связь инородцев с Россией не была так крепка, как в годы освободительного движения». Что касается Сибири, у киргизов, бурят, калмыков, исповедующих ламаизм, имелись прочные основы для национального об'единения в их особом быте, в их социальной организации с родовой аристократией и духовенством. Но и в эту архаическую среду вошла в последнее время собственная интеллигенция, обучавшаяся в русской школе и вернувшаяся в качестве учителей, писарей, священников к своему народу. Союзы учителей явились национальными организаторами и у крымских татар, калмыков, башкир, вотяков, мордвы, черемис. У киргизов, калмыков, забайкальских бурят, якутов имелся и еще один залог национального единства — сплошная населяемая ими территория, которую они хоте-

ли закрепить за собой, вместе с неприкосновенностью своих начальников и свободой духовного управления. Киргизы представили об этом в 1905 году совету министров записку, покрытую 14 500 подписями.

Сказалось общерусское движение и на настроениях закавказских народностей. Среди грузин движение 1905—6 г., по свидетельству Авалова, «протекало по руслу стихийного социального протеста, но не национального возмущения» Небольшая группа «социалистов-федералистов» подверглась со стороны социал-демократов, об'единившихся с русской партией, обвинениям в «роялизме, клерикализме и затаенном крепостничестве». «Наибольшим успехом», по словам того же Авалова, «пользовалась партия, наиболее равнодушная к вопросам национальной культуры и, в частности, к вопросу об автономии или самоуправлении Грузии». Об автономии Грузии в 1905 г. ходатайствовали лишь дворянские собрания и городские думы, конечно, «с сохранением государственного единства» (Кутаисская дума) и с признанием Грузии «неот'емлемой частью российского государства, добровольно связавшей свою судьбу с его судьбой» (Тифлисское и Кутаисское дворянство). А Ной Жордания, в ответ на требования грузинской печати в думский период об автономии Грузии, доказывал, что для Грузии достаточно самоуправления, вытекающего из общей демократизации государственного строя России, а пропаганда автономии вредна для пролетариата.

У армян, в противоположность грузинам, преобладала именно национальная партия сепаратистов, «дашнакцутюн», — партия революционной интеллигенции, вышедшей из буржуазной среды, а не космополитический социализм. Но мы уже указали, что острие армянской борьбы было направлено против Турции, для освобождения турецкой Армении. На Россию, несмотря на все правитель-

ственные преследования, они смотрели, как на свою необходимую и естественную союзницу в этой борьбе. Закавказье они хотели видеть, в целом, как составную часть русской федеративной республики, независимую во внутренних делах, но связанную с Россией в вопросах защиты государства, внешней политики, монетной и таможенной системы.

Таково было положение волюнтаристического сознания национальностей в России в тот момент, когда явилась надежда оформить сознательную волю русского народа. Это, быть может, был момент, когда национальности становились на путь создания общей российской государственной «нации». Конечно, за исключением польской и финляндской, а отчасти и кавказских национальностей, эти национально-волюнтаристические движения были почти все еще в состоянии зарождения. Основная предпосылка национального волюнтаризма, национальная интеллигенция, еще только начинала складываться у многих. Самые требования, выставленные этой интеллигенцией, были частью очень искусственны, — особенно требования политические. Но мы видели, что как только движение становилось на практическую почву и приобретало практическую цель, искусственные требования быстро уступали место реальным, прежде всего национально-культурным. Если бы первой революции 1905—6 г.г. удалось создать русскую свободу, то отношения национальностей в освобожденной России, вероятно, были бы построены на начале автономии, национальной и территориальной.

Но самодержавию удалось на этот раз подавить освободительное движение, а вместе с ним и сравнительно скромные требования национальностей, впервые свободно

выраженные Мало того, — эти требования вызвали обострение русского национализма, передавшееся и правительственной власти. Последствия этого сейчас увидим *).

VI. От автономии к подавлению, от подавления к отделению.

Два обстоятельства вызвали полную перемену в мирных настроениях национальностей эпохи первой русской революции. Во-первых, первое русское народное представительство, извращенное и подтасованное «положением» 3 июня 1907 г., разочаровало народности и лишило их всяких надежд на удовлетворение их минимальных желаний в мирном порядке Как известно, жертвой «положения о выборах» 3 июня сделалось не только крестьянство и демократия, но также и национальности, число мандатов, которых было чрезвычайно сокращено **). Вслед за тем третья государственная Дума, в большинстве своем крайне националистически настроенная, начала решительную борьбу против наиболее сознательных национальностей и до последней степени их раздражила. Надо сказать, что в начале первой революции, в 1905 г., национальностям все же сделаны были некоторые уступки. Так в Финляндии манифест 22 окт. 1905 г. отменил все незаконные, нарушавшие права финляндской государственности постановления времени управления ген. Бобрикова и приостановил действие ненавистного и не-

*) Сведения о национальных движениях в России собраны в двух ценных сборниках, к которым и отсылаю читателя. «Формы национального движения в современных государствах, под ред. А. И. Кастелянского, СПБ, 1910, Изд. Общ. Пользы (особенно статьи Грушевского, Крживицкого, Новины, Булата, Петерсона, Авалова, Штернберга) и «Общественное движение в России в начале XX века, т. IV, 2, статья Залевского: «Национальные движения».

**) А именно: поляки получили 14 мест вместо 37, мусульмане и кавказцы 10 вместо 29.

приемлемого для финляндцев манифеста 3 февр. 1899 г. В Украине были до некоторой степени признаны права языка, и началась энергичная работа по украинизации школы. В 1905—7 г.г. организованы были 150 обществ «просвіты». С 17 октября 1905 г. началась и издательская деятельность. Быстро увеличивалось число кооперативов (в Киевской губ. в 1904 — 4, в 1905 — 11, в 1907 — 197, в 1908 — 450). Польские политические партии внесли во вторую Думу свой проект польского основного закона, представлявший их минимальные требования, хотя и шедший дальше проекта партии народной свободы.

Националистическое большинство третьей Думы решило не только покончить со всеми послаблениями и уступками, но и перейти в наступление. В Государственную Думу были внесены проекты об общеимперском законодательстве и о правах русских граждан в Финляндии, решительно порывавшие — впервые за сто лет русского обладания Финляндией — с финляндской государственностью. Проекты эти были проведены в 1909—10 г. с бесцеремонностью, оскорблявшей простое чувство приличия. Украинцы были взволнованы новыми преследованиями языка в школе и печати и запрещением такого национального торжества, как юбилей Шевченко. Поляки, при всем консерватизме и даже угодливости польских представителей в Думе, были задеты за живое разграничением польского и русского населения Холмщины, стеснениями в свободе религиозной проповеди (окатоличение) и в доле участия в самоуправлении в западных губерниях. Мусульмане также испытали новые религиозные стеснения и в особенности были недовольны усиленной русской колонизацией в передне-азиатских владедниях, сопровождавшейся значительными отрезками земель у кочевников под оседлые земледельческие поселения.

Нетрудно было предвидеть, что такое систематическое проявление аггрессивно-националистических тенденций приведет к новому взрыву непримиримости и сепаратист-

ских настроений среди национальностей российского государства. Но особенно опасно было, что то же самое националистическое большинство, которое бросало вызов этим народностям, в то же время стремилось вести активную внешнюю политику и слепо шло навстречу опасностям войны. Предсказание, что в случае внешних осложней многонациональная Россия развалится на части, стало с этого времени ходячей фразой По несчастию, оно оказалось верным.

Здесь мы переходим к другому обстоятельству, определившему исход национальных движений в России Если национализм правительственных партий привел от автономизма к сепаратизму, то война и вмешательство иностранцев привело от сепаратизма к фактическому отделению. В другом сочинении я остановился на этом факторе подробнее*). Но, поскольку дело идет о самих национальных интеллигенциях, использовавших настроения иностранцев, — все равно, неприятелей или союзников, относительно России, необходимо коснуться этой стороны вопроса и здесь.

Агитация представителей национальных интеллигенций в Европе за отделение от России окраинных национальностей началась еще за несколько лет до войны. Об этом могут свидетельствовать специальные повременные издания и сборники, издававшиеся в эти годы отчасти на средства национальных организаций, отчасти на средства европейских интернационалистов, отчасти, наконец, и на средства наших будущих врагов. Мемуары литовского националиста, Габриса, ярко рисуют ту заграничную среду, в которой велась эта агитация **). Россия, как государство, смешиваемая с своим устарелым политическим ре-

*) См. Rußlands Zusammenbruch, главу IV: Die Nationalitaten und der Sowjetische «Bundesstaat», Berlin, Obeliskverlag, 1926. В тексте приведены, большей частью, не использованные в этой книге факты.

**) Vers l'indépendance lituanienne par J. Gabrys, Faits, impressions, souvenirs, 1907—1910. Lausanne,

жимом, самодержавием, и с особой националистической тактикой этого режима, в последние годы перед войной оказывалась в крайне неблагоприятном положении лицом к лицу с этой пропагандой, находившей поддержку в самых благородных чувствах и в самых передовых кругах европейской интеллигенции. Даже когда началась война, либеральные и радикальные круги совестились говорить о России, как о своей союзнице Напротив, представители угнетенных национальностей были приняты в европейских салонах с распростертыми об'ятиями. Их не спрашивали об их кредитивах. Освобождение малых национальностей, принцип «самоопределения народностей» был, как сказано выше, основой идеологии последней войны на стороне союзников.

А на стороне неприятелей—тоже до войны—сложился определенный план—использовать этот принцип с целью ослабления военной мощи России. Сперва Австрия, а затем и Германия, энергично работали на этом поприще, и использовали с этой целью недовольство российских национальностей. Именно в этот период, в Кракове, в 1913 году, и Ленин, под несомненным австрийским влиянием, обогатил социал-демократическую программу, по существу интернационалистическую, прибавкой к формуле «самоопределения» знаменитых слов: «вплоть до отделения».

Благодаря энергии Габриса в 1912 году в Париже создан был журнал Les Annales des Nationalités и организован был «Союз национальностей» (Union des Nationalités). 26—27 июня этой организации удалось созвать, под председательством Пенлеве, конференцию национальностей, на которой выступили делегаты латышей, литовцев, прочтены были письменные заявления украинцев. желания финляндцев. Конференция решила учредить «постоянную комиссию делегатов всех национальностей» для составления мемуара о требованиях национальностей и для декларации прав национальностей, на которой особенно настаивал Габрис и которая должна была быть представлена мирному конгрессу. В двух заседаниях (4—5 июля

в Париже и 12 ноября в Лозанне) «постоянная комиссия» выработала вопросник для составления докладов национальностей (должны были быть указаны «максимум» и «минимум» их требований, польза их освобождения для европейского мира и для цивилизации человечества и т. д.) и текст «декларации прав». Сделана была затем в сентябре попытка созвать на декабрь 1915 года в Берне «Congrès international d'Etudes», Но это не удалось вследствие отказа французов и просьбы американцев отложить с'езд до апреля 1916 г. Однако, все же, был заслушан доклад Габриса, в качестве «директора de l'Office des Nationalités» и выработаны 9 пунктов «программы минимум» *). Для характеристики тех возражений, которые были представлены против этой агитации, пока исход войны не определился, интересно ознакомиться со статьями венгерского пацифиста Jaszi, американца Чарльза Левермора, шведа Карла Гильдебранда, австрийцев, проф. Эрлиха и Руд. Лауна, помещенных в других томах только что цитированного сборника Венгерец проводит разницу между национальностям, заслуживающими автономии и не заслуживающими ее. При этом, разумеется, ограждаются интересы Венгрии. Американец ограничивается вескими замечаниями по поводу требования в «программе минимум» международных гарантий гражданского равенства, религиозной свободы и свободы употребления языка национальностями в многонациональных государствах. «Никакая первоклассная держава», говорит он, «не потерпит такого вмешательства в договорных соглашениях, если только она не была предварительно побеждена в конфликте, возникшем из этих самых вопросов ... Осуществление подобного обязательства зависело бы или от боевой силы подчиненной национальности или от длительного вмешательства победителей. Как только внешнее прину-

*) См. Recueil de Rapports sur les différents points du programme minimum I. La Haye, 1916 („Organisation Centrale pour la paix durable").

ждение было бы устранено, такое государство, конечно, начало бы законодательствовать и управлять в своих границах согласно воле большинства или своему господствующему настроению.. Гарантия оказалась бы лишенной всякой цены, если бы господствующее общественное мнение относилось бы к ней безразлично или враждебно». Америка, во всяком случае, не потерпела бы вмешательства в ее отношения к неграм или переселенцам из Азии...

Гильдебранд высказал такое же скептическое отношение. По его наблюдению, ни одна национальность — ни поляки, ни венгры, ни русские, ни итальянцы, ни французы, ни англичане — не уважает прав чужой национальности. Принцип национальности важный, но не единственный. «Преувеличенное применение его подвергло бы опасности культуру Соед. Штатов и разорвало бы на три куска Швейцарию... Попытка переделать границы в Европе вызвала бы национальные страсти, и вместо базиса прочного мира мы получили бы источник вечной войны». Вред национальной идеи уже сказался в желании государств ввести на своих окраинах с и л о й свою национальную культуру, чтобы иметь национальные границы.

Австрийцы предлагали, конечно, взять за образец отношения к национальностям — Австрию, но относились весьма враждебно к России — да также и к ее союзникам. Эрлих говорил, что Россия не лучше Турции, от которой хотят передать ей армян. Если бы австрийцы могли диктовать условия мира, то они не ограничились бы отдачей Бессарабии Румынии и дарованием н а с т о я щ е й автономии Польше и Финляндии. Они освободили бы украинцев, белоруссов, германцев, литовцев, евреев, кавказцев, русских татар, — да кроме того и ирландцев, индусов, персов, египтян, итальянцев во Франции и туземцев во французских колониях. Такого рекорда (600 миллионов чел.) не побить союзникам...

После того, как стал выясняться перевес союзников и обнаружилось банкротство России, — судьба национальностей Австрии и Турции была решена, — и в этом отношении, как мы упоминали выше, европейская интеллигенция помогла интеллигенции подчиненных этим державам народностей найти свою независимость и этнографические границы. Но та же судьба должна была постигнуть и Россию, которую привыкли считать побежденной, на ряду с Австрией и Турцией. По мере приближения мирной конференции все упоминавшиеся окраинные народности стали обращаться к решителям судеб Европы с меморандумами относительно своей независимости. И то обстоятельство, что Россия только что была союзницей и пострадала вследствие понесенных ею жертв, не представляло препятствия к разделу ее территории. В «Анналах национальностей», которые с 1912 года редактировались Габрисом и Пелиссье, находим в 1918 г. ряд любопытных статей, характеризующих это настроение. Напр. в № 9-м (от 1 мая) Пьер Шантрель убеждает Клемансо не повторять ошибок своих предшественников и не говорить, что «политика национальностей есть создание германцев». «Если Берлин всячески содействовал сепаратистским движениям, то это для того, чтобы создать себе на Востоке новых политических и экономических клиентов. У Антанты имеется полное основание действовать параллельно с Вильгельмштрассе, чтобы отнять у германцев плоды ее работы. Единая и неделимая Россия кончена. Франция должна вмешаться, чтобы перелить ее в федерализм на основе добровольного соглашения договаривающихся частей. Государственные люди Антанты должны понять, что Германии труднее будет справиться с тремя или четырьмя столицами, чем с одним Петербургом. И автор убеждает Клемансо не отвергать домогательств Литвы и Украины. Другая статья анонимного автора предлагает, вернув национальностям России их независимость, об'единить их около Киева, причем в новую федерацию могут войти, в качестве суверенных государств,

Польша и Литва. Польша будет восстановлена в своих прежних границах, с присоединением Галиции. Бессарабия будет отдана Румынии. Тут же встречаем жалобу на поляка Дмовского, который хочет просто проглотить Литву и Украину, и т. д.

Как относились сами российские национальности к этой агитации, ведшейся за-границей от их имени? Мы имеем их ответ — всего за год до революции 1917 г. В конце июня 1916 г. «Союзу национальностей» удалось, наконец, созвать с'езд в Лозанне, названный «третьим». Этот с'езд тоже вышел не полон и не очень авторитетен: национальности, уже имевшие своих ходатаев перед великими державами обоих лагерей, туда не приехали и прислали второстепенных представителей. Но, все же, представители ряда российских национальностей явились Они явились, до некоторой степени организованные «лигой русских инородцев», только что перед этим выступившей с обращением к Вильсону*). Что же они говорили на этом с'езде (когда исход войны еще не решился)? Только финляндцы, одна польская группа и представители Бухары и Хивы требовали здесь полной независимости. Литовская

*) «Душой» этой «Лиги» Габрис признает известного барона Роппа. Под обращением к Вильсону (датированным. май 1916) подписались, кроме него, между другими, Конни Цилиакус, организатор Парижского с'езда 1904 г. (см. выше), член Думы поляк Лемницкий, В Серошевский, Дмитро Донцов, украинская и литовская группы в Швейцарии, Мих. Церетели, несколько тюрко-татарских националистов. Самое воззвание обращалось к Вильсону от имени «нас», финляндцев, балтов, литовцев, белоруссов, поляков, русских евреев, украинцев. русских мусульман, грузин с жалобами на притеснения, преследования, опустошения русского правительства, но не формулировало положительных требований, ограничиваясь просьбой: «придите на помощь нам, спасите нас от гибели (destruction)». Текст см. в приложении у Габриса, стр. 277—282. О ранних симпатиях Вильсона, еще профессора, к национальной пропаганде Габриса и его покровителей см стр. 30 Мемуаров Габриса О Лозанском конгрессе см. там же, гл. VIII.

делегация разошлась сама с собой. Упомянув про прежние требования автономии, она все же закончила — в довольно условной форме — требованием «полной независимости». Эстонцы формулировали свои требования альтернативно: или автономия, или, в крайнем случае, отделение от России; — и в таком случае «союз с другими северными народами». Черкесы и дагестанцы довольно нерешительно просили союзников — Англию, Францию, Соединенные Штаты и Швейцарию — «освободить их» от Московского ига. Грузины занялись очень извилистой полемикой по вопросу, «прекратилось ли существование грузинского государства» и, в итоге, воздержались от всякого практического вывода Киргизы просили только об автономии и равноправии. Калмыки просили «облегчить их участь». Белоруссы выставили скромное требование «симпатии и поддержки, чтобы заставить уважать их национальные и культурные права» Татары формулировали свои пожелания в двух пунктах: «равенство гражданских и политических прав» и «национальная и культурная автономия». Украинцы требовали сохранения конституционных прав за Галицией, а для украинского народа, как целого, — права, если не создать независимое государство, то, по крайней мере, развивать свои национальные особенности и пользоваться религиозной терпимостью, свободой употребления языка в школах и в университетах, с присоединением политических прав, данных австрийцами и переяславским договором 1654 г. Конференция приняла и общую «декларацию прав национальностей», но выкинула из нее слово «плебисцит», как «опасное». Председательствовавший швейцарец О т л е т, возражал во вступительной речи против «расчленения Европы и возвращения к средневековому дроблению во имя л о ж н о - п о н я т о г о принципа национальности. Он различал пять различных ступеней освобождения национальностей, начиная с индивидуальной свободы и кончая независимостью». Эта речь, очевидно, соответствует

тому, несколько неопределенному настроению, в котором находились российские народности в ожидании исхода войны и перед началом русской революции*).

VII. Национальный вопрос в советской России**).

В эти колебания вожди русского большевизма внесли своеобразную определенность. Приехав в Россию, Ленин провозгласил всеобщую «дезаннексию» всех, когда либо и кем-либо аннексированных национальных территорий. Финляндия, Польша, Эстония, Курляндия, Украина, Грузия, Армения, Дагестан, Туркестан, Бессарабия входили в этот список на равном основании с Ирландией, Индией. Египтом, Алжиром, Марокко (см. выше заявление проф. Эрлиха). Русские социал-демократы тщетно пытались закрепить решением своего сентябрьского с'езда 1917 г. известную нам точку зрения, что в интересах русской революции необходимо не «распадение России по национальностям» и даже не создание «слабо федерированных самодовлеющих областей», а «более тесные экономические, политические и культурные отношения, независимо от национального состава населения» и лишь с проведением полного уравнения прав национальностей, широкой

---

*) См. Compte-rendu de la III-e conférence des Nationalités unie à Lausanne, 27—29 juin, 1916 Lausanne, 1917. Любопытную иллюстрацию того, как быстро изменилось настроение после победы союзников, представляет сравнение двух книг члена русского Гос. Совета, поляка Корвина-Милевского: «Les dangers mortels de la révolution russe» (где автор, скрывшийся под тремя звездочками, предостерегает об о п а с н о с т и расчленения России) и Que faire de l'Est Européen, где он рекомендует свести Россию в пределы «Московии», восстановив Польшу в старых пределах. Первая книга писалась до октябрьского переворота 1917 г, вторая написана для мирной конференции 1919 г.

**) Более подробное изложение предмета этой главы см. в упомянутой выше моей немецкой книге Rußlands Zusammenbruch

территориальной автономией для областей, которые отличаются по национальному составу и условиям экономической жизни, и защиты общеимперским законом прав национальных меньшинств на основе культурно-национальной автономии.

Ленин был неумолим. Через неделю после захвата власти большевики опубликовали «декларацию прав национальностей России», в которой признавались: 1) права и суверенитет народов России и 2) право народов России располагать собой вплоть до отделения и образования независимых государств В наступившем русском хаосе и при введенном большевиками террористическом способе управления, конечно, права эти остались голой фикцией. Практическое употребление из декларации Ленина сделала только Германия, немедленно же об'явившая свое «уважение» перед правом самоопределения Польши, Курляндии и Литвы, а на новый 1918 г. провозгласившая эти провинции с частями Лифляндии и Эстляндии окончательно отделившимися от России. За этим последовало по Брест-Литовскому миру, очищение русскими Финляндии, Украины и Закавказья

Мы уже не удивимся, что союзники, победив Германию. продолжали ее политику расчленения России Отделение всех перечисленных провинций, включая и Бессарабию. было в ближайшие годы признано государствами Антанты, а по Рижскому договору с Польшей 18 марта 1921 г. отделена и значительная полоса территории, населенной 3½ миллионами русского населения *).

*) Я не могу в этом сжатом очерке останавливаться на длинном ряде чрезвычайно сложных и запутанных событий, резюмированных в последних строках. Каждая из национальностей, о которых идет речь, вела в лице своих официальных представителей или своей интеллигенции, упорную борьбу, чтобы из наступившей смуты извлечь наиболее широкие права самостоятельности и независимости для своей народности. Отношения к России при этом предполагалось установить на основании предварительного признания независимости, тогда как официальные представители антисоветской России про-

На этом, однако, «самоопределение вплоть до отделения» и остановилось. В дальнейшем Закавказье даже было отобрано большевиками обратно. Большевики вспомнили, что еще в Галиции, в то самое время, когда Ленин об'явил свою формулу, на «летней конференции» 25 сентября 1913 года была проведена казуистическая оговорка: «вопрос о праве самоопределения национальностей не должен быть смешиваем с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна в каждом отдельном случае подвергать особому расследованию с точки зрения общих интересов социального развития и пролетарской классовой борьбы за социализм». На с'езде в Петрограде 7—12 мая 1917 г. это решение было подтверждено. А в январе 1918 г. третий с'езд советов установил руководящее положение для будущего. «Русская советская республика строится на основах свободного соглашения свободных наций, как союзное государство». Входить в него можно, сколько угодно: по этой схеме весь мир должен был превратиться в единую союзную советскую республику. Но выход — с этого момента превратился, по учению советских государствоведов, в «потенциальное» право, — или же даже — в простую «декларацию». На 8-м с'езде коммунистической партии (март, 1919) было пояснено: «партия видит в федеративном соединении организованных по советскому типу государств — одну из переходных ступеней, ко-

---

должали отстаивать права русского народа и общероссийского учредительного собрания при установлении этих отношений в будущем. Обе точки зрения сжато изложены (не без ошибок и недоразумений) в брошюре Gaston Gaillard Le mouvement panrusse et les Allogènes, Paris, 1919. См его же L'Allemagne et le Balticum. Для более подробных сведений см. специальную литературу. Много фактических данных сгруппировано в IV т. Очерков русской смуты ген Деникина См. также прения по поводу моих лекций в Праге (14—16, 1924 г.), напечатанные вместе с текстом лекций и другими документами в брошюре: «Національне питання на Сході Европи, Матеріяли и документи», под редакцією Н. Григорпва, Прага. 1925.

торые ведут к полному единству». Зачем же нужно было поднимать весь национальный вопрос? Партийный с'езд предупредительно раз'ясняет: чтобы «преодолеть недоверие рабочих масс порабощенных стран» и тем «сблизить пролетариев и полупролетариев различных национальностей в интересе общей революционной борьбы». После этого уже не трудно было простым декретом 1 июня 1919 года установить, какие отрасли законодательства и управления признаются в мнимой советской «федерации» общегосударственными. Наконец, 10-й с'езд коммунистической партии (март, 1921) об'явил без дальних разговоров «опыт мирного сожительства и братского сотрудничества национальностей» при советском режиме «удавшимся» и тут же вновь напомнил, что это есть лишь «переходная форма к высшему единству», диктуемому необходимостью «устойчивости и прочности», «военной защиты» и экономической связи частей государства.

В чем же состояло удовлетворение требований национальностей, обещанное большевиками? Рядом декретов, на протяжении 1920—1922 г., советская власть создала в пределах «федеративной республики» (Р. С. Ф. С. Р.) 11 «автономных республик», 10 автономных областей, 1 автономную коммуну. Все эти подразделения носили название отдельных народностей, и карта русских административных единиц начала сильно напоминать историко-этнографическую карту. Обыкновенный русский обыватель узнал про существование в России народа «мари» и народа «коми» (зырян): названия, известные ученым из летописей. Существовали республики карельская, бурятская и якутская, автономные области чувашская, вотяцкая, черкесская и чеченская. Но никакой «федерации» в пределах Р. С. Ф. С. Р. не существовало. Местные власти — исключительно состоявшие из коммунистов, просто регистрировали и принимали к исполнению декреты центральных учреждений, подготовленные, в свою очередь, коммунистической партией. Все прежние вожди и руководители национального движения, принадлежавшие к буржу-

азной или хотя бы социалистической интеллигенции, должны был скрываться или эмигрировать. Все дореволюционные формы национального движения, в роде национально-культурной автономии и т. п., были формально об'явлены на 10-м партийном с'езде (март, 1921) буржуазными выдумками, совершенно излишними при коммунизме. В составе центральных учреждений, как-то случайно и невзначай, образовался «Наркомнац» (народный комиссариат национальностей), в котором участвовали и представители национальностей. Но умысел тут был совершенно иной, чем удовлетворение потребностей народностей, населявших Россию. Наряду с их представителями в «Наркомнаце» заседали латыши, литовцы, эстонцы, поляки, финны, чехо-словаки: словом, это был рассадник будущих всемирных коммунистических соединенных штатов советской республики, и занимался он, главным образом, пропагандой. К концу 1920 г. «Наркомнац» издал 12 миллионов печатных брошюр на 15 различных языках. 10-ый партийный с'езд находил подобную «эластичность федерализма» для себя чрезвычайно удобной и «целесообразной».

Национальности, разумеется, думали иначе. И когда прошел сумбурный период «военного коммунизма» и прекратилась гражданская война, уцелевшие вожди национального движения (из коммунистов) подняли голову. На 12-м партийном с'езде (апрель 1923 г.) не обнаружилось и следов того оптимизма, с которым 10-ый с'езд об'явил национальный вопрос в России разрешенным. «Недостаточно найти ключ к решению», утверждал этот с'езд, — надо еще провести в жизнь конкретно-практическое решение». Что же этому препятствовало? Ответ с'езда был весьма откровенен. Мешали «остатки империалистического шовинизма, в которых отражается прежнее привилегированное положение великоруссов. Эти пережитки живы еще в головах советских служащих как в центральных, так и в местных учреждениях». Благодаря им, потребности «национальных республик» обслуживаются «русскими чинов-

никами», «тупо-бюрократически». Ведь в Украине, Белоруссии, Азербейджане, Туркестане, значительная часть «пролетариата» принадлежит к великорусской национальности. С'езд отмечает среди него толки о «преимуществах» и о «неизбежности победы высшей русской культуры». С другой стороны, с'езд, однако, констатирует «остатки национализма» также и у национальностей, «еще не освободившихся от прежнего чувства национальных обид» и продолжающих «не доверять» русским. Мало того, «в некоторых республиках... этот оборонительный национализм превращается в наступательный, в ожесточенный шовинизм сильнейшей национальности, направленный против слабейшей. Таков грузинский шовинизм, направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев, азербейджанский шовинизм, направленный против армян, узбекский шовинизм (в Бухаре), направленный против туркмен и киргизов, армянский шовинизм и т. д.».

Все эти, весьма конкретные наблюдения окончательно доказывают, что национальные вопросы при советской власти не только не разрешены, но еще более запутаны. Однако же, независимо от этих внутренних трудностей, которые предстоят всякому правительству, мы видим, что советская власть создала и специальные причины для недовольства национальностей. Это именно — полная централизация и порабощение власти партии и полное игнорирование результатов, достигнутых прежними национальными движениями. Против советского централизма, наконец, возмутились те республики, которые, не входя в состав Р. С. Ф. С. Р., были с ней в договорных отношениях: Украина, Белоруссия, закавказские народности. В декабре 1922 г., по почину Украины, с'езды советов Украины, Белоруссии, Восточной Сибири и Закавказья вынесли постановление, чтобы наконец, созданы были высшие союзные учреждения, до тех пор совершенно отсутствовавшие в этом квази — «союзе государств», и чтобы была разграничена компетенция центральных властей от компетенции местных. 10-ый с'езд советов (27 декабря 1922),

в котором уже участвовали представители союзных и автономных «республик», приняли соответствующие решения, 30-го декабря был открыт первый с'езд С. С. С. Р. («Союза советских социалистических республик»), а 6-го июля 1923 г. провозглашена конституция «Союза», из которого выкинуто самое имя России.

Удовлетворила ли по крайней мере конституция 6-го июля национальности? Содействовала ли она, если не разрешению, то хотя бы постановке на верный путь решения национальных вопросов России? Достаточно прочесть предисловие к акту 6-го июля, чтобы понять, что делая формально уступку национальностям, советская власть фактически преследовала при этом прежние, указанные выше цели — еще большей централизации. Такая централизация, по открытому заявлению предисловия, необходима для восстановления народного хозяйства, а это восстановление необходимо, чтобы уничтожить «наследие войны». Вопреки истине, советская власть об'ясняла «исключительно этим наследием то, что было последствием ее собственного хозяйничания: «опустошенные поля, закрытые фабрики, разрушенные производительные силы и истощенные источники государственных доходов». В дополнение к экономическому мотиву предисловие приводило и другие: «непрочность международного положения, угроза новых нападений и — наконец, интернациональная структура самой советской власти. В действительности, конечно, все мотивы, — и внешняя опасность, и внутреннее истощение сводились исключительно к причине всех причин: к существу советской власти, самое существование которой делало невозможным осуществление какой бы то ни было свободы, в том числе и национальной. И союзная конституция 6 июля формально отбирает у мнимо-независимых национальных государств даже такие хозяйственные права, которыми пользовались скромные органы самоуправления царского периода, сохраняя себе лазейки для вмешательства даже и в те области управления, которые оставлены в местном

заведывании. В центре, правда, на ряду с «союзным советом» учрежден был теперь и особый «совет национальностей». Но, во первых, в этом совете большинство голосов принадлежит не пяти «союзным» республикам (к прежним прибавились в октябре 1924 г еще две — Туркменская и Узбекская), а представителям «автономных республик» и «автономных областей» самой Р. С. Ф. С Р. Во вторых, весь «совет национальностей», вместе взятый, не обладает равными правами по законодательству с другой палатой и, в случае разногласий, не имеет никакой возможности ни провести своих проектов, ни остановить прохождение проектов в другой, главной палате, в «союзном совете». В высшем органе государственной власти «президиуме центрального исполнительного комитета», совет национальностей имеет только 7 членов из 21 (другие 7 выбираются «союзным советом», остальные 7 — на общем заседании обоих палат, где сотня с небольшим членов «совета национальностей» тонет среди почти четырехсот членов «союзного совета»). «Президиум» и представленный им Ц. И. К. могут отменять все решения всех органов государства и контролировать все проекты их мероприятий, тогда как их собственные меры обязательны на всей территории государства. Если Р. С. Ф. С. Р. — странная «федерация», то С. С. С. Р. — еще более странный «союз государств»! Советский государствовед, Б. Гурвич, совершенно прав, когда утверждает, что на советском языке слово «автономия» значит совсем не то, что на языке «буржуазного» права. Советская автономия есть лишь «одно из средств преодолеть в ближайшее время центробежные стремления», «усилить центростремительные тенденции» и советская «федеративная республика», есть уже потому «шаг вперед», что она является «средством упразднить национальный вопрос», для которого вообще не должно быть места в «демократическо-централизованном государстве»!

Конечно, это не последнее слово в истории национальных вопросов в России. Мы видели, что после 1906 года решение этих вопросов вообще вступило на неправильный путь — сперва реакционного национализма последних двух Государственных Дум, а потом — крайнего централизма коммунистической власти. В промежутке между этими двумя крайностями, похожими друг на друга по отношению к одинаковому игнорированию важности национальных вопросов, некоторые из этих вопросов были решены без участия России насильственным способом отторжения — сперва при содействии наших врагов в последней войне, а потом при содействии наших союзников. Непрочность подобных решений явствует уже из судьбы Закавказья. Насильственный захват Бессарабии и уступка русских территорий по Рижскому миру создали повод к длительным конфликтам России с ее соседями, румынами и поляками. Нельзя отрицать в то же время, что насильственность формы в других случаях совпала с естественностью решения. Таковы, несомненно, случаи, с отделением Финляндии и Польши, — стран, обладающих вполне развитым национальным сознанием, отдельными сплошными территориями и населением, наконец, и старой государственностью.

Здесь не место предсказывать, как резрешатся другие, связанные с Россией, национальные вопросы. Многое будет, конечно, зависеть от обстановки, при которой эти решения состоятся. Затем, нельзя отрицать, что процессы волюнтаристического национального развития на территории России находятся на самых разнообразных ступенях этого развития и подгонять их решение к одной и той же мерке было бы совершенно невозможно. Это отразилось даже и градациях советского «федерализма». Наконец, несомненно, что экономическая связь между частями бывшей российской империи, также как и необходимость общей защиты, повелительно диктует сохранение единства в той степени, в какой оно уцелело после катастрофических событий последних годов, — и ту или иную

степень сближения русского ядра с частями, уже отделившимися. Менее всего следовало бы при этом рекомендовать дальнейшее применение насильственных способов, дважды или трижды примененных с такими неудовлетворительными результатами

Истинно-научное понимание процессов создания и сознания национальности, которое мы старались здесь обосновать, приводит к заключению, что, хотя в этих процессах нет ничего мистического, хотя роль интеллигенции, как органа национальной памяти, оставляет место элементу случайности и искусственности, а распространение процессов сверху вниз, из социальных верхов в народные массы, предполагает разные степени усвоения и углубления процессов, — тем не менее, явления социального общения и взаимодействия, лежащие в основе этих процессов в достаточной степени неуловимы, а продукты их в достаточной степени устойчивы, чтобы требовать самого осторожного обращения с ними. Антинациональная и ассимиляционная политика, обращенная национальным большинством против меньшинств именно по указанным причинам чрезвычайно редко увенчивалась успехом Большей частью она вела к озлоблению и обострению отношений, к болезненному росту преследуемого национального чувства, к ослаблению, а при первом удобном случае и к распадению государств, которые позволили себе подобную политику. Примеры Турции, Австро-Венгрии, а в последнее время и России — у всех перед глазами. Мы уже говорили, что успехи национального самоопределения и решение ряда национальных вопросов в Европе являются одним из самых ценных завоеваний последней войны. Надо надеяться, что они останутся и одним из самых прочных ее завоеваний, поскольку освобожденные и об'единенные народности сами не поддадутся тем извращениям национального чувства, о которых мы упоминали выше. Наука, как мы видели, сослужила службу демократии в этом освободительном процессе. Нужно пожелать, чтобы и демократия считалась с доводами науки.

„Свободная Россия“

РЕСПУБЛИКАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ОРГАН

Вышли из печати и имеются в продаже:

№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8

№ 9 подготовляется к печати
и выйдет в январе 1926 г.

Библиотека изд-ва „Свободная Россия“

Вышли из печати и имеются в продаже:

I.

Ст. Иванович

Российская Коммунистическая Партия

II.

А. Н. Марков

Советский бюджет и народное хозяйство

III.

С. Загорский

Рабочий вопрос в Советской России

Продажа брошюр и журналов во всех русских кн. магазинах заграницей

Адрес для писем, сношений с редакцией:

1) Prague ul. Karoliny Světlé 16. Red „Krestianskaja Rossija“, 2) Paris. 26 rue Buffault. Red. „Les Dernières Nouvelles“